

ONOMASTICA

Uralica

7

Debrecen–Helsinki
2008

ONOMASTICA
Uralica 7

Edited by
ISTVÁN HOFFMANN
VALÉRIA TÓTH

Onomastica Uralica

President of the editorial board

István Nyirkos, Debrecen

Co-president of the editorial board

Ritva Liisa Pitkänen, Helsinki

Editorial board

Tatyana Dmitrieva, Yekaterinburg

I. S. Galkin, Yoshkar-Ola

István Hoffmann, Debrecen

Marja Kallasmaa, Tallinn

Nina Kazaeva, Saransk

Lyudmila Kirillova, Izhevsk

Sándor Maticsák, Debrecen

Irma Mullonen, Petrozavodsk

Aleksej Musanov, Syktyvkar

Peeter Päll, Tallinn

Janne Saarikivi, Helsinki

D. V. Tsygankin, Saransk

Olga Vorontsova, Yoshkar-Ola

The articles were proofread by

István Hoffmann, Nina Kazaeva, Lyudmila Kirillova, Sándor Maticsák, Matti Pöllä

Translation

Cielito Lindo Bt. (www.cielitolindo.hu): Judit Szilvia Várnai, Edit Felföldi, Mónika Fischer

Lektors of translation

Jeremy Parrott

Technical editors

Valéria Tóth

Cover design and typography

József Varga

Supported by the Hungarian Scientific Research Fund (OTKA, Grant T 042919)

The studies are to be found at the Internet site both in English and in their original language.
<http://onomaural.klte.hu>

ISSN 1586-3719

Printed and bound by Vider Plusz Bt., Debrecen

Contents

Articles

АНАТОЛИЙ КУКЛИН

Система научных приемов анализа ономастического материала	5
--	---

Д. В. КУЗЬМИН

Достаточно ли емских теорий?	23
------------------------------------	----

А. Г. МУСАНОВ

Гидронимия Средней Язвы	37
-------------------------------	----

ШАНДОР МАТИЧАК

Названия поселений гидронимического происхождения в Мордовии	51
---	----

ERZSÉBET GYÖRFFY

River names in Hungary during the Árpád age	57
---	----

ISTVÁN HOFFMANN

The name as a historical source	75
---------------------------------------	----

Chronicle

TAMÁS FARKAS

The research of official family name changes in Hungary	87
---	----

ISTVÁN HOFFMANN

Katalin Fehértói (1925–2006)	102
------------------------------------	-----

ISTVÁN HOFFMANN

Kiss Lajos Award	106
------------------------	-----

Reviews

ANDREA BÖLCSKEI

Two books on the settlement names of the old Bihar comitat	111
--	-----

FERENC BÍRÓ

Névtörténet — magyarságtörténet	117
---------------------------------------	-----

ATTILA HEGEDŰS

Helynévtörténeti tanulmányok 1–2.	124
--	-----

ERZSÉBET GYÖRFFY

Várnai Judit Szilvia: Bárhogy nevezzük... ..	135
--	-----

Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages

TATYANA DMITRIEVA

Obi-Ugor Languages: Khanty and Mansi 141

Анатолий Куклин (Йошкар-Ола)

Система научных приемов анализа ономастического материала

В общей совокупности различных методов, применяемых для историко-лингвистической интерпретации ономастического материала, ведущее место принадлежит методам и приемам компаративистики и контрастивной лингвистики, нацеленных на широкомасштабное историко-культурное исследование с использованием языковых материалов и данных по материальной и духовной культуре родственных и неродственных соседствующих народов, привлечением этнологических, палеоантропологических, археологических и иных сведений.

Методы компаративистики успешно применяются при изучении географических названий региона, этнический состав которого был однородным в разные исторические эпохи. Что касается Урало-Поволжья, то в его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации племен, взаимодействие и интеграция разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этнические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на его топонимии, характеризующейся сложностью своего формирования, состоявшей из накладывающихся друг на друга топонимических пластов. Поэтому при объяснении происхождения и смыслового содержания названий географических объектов Урало-Поволжья и путей их развития приемы и методы компаративистики и контрастивной лингвистики должны слиться в единый механизм, направленный на поиски гомогенности и гетерогенности, равнозначности и неравнозначности и других признаков топонимов. Причем методы контрастивной лингвистики успешно могут быть применены при исследовании генетически связанных слов. При этом на основе контраста можно определить диахроническое соответствие и синхроническое несоответствие, и относительную хронологию его возникновения на фонетическом облике и семантической структуре апеллятивной лексемы и других составных элементах топонима (КУКЛИН 1995: 289–290; 1997: 58–61).

Исходные теоретические положения должны подкрепляться материалами родственных и неродственных языков с учетом лингвогеографи-

ческих данных, а совокупность методов синхронного и диахронного анализа должна корректироваться нетрадиционными подходами к исследованию.

Достоверность объяснения причин звуковых изменений во многом зависит от учета экстралингвистических и этносоциальных факторов, реорганизовавших в какой-то мере культурно-исторический фон функционирования субстратных тополекем и нарушивших тем самым системность фонетических изменений. Необходимо иметь в виду, что фонетический облик исходной тополексемы можно восстановить лишь на основе приемов внешней и внутренней реконструкции. Эта процедура нацелена также на поиски фонологических отложений, встречающихся в субстратных лексемах, по их спорадическим изоглоссам, уцелевшим в диалектах уральских, тюркских, славяно-русского языков.

Воспроизведение первоначального смыслового содержания субстратной тополексемы связано с расщеплением и выборкой топоформантов и инновационных морфем и установлением на их основе производящей основы. Кроме того, отдельные субстратные названия при фонетической адаптации могут значительно видоизменяться и совпасть по своему внешнему облику с лексемой языка-рецептора, расширяя тем самым круг гетерогенных омонимов. Что касается топонимов-комполит, то в них, как правило, омонимизируется один из компонентов, не нарушая при этом семантические блоки названий или оттенков их значений. Объяснение семантики позднейших новообразований возможно лишь на основе так называемой «цепной» реконструкции. Эта процедура нередко требует воспроизведения более древней формы топонима, ориентации на выявление его диалектных вариантов в пределах некоторой единой языковой общности, установления модифицированных форм, возникших под действием неродственных контактирующих языков.

Нетрудно убедиться, что словообразовательный анализ субстратных топонимов без определения их языковой принадлежности и реконструкции фонетического облика архетипа является весьма относительным, а в большинстве случаев предвзятым или же неверным. Установить языковую принадлежность субстратной тополексемы возможно лишь на основе воссоздания языковой реальности прошлого Урало-Поволжья. Причем гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не только не противоречили бы друг другу, а находились бы в отношениях взаимной дополняемости. Более того, о степени достоверности реконструированной праформы можно судить лишь в том случае, если ее содержательная сторона более или менее

соответствует физико-географическим реалиям Урало-Поволжья. Если же восстановленный архетип достраивается в цепочку омонимичных гетерогенных образований, то перед исследователем возникают новые задачи вплоть до анализа синхронных и диахронных взаимоотношений лексем родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов. Создавшуюся дилемму в определенной степени можно преодолеть лишь выяснив направления фонетико-семантической эволюции апеллятивной лексики в исследуемых языках. Причем выяснение вопросов совпадения или расхождения значений сопоставляемых топонимов, исторически восходящих к лексическим данным языка-основы или являющихся гетерогенными омонимичными образованиями, в первую очередь зависит от решения таких узловых моментов, как изыскания в области типологии слова в языке или первоисточнике и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексики в сопоставляемых языках и их диалектах в разные хронологические срезы функционирования (КУКЛИН 1998: 11–13).

В этой связи следует указать на наиболее типичные ошибки в применении лингвистических методов для анализа ономастического материала и апеллятивной лексики, находящейся в основе названия.

1. Часто происхождение гидронима объясняется неверно вследствие того, что исследователями отождествляются разноязычные слова по их чисто внешнему созвучию без учета их генетических корней. Факторы субстратно-адстратного и этноисторического характера при этом остаются без внимания.

Так, название великой реки Восточной Европы *Волги* немецкий славист М. ФАСМЕР возводит к праславянскому слову **Vьlga*, где гласный *ь* во время первой лабиализации звуков *е, ь* после отвердения *l-* изменился в *ъ*, который в свою очередь в восточнославянских языках перешел в *о*. Свидетельством этого, по мнению М. ФАСМЕРА, может быть восточнославянское слово *волглый* в значении 'влажный, сырой'.

Этот корень он усматривает и в названиях рек *Vlha* (река в бассейне Лабы, совр. Эльба), *Wilga* (река в бассейне Вислы) (ФАСМЕР 1986: 336–337).

Как явствуют изыскания М. ФАСМЕРА, речное название *Волга* объясняется им на основе отождествления слов славянских языков и гидронима без учета регионально-этнических и исторических сведений, без поиска субстратных языковых отложений.

Следовательно, метод, лежащий в основе исследования гидронима, выбран М. ФАСМЕРОМ неправильно и его применение фактически не дало объективной оценки названию.

Другие ученые, например, А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Т. ЛЕР-СПЛАВИНСКИЙ, И. РОЗВАДОВСКИЙ, И. УЛУХАНОВ, М. Н. МЕЛЬХЕЕВ видят в этом названии финно-угорский корень *valg-* в значении 'белый, светлый'. Они считают, что этот корень был заимствован из финно-угорских языков тогда, когда закон перехода *tolt > tolot* в восточнославянских языках уже не действовал. Финно-угорский корень *valg-* они усматривают и в названиях рек *Воложинка* (в Беларуси) и *Вологда* (КУКЛИН 2000: 286).

Если резюмировать кратко прием указанной этимологизации, то следует отметить искусственное отождествление финно-угорского корня в соответствии с восточнославянским языковым явлением, исходя из субстанционального сходства внешнего его облика, с речным названием *Волга*. Критерии субстратно-адстратного характера им также не учитываются.

Марийский лингвист Ф. И. ГОРДЕЕВ гидроним *Волга* возводит к балтийским апеллятивам, сравнивая его с литовским *valkka* и латышскими *valka, valks* 'лужа' (ГОРДЕЕВ 1983: 133).

Естественно, подобная процедура этимологического анализа, основанная на внешних звукосоответствиях гетерогенных лексических единиц и не учитывающая моментов этноязыкового характера, не раскрывает подлинную суть гидронима.

Позитивным возможностям сближения мешают также значительные их семантические расхождения.

С мнением Ф. И. ГОРДЕЕВА солидарны топонимисты О. П. ВОРОНЦОВА и И. С. ГАЛКИН (ТРМЭ 2002: 399).

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ, обобщив наиболее известные и наиболее аргументированные гипотезы о происхождении гидронима *Волга*, пришел к выводу, что «ни одну из версий, ни одно из предположений относительно истории слова *Волга* к настоящему времени нельзя считать общепринятым или полностью доказанным» (ГОРБАНЕВСКИЙ 1987: 77).

Название реки *Волги*, как явствует нижеследующее изложение о его исторической судьбе, является палеогидронимом, восходящим к палеоазиатским, в частности енисейским, и урало-алтайским языкам. Народоы этих языков с доисторических времен в основу названий водных объектов вкладывали понятие 'вода, река', например, *Чул*, р., лев. приток р. Кызыл-Хем в Туве. Термин *чул* со значением 'река' используется среднечулымскими тюрками, шорцами, хакасами-сагайцами и бельтирами (ДУЛЬЗОН 1963: 289–295). Енисей восходит к эвенкийскому *йэнэ* 'большая река; исток реки' (ДСЭЯ 1968: 71), ср. также названия боль-

ших европейских рек *Дон*, *Дунай*, *Днестр*, *Днепр*, содержащих ираноязычный корень со значением 'река', 'протока'. Например, *Дон* < осетинское *дон* (< *dān*) 'вода, река'; *Днепр* < *dān* + *āpr* 'глубокая река'; *Днестр* < *dān* + *Istr*. *Истр* 'старое (фракийское) название Дуная'. Подобный перенос названия с одной реки на другую — обычное явление; ср. две *Двины*, два *Буга* и др. (ОИЯ 1979: 286).

О происхождении гидронима *Волга* интересной и близкой к истине является версия М. В. ЛАБИНОЙ. Опираясь на марийский название р. *Волги* – *Юл*, ср. также его горномарийский вариант *Йыл*, она наводит на мысль о том, что данное название является однокоренным с тюркским словом *йылга* с вариантами *елга*, *ельга* в значении 'река'. Тюркское слово, по ее мнению, могло русифицироваться уже на восточнославянской почве путем перехода начального [йэ] в *елга* в [о] по 2-й лабиализации гласного [э] и путем последующего появления протетического [в] перед лабиализованным [о]. Изменение фонетического облика тюркской лексемы, по иллюстрации М. В. ЛАБИНОЙ, выглядит следующим образом: *йылга* > *елга* > *олга* > *волга*. Ср. также примеры с протетическим [в] современного русского литературного языка: *острый* > *вострый*, *осемь* > *восемь*, *осьмушка* > *восьмушка*, *осмнадцать* > *восемнадцать* (ЛАБИНА 1994: 69).

Слависты полагают, что изменение [je] на восточнославянской почве в [o] в начале слова возникает в результате утраты [j] и диссимиляции [e] с гласным переднего ряда в следующем слоге (ИВАНОВ 1983: 148). Это явление не свойственно ни западно-, ни южнославянским языкам. Ср., например, древнерусские *озеро*, *осень*, *олень*, *одинь*, польские *jezioro*, *jesień*, *jelen*, *jeden*, болгарские *езеро*, *есен*, *елен*, *един* и чешские *jezero*, *jesen*, *jelen*, *jeden*.

При объяснении этимологии марийского *Юл* с вариантом *Йыл* предпочтение следует дать, видимо, лексическим данным асанского языка, ср. асанское слово *юл* с вариантами *юль*, *ул*, *уль*, *жул*, *жуль*, *джул*, *-джуль* 'вода', 'река' (ДУЛЬЗОН 1959: 11; 1965: 113–114).

Асаны (самоназвание *ас*) — кетоязычное племя, проживавшее в XVII в. по р. *Усолке* бассейна р. *Тасеево*. Они смешались с эвенками и русскими (МЕЛЬХЕЕВ 1986: 23).

Что касается тюркского гидротермина *юл*, то он, по мнению А. П. ДУЛЬЗОНА, уже встречается в древнетюркских надписях; заимствован также из асанского языка (ДУЛЬЗОН 1961: 371).

Тюркский географический апеллятив *йылга* 'река' в «Этимологическом словаре тюркских языков» фигурирует в словарной статье *ЖҮлге* (с. 36–38), где отмечается, что форма *йылҒа* ~ *жылҒа* образовалась от

производящей основы **йыл* ~ **йыл*- с помощью аффикса -*к* а, который может означать носителя действия ('река, ручей' и т.п.), место действия ('русло, ущелье' и т. д.) (ЭСТЯ 1989: 37).

М. РЯСЯНЕН тюркские формы *ЖҮлге* ~ *ЖылҒа* ~ *йылҒа* этимологически возводит к монгольскому *žil-ga* 'русло реки, источник, крутой склон', которое далее сопоставляется с корейским **čil-thi* (без указания значения) (RÄSÄNEN 1969: 200).

Однако при этимологизации лексемы *йылга* надлежит считаться с контаминацией двух разноязычных элементов: асанского *йул* 'река' с вариантами *жул*, *джул* и селькупского -*га* (< *-*ка*) 'река'. Разумеется, гидротермины такой структуры могли сложиться в период устойчивых тюркско-енисейско-самодийских языковых взаимоотношений, хотя сложение основ в них было процессом разновременным.

Причем иноязычные элементы, вживаясь в структурно-фонетическую ткань тюркского праязыка, приспособились к фонетической норме языка-рецептора.

В связи с приведенным словообразовательным анализом интересно заметить, что Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ формант -*га* относит к древнейшей волго-окской топонимике (КУКЛИН 1998: 43). Однако Э. Г. БЕККЕР, демонстрируя некоторые параллели в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири, справедливо полагает, что формант -*га* в европейских названиях рек восходит к селькупскому -*кы/-гы* 'река', причем сибирские названия встречаются на территории современного или бывшего проживания селькупов и полностью раскрываются на материале селькупского языка (БЕККЕР 1970: 16–18).

Стало быть, нет сколько-нибудь серьезных оснований объяснять гидроним *Волга*, на материалах славянских, финских и балтийских языков. Его возникновение связано с миграцией южносибирского населения в Среднее Поволжье. Как явствует вышеизложенное, первоисточником гидронима считается асанский язык. В древнерусский он попал из тюркских языков, выступавших в качестве передаточного звена. Причем тюркское *елга* — результат стяжения двух разноязычных нарицательных имен-формантов в одно скрещенное название «река-река» или «большая вода». Его дальнейшее изменение связано с фонетическими особенностями древнерусского языка, на почве которого он преобразился в *Волгу*.

Любопытно отметить, что соседи марийцев чуваша называют *Волгу* *Атӓл* (ЧРС 1982: 652), татары — *Идел* (РТС 1985: 724). Указанные варианты восходят к более древней тюркской форме *Ител*.

У знаменитого астронома и географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.) эта река, как подчеркивает Ф. Г. ГАРИПОВА, упоминается в форме *Ител*; древнегреческого поэта-комедиографа Менандра (VI в.) — *Итил*, *Ител* (ГАРИПОВА 1991: 122); путешественника Ахмада Ибн Фадлана (922 г. н.э.), описавшего путешествие через Бухару и Хорезм к волжским болгарам — *ātл* и *Итл* 'Атил' (ГАРИПОВ 1979: 21). В арабских источниках о реке *Итил*, по мнению Ф. Г. ГАРИПОВОЙ, говорится с 903 года (ГАРИПОВА 1991: 122).

Апеллятив *итил* – *идел*, по утверждению Ф. Г. ГАРИПОВОЙ, употребляется как название большой, обычной реки. В «Толковом словаре татарского языка» — *идел* 'большая река' (ГАРИПОВА 1991: 122).

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ, анализируя название *Волга*, отмечает, что древнегреческий ученый Клавдий Птолемей в своем фундаментальном труде «География», упоминая эту реку, называет ее *Ра* (ГОРБАНЕВСКИЙ 1987: 79).

Необходимо при этом заметить о наличии двух форм названия *Волги* у Клавдия Птолемея: *Ител*, приведенное Ф. Г. ГАРИПОВОЙ, *Ра*, упомянутое М. В. ГОРБАНЕВСКИМ. Естественно, это наталкивает на мысль о дополнительном изучении материалов древнегреческого астронома Клавдия Птолемея с целью уточнения действительности существования двух форм гидронима или одна из них является неоправданной попыткой «привязывания» фактов исторической географии к какому-нибудь современному языку без достаточного на это основания.

По предположению М. В. ГОРБАНЕВСКОГО, в названии *Ра* лежит индоевропейская основа со значением «спокойная вода». Слово *Ра* сохранилось до сего времени в мордовских языках (ГОРБАНЕВСКИЙ 1987: 79), сравните эрзянское название реки *Волги Рав* (ЩЕМЕРОВА 1993: 116) и мокшанское *Рав* (ЩАНКИНА 1993: 134).

В. М. ГОБАРЕВ во 2 части своей книги «Предыстория Руси» поместил «Словарь исторической географии», где имеется название *Оар* с пометой «предположительно р. Волга» (1994: 628).

В этой связи уместно привести слова французского географа и социолога Жан Жак Элизе Реклю, содержащиеся в одном из его произведений, о том, что «реки несут на своих волнах и историю и жизнь народов» (ГОРБАНЕВСКИЙ 1987: 78).

Что же касается древнейшей истории марийского народа, то она до сих пор остается малоизученной, проблематичной, а в большинстве случаев спорной и загадочной. Рассматривая формирование древнемарийских племенных групп, историки оперируют лишь материалами архео-

логических раскопок, не учитывая при этом ономастические данные. У финно-угроведов, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся опыты обобщения многообразного фактического материала по уральским языкам, все же остаются вне поля зрения не только палеоазиатско-финно-угорские взаимосвязи, но и марийско-самодийские лексические отношения. Достаточно упомянуть, что «методически наиболее выдержанный и в то же время экономный путь сравнительно-генетического исследования заключается в последовательном ретроспективном продвижении от позднейших языковых состояний к более ранним (начальный этап обычно протекает на основе сравнительной реконструкции диалектов одного языка) и от сравнения близкородственных языков к сравнению более отдаленных» (КЛИМОВ 1990: 33). Такая последовательность содействует более полному и точному освещению вопросов как истории финно-угорских языков, так и первоначального места расселения марийских племен.

Специфические изоглоссы, связывающие марийский язык с асанским, остяко-самоедским (селькупским), свидетельствуют о том, что марийцы формировались на территории Южной Сибири и некогда жили в Алтайско-Саянском нагорье, имея тесные контакты с различными племенами охотников и рыболовов, оленеводов и скотоводов.

Видный географ-топонимист М. Н. МЕЛЬХЕЕВ, объясняя историю, происхождение и смысловое значение географических названий Приенисейской Сибири, приходит к выводу, что селькупы по происхождению южно-самодийская народность, которая в первые века нашей эры из Саян ушла на северо-запад, в Западную Сибирь, и, вступая в контакт с кетоязычными, угроязычными народами, сблизилась с последними (МЕЛЬХЕЕВ 1986: 21).

Историко-культурные взаимоотношения мари и селькупов можно подкрепить конкретными примерами без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Например:

марийские слова

илыш 'жизнь'
сай илыш 'хорошая жизнь'

селькупские лексемы по словарю С. И. ИРИКОВА (1988)

илы 'жизнь'
сома илы 'хорошая жизнь'

<i>кушто ила?</i> 'где живет'	<i>кун ила?</i> 'где живет'
<i>коваите</i> 'кожа'	<i>копы</i> 'кожа'
<i>кап</i> 'тело'	<i>кэпы</i> 'тело'
<i>кушеч(-ын)</i> 'откуда'	<i>куннены?</i> 'откуда'
<i>кутко</i> 'муравей'	<i>кыта</i> 'муравей'
<i>корак</i> 'ворона'	<i>кэря</i> 'ворон'
<i>лу</i> 'кость'	<i>лэ</i> 'кость, скелет'
<i>ме</i> 'мы'	<i>ме</i> 'мы (включая всех, двое)'
<i>мӧнгына</i> 'домой'	<i>моқына</i> 'домой; назад, обратно'
<i>мӧнгына пӧртылаш</i> 'возвращаться к себе домой'	<i>моқына пӧралиқа-</i> 'возвращаться домой'
<i>пелне</i> 'в стороне'	<i>пеляк</i> 'сторона'
<i>вел</i> 'сторона'	
<i>шӱч</i> 'копоть, сажать'	<i>сичи</i> 'уголь'
<i>тышите</i> 'здесь'	<i>тымты</i> 'здесь'

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако даже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах — *hug* (3+3) N³ — сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах — *sara* (2-5) M¹ — горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) — с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров — M₁₆ луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупам (6,4). По дистальному гребню тригониды (*dtc*) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метакониды (*dw*) у горных мари — 26,3; саамов Финляндии — 31,3; саамов Кольских — 32,7; луговых мари — 40,0; селькупов — 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1); хантов (15,7) (Халдеева 1992: 35–36).

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы.

Большой интерес в этой связи представляют этнографические сведения.

Так, В. В. НАПОЛЬСКИХ в одной из работ, оперируя данными археологических исследований, отмечает, что середина II тыс. до н.э. — время «глобальных сломов культур» в лесной полосе Евразии, вызванный кроме других причин, интенсивными связями камско-волжского населения с зауральским и западносибирским, очевидно родственным, населением (мощные культурные импульсы с востока на запад, возможно, и передвижение племен из Западной Сибири в Европу), хотя процесс распространения уральских культур шел уже в первой половине II тыс. до н.э. и в более северной полосе Евразии. Одной из важнейших причин сдвига урало-западно-сибирского населения на запад, как полагает В. В. НАПОЛЬСКИХ, является начавшееся в середине III тыс. до н.э. и особенно усилившееся во второй половине II тыс. до н.э. сокращение ареала темнохвойной тайги на севере Западной Сибири и начавшееся во второй половине II тыс. до н.э. наступление этой тайги в Восточной Европе. Племена Урала и Западной Сибири, стремясь сохранить традиционное экологическое окружение, смещались на запад и юго-запад (НАПОЛЬСКИХ 1990: 54–55).

Вместе с тем следует заметить, что перемещение каких-то частей сибирского населения, в том числе и древнемарийских племен, в Восточную Европу исходили и из более южных районов Сибири, о чем свидетельствуют гидронимы Волго-Окско-Камского междуречья, полностью совпадающие фонетически с речными названиями Южной Сибири: *Кама*, р. в Восточной Европе, лев. приток р. Волга — *Кама*, р. в Новосиб. обл., прав. приток р. Омь; *Ока*, р. в Восточной Европе, прав. приток р. Волга — *Ока*, р., впадает в Братское вдхр. (Бурятия, Иркутск. обл.); *Селенга*, р. приток р. Кичменьга, впадает в р. Юг (Восточная Европа) — *Селенга*, р., впадает в оз. Байкал (Монголия, Бурятия).

Ср. также гидронимы Волго-Камья и Западной Сибири: *Кинер*, р. в Малмыжск. р-не Киров. обл., *Кенэр* (*Кинер*), р. в Арск.р-не Татарстана — *Кинер*, р., лев. приток р. Кондомы (Кемеров. обл.); Кукша, рч., лев. приток р. Рутки (Марий Эл) — *Кукиша*, рч., лев. приток р. Томи; *Она*, р., лев. приток р. Лаж (Марий Эл), *Она*, р., лев. приток р. Немды (Марий Эл) — *Она*, р. приток р. Уды-Селенги, *Она*, р., прав. приток р. Абакана. Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название *Она*. Ср. также *Она*, р., прав. приток р. Мезень (Восточная Европа); *Шугарка*, р., лев. приток р. Юшут — *Шегарка*, р., лев. приток р. Оби; *Шора*, р., лев. приток р. Илеть (Марий Эл, Татарстан), *Шора*, р., прав. приток р. Юшут (Марий Эл) — *Большая Шора*, р., лев. приток р. Томи, *Малая Шора*, р., лев. приток р. Большой Шоры.

Эти факты еще в большей степени убеждают, что какая-то часть речных названий была привнесена древними марийцами и каким-то сибир-

ским населением в Волго-Окско-Камское междуречье. В пользу такого утверждения свидетельствуют данные антропологических изысканий. Так, Г. М. ДАВЫДОВА, освещая результаты популяционно-генетических исследований манси с привлечением сравнительных данных по другим народам Восточной Европы и Азии, пишет, что в верхнесосвинской группе манси высокая частота гена q (0,263); подобные частоты встречаются редко, в частности, у бурят (0,265), у архангельских ненцев (0,282), у марийцев (0,246). Далее, ссылаясь на сведения других ученых, она уточняет, что сибирские народы довольно четко делятся на две группы по частоте гена q : у палеоазитатских и других народов Северной Сибири она низка, у южносибирских народов (или народов, связанных по происхождению с Южной Сибирью) она высокая, например, у якутов — 0,209, у алтайцев в целом — 0,202, у алтай-кижи, по данным Ю. Г. РЫЧКОВА — 0,245, по данным Г. М. ДАВЫДОВОЙ — 0,277 (№ 241). Повышенная частота гена q , по ее мнению, наблюдается также у кетов — 0,183. Другая большая область расселения народов с высокой частотой гена q — Европейский Север России и Поволжье (ДАВЫДОВА 1974: 100).

Миграционные импульсы с Алтая эпизодически исходили, видимо, и позднее. Особый интерес в этом отношении представляет книга В. В. РАДЛОВА «Из Сибири: Страницы дневника» (1989). Он пишет: «Под натиском своих южных соседей угро-самоедские племена, разумеется, задолго до рождения Христа, частью южнее Алтая переселились на запад, частью же были оттеснены в леса Сойонских гор и восточнее Алтая отошли на север. Часть из них, дубо [самоеды-оленьеводы и предки тубинцев, койбалов, маторов и черневых татар — А. К.] осела в лесистых горах» (РАДЛОВ 1989: 440).

В этой связи имеет смысл привести пространный отрывок из высказываний А. Е. БОГДАНОВИЧ, не лишенный вероятия и субъективных домыслов: «Чуваши и черемисы, по-видимому, непосредственно (по Самаре и Волге) вышли с Южного Урала, куда они были вытеснены из Алтайского края, или же были ранними ватагами киммерийцев (до нашествия «кемов»), носители ямных погребений. Меря пришла позже, после нашествия скифов на юге, и притом разными путями Доно-Окским и Днепровским, и, видимо, заняла господствующее положение в крае [в Ростовско-Белозерском крае — А. К.], дав имя большому народу с центром у озера Неро или Ростово» (БОГДАНОВИЧ 1966: 119).

Сами по себе предполагаемые концепции служат своего рода информацией для размышления над проблемами этнической истории народов финно-волжской языковой общности и импульсами для выявления вкраплений чужеродных этнокомпонентов, очагов и следов иммигран-

тов Волго-Камья. Не вступая в полемику с А. Е. БОГДАНОВИЧЕМ, следует, однако, отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории любого народа были и остаются чрезвычайно сложными. Их решение невозможно без глубокого и тщательного изучения археологических, антропологических, историко-этнографических и иных данных, без учета лингвистических сведений родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов. При этом нет оснований представлять этногенетические процессы как прямолинейные, игнорируя факты воздействия на них субстратных и суперстратных явлений.

Судьба прамарийского этноса на территории раннего этапа его истории была тесно связанной с историей, миграциями и инфильтрациями многих племенных объединений Алтайско-Саянского нагорья и Срединной Азии. Поэтому антропологически древние мари имели бо́льшее сходство с родственными им аборигенами Сибири. По этому поводу В. В. БУНАК пишет следующее: «Одним из типов, вошедших в весьма древнее время в состав черемисского народа, был тот тип [уральский — А. К.], который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов, — подчеркивает он, — присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый, тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип» (БУНАК 1924: 160–161).

Вступая в хозяйственно-культурные контакты с неродственными по языку территориально-племенными объединениями Южной Сибири и Срединной Азии, древние мари восприняли от них некоторые орудия домашних ремесел, отдельные элементы семейной обрядности, материалы украшений женской одежды, особенно зооморфные полые шумящие подвески и т.п. Видимо, в алтайский период были восприняты марийским языком некоторые монгольские слова, например: *аныра* 'глупый, тупой', ср. монг. *aŋgar* < *aŋqagu-ra* 'глупый' (RÄSÄNEN 1969: 21); *кияк* 'осока', ср. монг. *kijag* 'осока' (RÄSÄNEN 1969: 262); *саус* 'дружка', 'шафер', 'распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом' — монг. **jauci* 'посредник', 'сват', 'сваха', алт. тюрк. *d'ūŋši* 'сват', 'сваха', сиб. тат. *sautsi* 'сват', 'сваха' (РОНА-ТАШ 1974: 230–233); *чолтан* 'Венера (планета)' — монг. *čolban* 'Венера (планета)' (RÄSÄNEN 1969: 115); *чоргат* (диал.) 'воронка', 'трубка' — монг. *čorga* 'труба, трубка' (RÄSÄNEN 1969: 116); *чын* 'правда, истина' — монг. *čiy* 'правда, истина' (RÄSÄNEN 1969: 108).

В мезолитическое и последующее неолитическое время население Алтайско-Саянского нагорья, как было сказано выше, подолгу на одном

месте не задерживалось. На пути продвижения в Низменное таежное Заволжье, расположенное между Северными Увалами и Волгой к западу от Вятского Увала, древние мари имели, видимо, культурно-хозяйственные связи с ранними ираноязычными кочевниками Южного Урала, носителями савроматской и раннесарматской культур. Следы контактов с ираноязычными скотоводами в какой-то степени проявляются в различных областях материальной и духовной жизни мари, ср., например, мариийские и скифо-сарматские слова:

мариийские лексемы**скифо-сарматский
языковой материал**

<i>кыне</i> 'конопля'	<i>кана</i> 'конопля' (ОИЯ 1979: 292)
<i>меж</i> 'шерсть (овцы, козы)'	<i>maiša</i> 'овца', авест. <i>maēsa-</i> (ОИЯ 1979: 294)
<i>онар</i> 'богатырь, великан'	<i>nar</i> 'мужчина', 'самец', ср. др.-иран. <i>a-nar-ya</i> 'не мужчина лишенный мужества' (ОИЯ 1979: 296)
<i>рывыж</i> 'лиса'	<i>raupāsa</i> 'лиса', осет. <i>robās, rovas</i> (ОИЯ 1979: 300)
<i>шүдö</i> 'сто'	<i>sata</i> 'сто' → <i>sada</i> (ОИЯ 1979: 300)

Сравните также мариийские лексемы со словами других иранских языков:

<i>куржаиш</i> 'бежать, убежать'	кл. перс. <i>gurēz</i> , тадж. <i>gurēz</i> , совр. перс. <i>gorīz-</i> през. осн. гл. 'убегать' (ОИЯ 1982: 63)
<i>лүм</i> 'имя'	кл. перс. <i>nām</i> < ср.-перс. <i>nām</i> 'имя' < иран. <i>*nāma</i> 'имя' (ОИЯ 1982: 101)
<i>лүиштаиш</i> 'доить'	мундж. <i>lūž</i> - 'доить' (ОИЯ 1982: 121)
<i>мариий</i> 1) 'мари, мариец'; 2) 'муж, мужчина'	кл.-перс., тадж. <i>tard</i> , совр. перс. <i>mārd</i> 'человек, мужчина' (ОИЯ 1982: 62)
<i>почеш</i> 'позади, сзади, вслед, следом'	авест. <i>pasča</i> 'позади, после', др.-перс. <i>pasā</i> 'позади, после' (ОИЯ 1982: 58)
<i>рож</i> 'дыра, отверстие, пробоина'	совр. перс. <i>rōzān</i> 'щель, дыра, отверстие' < кл. перс. <i>rōzan</i> 'дымовое отверстие' < ср.-перс. (раннее) <i>rōčan</i> , (позднее) <i>rōzan</i> 'окно' (ОИЯ 1982: 44, 47)
<i>рож</i> 'дыра, отверстие, пробоина'	совр. перс. <i>rōzān</i> 'щель, дыра, отверстие' < кл. перс. <i>rōzan</i> 'дымовое отверстие' < ср.-перс. (раннее) <i>rōčan</i> , (позднее) <i>rōzan</i> 'окно' (ОИЯ 1982: 44, 47)
<i>том</i> 'семя (растений)', 'косточка (плодов), ядро (ореха)'	белудж. <i>tom</i> 'семя' (ОИЯ 1979: 110)

<i>тушман</i> 'враг, неприятель'	кл. перс. <i>dušmanī</i> , тадж. <i>dušmanī</i> , дар. <i>došmanī</i> 'вражда' < ср.-перс. <i>dušmanīh</i> 'вражда' (ОИЯ 1982: 91)
<i>уш</i> 'ум', 'сознание'	кл.перс. <i>hōš</i> , дар. <i>hus</i> , тадж. <i>huš</i> 'разум, рассудок' < иран * <i>uš</i> - 'понимание, восприятие' (ОИЯ 1982: 82)
<i>чурий</i> 'лицо, лик; облик'	совр. перс. <i>čehre</i> 'лицо' (ОИЯ 1982: 81)
<i>шере</i> 'пресный'; 'сладкий'	кл.перс. <i>šīrīn</i> 'сладкий' (ОИЯ 1982: 52)
<i>шөр</i> 'молоко'	мундж. <i>xšīro/xšīrā</i> , йидга <i>xšīra</i> , др.-иран. * <i>xšīra</i> -, н-перс. <i>šīr</i> 'молоко' (ОИЯ 1979: 125)
<i>шӯдыр</i> 'звезда'	кл. перс. <i>sitāra</i> , совр. перс. <i>setāre</i> 'звезда' (ОИЯ 1982: 59)

Концепции о проникновении ранних самодийцев на Среднюю Волгу и в Приуралье вряд ли противоречит тезис о позднейшей нивелирующей роли марийской экспансии в процессе смешения, главным образом, оседлых аборигенов Среднего Поволжья с пришлыми.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что становление топонимии Урало-Поволжья происходило в сложнейших переплетениях бурных исторических событий, охватывающих многие тысячелетия. Это обстоятельство, естественно, вызывает большие затруднения в объяснении происхождения географических названий. Остается заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой гидролексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

Сокращения

авест.	авестийский
алт. тюрк.	язык алтайских тюрков
белудж.	язык белуджей Туркмении
дар.	дари (афганский дари)
диал.	диалектное слово
др.-иран.	древнеиранский

др.-перс.	древнеперсидский
иран.	иранские языки
йидга	относящийся к ареальной группе афганского языка, известной как памирские языки
кл.перс.	классический персидский
монг.	монгольский
мундж.	мунджанский
н.-перс.	новоперсидский
сиб. тат.	язык сибирских татар
совр. перс.	современный персидский
тадж.	таджикский

Литература

- БЕККЕР, Э. Г. (1970) *О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири.* // *Языки и топонимия Сибири* 2. Томск. 16–18.
- БОГДАНОВИЧ, А. Е. (1966) *Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнолингвистический очерк по данным водо-речной номенклатуры и другим материалам.* Ярославль.
- БУНАК, В. В. (1924), *Антропологический очерк черемис.* // *Русский Антропологический Журнал* 13/3–4: 137–177. (Резюме на франц. яз. 174–177.)
- ГАРИПОВА, Ф. Г. (1991) *Исследования по гидронимии Татарстана.* Москва.
- ГАРИПОВ, Т. М. (1979) *Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики.* Москва.
- ГОБАРЕВ, В. М. (1994) *Предыстория Руси.* В 2 частях. Серия «Древнейшая история Отечества». Москва.
- ГОРБАНЕВСКИЙ, М. В. (1987) *В мире имен и названий.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва.
- ГОРДЕЕВ, Ф. И. (1983) *Этимологический словарь марийского языка 2 (В-Д).* Йошкар-Ола.
- ДАВЫДОВА, Г. М. (1974) *Популяционно-генетические исследования манси.* // *Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии.* Москва. 96–107.
- ДАВЫДОВА, Г. М. (1992) *Современное состояние проблемы уральской расы. По соматологическим материалам.* Материалы к антропологии уральской расы. Уфа. 5–14.
- ДСЭЯ 1968 = *Диалектологический словарь эвенкийского языка.* Материалы говоров эвенков Якутии 3. Ред. РОМАНОВА, А. В.–МЫРЕЕВА, А. Н. Ленинград.

- Дульзон, А. П. (1959) *Кетские топонимы Западной Сибири*. // *Ученые записки Томского государственного педагогического института* 18: 91–111.
- Дульзон, А. П. (1961) *Дорусское население Западной Сибири*. // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Материалы пленарн. засед. и секц. истории досовет. периода, археол. и этнограф. Март 1960, Новосибирск. 361–371.
- Дульзон, А. П. (1963) *Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии*. // *Тр. XXV Междунар. конгресса востоковедов* 3: 289–295.
- Дульзон, А. П. (1965) *Топонимы Средней Сибири*. // *Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук* 5/2: 109–115.
- ИВАНОВ, В. В. (1983) *Историческая грамматика русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва.
- ИРИКОВ, С. И. (1988) *Словарь селькупско-русский и русско-селькупский*. Ленинград.
- КЛИМОВ, Г. А. (1990) *Основы лингвистической компаративистики*. Москва.
- КУКЛИН, А. Н. (1995) *Топонимическая типология как самостоятельный раздел ономастики*. — *Toponymic typology as a branch of onomastics*. // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы*. Тез. Междунар. конф. 1. Москва. 289–290.
- КУКЛИН, А. Н. (1997) *К вопросу о сопоставительном исследовании семантики палеотопонимов Волго-Камья*. // *Языковая семантика и образ мира*. Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию ун-та 1. Казань. 58–61.
- КУКЛИН, А. Н. (1998) *Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)*. Йошкар-Ола.
- КУКЛИН, А. Н. (2000) *Современная топономастика: достижения, проблемы, перспективы*. *Modern toponomastics: achievements, problems, perspectives*. // *Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця*. Ужгород. 284–289.
- ЛАБЗИНА, М. В. (1994) *О происхождении названия Волга и названий некоторых других рек Волжско-Уральского региона*. // *Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка*. Межвуз. сб. науч. работ. Магнитогорск. 68–71.
- МЕЛЬХЕЕВ, М. Н. (1986) *Географические названия Приенисейской Сибири*. Иркутск.
- НАПОЛЬСКИХ, В. В. (1990) *Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории)*. // *Исследования по этногенезу и древней истории*

- финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорск. конф. 1987. Ижевск. 40–67.
- ОИЯ 1979 = *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Москва.
- ОИЯ 1982 = *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Москва.
- РАДЛОВ, В. (1989) *Из Сибири: Страницы дневника*. Пер. с нем. К. Д. Цивинной и Б. Е. Чисовой. Примеч. и послесл. С. И. ВАЙНШТЕЙНА. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г. И. ДОНИДЗЕ. Указатель этнич. названий Е. П. БАТЯНОВОЙ. Москва.
- РОНА-ТАШ, А. (1974) *Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском языке. // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г. Д. Санжеева*. Москва. 230–234.
- РТС 1985 = *Русско-татарский словарь*. 2-е изд., стереотип. Москва.
- ТРМЭ 2002 = *Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ*. Ред. ВОРОНЦОВА, О. П.–ГАЛКИН, И. С. Йошкар-Ола.
- ФАСМЕР, М. (1986) *Этимологический словарь русского языка I. (А–Б)*. Пер. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА. Под ред. и с предисл. Б. А. ЛАРИНА. 2-е изд., стереотип. Москва.
- ХАЛДЕЕВА, Н. И. (1992) *Уральская раса по данным одонтологии. // Материалы к антропологии уральской расы*. Уфа.
- ЧРС 1982 = *Чувашко-русский словарь*. Москва.
- ЩАНКИНА, В. И. (1993) *Мокшень-рузонь валкс. Русско-мокшанский словарь*. Саранск.
- ЩЕМЕРОВА, В. С. (1993) *Эрзянь-рузонь валкс. Русско-эрзянский словарь*. Саранск.
- ЭСТЯ 1989 = *Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. Москва.
- RÄSÄNEN, M. (1969) *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae 17/1. Helsinki.

Д. В. Кузьмин (Карелия)

Достаточно ли емских теорий?

Данные топонимики широко используются при решении вопросов, связанных с формированием того или иного этноса: они маркируют границы былого расселения древних племен, а также с их помощью можно установить пути и время их миграции на те или иные территории. Наиболее достоверными в этом отношении являются географические названия, имеющие в своей основе этнонимы, которые позволяют с достаточной долей уверенности говорить о пребывании того или иного этноса на исследуемой территории.

В свете новых топонимических данных, собранных в Карелии в последние годы, снова возникает вопрос, связанный с колонизацией емью территорий русского севера, который в первой половине XX века решался Д. В. БУБРИХОМ и И. П. ШАСКОЛЬСКИМ. История изучения этого вопроса уходит корнями к началу XIX века, когда российскому ученому, одному из первых исследователей истории Финляндии А. Х. ЛЕРБЕРГУ, удалось найти ответ на вопрос, связанный с идентификацией племени емь, которое часто упоминалось в русских летописях IX–XIII веков. В своей работе «О местообитаниях еми» он установил, что «емь» русских летописей — это главное финское племя «Häme», издавна жившее в южной Финляндии. На основе сведений летописей ЛЕРБЕРГ установил, что емь задолго до начала шведского завоевания Финляндии, с XI и до середины XIII века была подвластна древнерусскому государству и испытывала политическое и культурное влияние древней Руси (ШАСКОЛЬСКИЙ 1950: 93–94). Об этом свидетельствует, например, булла 1237 года папы Григория IX, указывающая на отпадение ями от католицизма и призывавшая к крестовому походу против нее (МПИК, 68).

Вслед за ЛЕРБЕРГОМ российский академик И. А. ШЕГРЕН опубликовал работу «О древнейших местообитаниях еми». По его мнению, до середины XII века еми в Финляндии еще не было. Он предполагал, что она первоначально обитала в юго-восточном Приладжье и в юго-западной части ЗАВОЛОЧЬЯ и лишь в середине XII столетия под натиском русских представители этого этноса переселились в Финляндию. Согласно ШЕГРЕНУ, часть еми была при этом оттеснена на восток, в район Вычегды и Яренска, где впоследствии слилась частично с пришлым русским населением, а частично с местным пермским населением. Небольшая

часть еми все же осталась в Приладожье, и образовала впоследствии вепсский народ (ШАСКОЛЬСКИЙ 1950: 95).

Отправной точкой для построения ШЕГРЕНА послужило ошибочное указание ТАТИЩЕВА на наличие еми в Заволочье и на Свири в XI веке (ШАСКОЛЬСКИЙ 1950: 95). Его убеждению содействовала и господствовавшая тогда урало-алтайская теория, согласно которой финны, вепсы, карелы и вообще все население севера и востока Восточной Европы явилось из глубин Азии (БУБРИХ 1950: 81).

В поисках доказательств ШЕГРЕН использовал и произвольно им толкуемые письменные источники, и топонимику, и фольклор. Большое внимание он уделяет названию селения Гам на Вычегде и собранные им легенды о племени Гам. В качестве примера он приводит названия рек Еменга (в бассейне реки Онега) и Емцы, северного левого притока Северной Двины. Позже в 1924 году «последователь» теории ШЕГРЕНА В. ЛЫТКИН в своей работе о языковом составе нижней Вычегды в XIV веке приводит еще два названия, которые, по его мнению, оставила после себя емь — Емва и Емваль (БУБРИХ 1950: 91). В пользу своей теории ШЕГРЕН также хочет обратить и само название емь, которое он связывает с эстонским диалектным словом *häm̄m*, *häm̄me*, обозначающим сырость, помещая при этом свою емь в места, которые не отличаются сухостью (БУБРИХ 1950: 82).

По новому стали трактовать древнюю историю племени емь в начале XX века в Финляндии. Согласно новой точке зрения финских историков, с очень ранних пор, с первых веков нашей эры, в западной Финляндии стало формироваться два племени, чьи предки переселились с южного берега Финского залива — сумь и емь. Этой же точки зрения придерживается и сам Д. В. БУБРИХ (1947: 15). Приблизительно с VI века охотники из еми, двигаясь на восток, стали достигать западного побережья Ладожского озера. Постепенно на Карельском перешейке около Ладожского озера, а отчасти у его северного побережья стало собираться емское население, к которому в незначительной мере примешивались выходцы из более южных районов. К XII веку это население, хотя и емское по происхождению, обособилось как отдельное племя — корела. Еще до своего обособления в отдельное племя, а также после обособления это население продвигалось все дальше в восточном направлении. Оно рано появилось у Белого моря и в низовьях Северной Двины. К этому времени относится освоение емским населением и современной Карелии, а также территорий за Онежским озером (БУБРИХ 1950: 83).

В соответствии с современными представлениями, формирование еми происходило на северном побережье Финского залива, откуда затем

емь начала освоение территорий, расположенных севернее, во внутренней Финляндии. В языковом плане häme восходит к северному прибалтийско-финскому прадиалекту (ITKONEN 1983: 17).

Вышеперечисленные факты говорят о разном отношении финских и российских ученых к проблеме взаимоотношения еми и Новгорода в XI–XIII веках. Одним из важных принципиальных различий является вопрос о зависимости/независимости емских территории от Новгорода. В то время как русские исследователи приводят факты, подтверждающие, что емь в то время платила налоги Российскому государству, финские ученые подчеркивают независимость еми, а также указывают на привносимое ею западное влияние на восток (KIRKINEN 1963: 26).

Непростым остается вопрос о проживании еми на территории бассейна реки Северная Двина. Финский исследователь Й. МИККОЛА, анализируя военные походы Новгорода в XI веке, приходит к выводу, что они были направлены на территорию бассейна этой реки, где, согласно Шегрену, и проживала одна из групп еми. Исходя из этого, он делает вывод, что емь в то время проживала как на территории современной Финляндии, так и к востоку от Онежского озера (KIRKINEN 1963: 26). Сам Хейкки Киркинен приводит еще ряд свидетельств, которые подтверждают эту точку зрения. Среди них и устав князя Святослава Ольговича 1137 года о взимании церковной десятины в Обонежье, где фиксируется емь, и упоминание в летописи 1342 года о новгородском боярине Луке, который основал крепость Орлец и захватил обширные территории с помощью еми, проживавшей на реке Емцы, а также предания о сопротивлении принятию христианской веры чудской емью, которые были записаны в XIX веке на территории бассейна реки Северная Двина (KIRKINEN 1963: 27). Все вышеперечисленное, как утверждает КИРКИНЕН, подтверждает существование двух групп еми. Однако он не готов ответить на вопрос, есть ли у финской еми и двинской еми что-либо общее, кроме того, что они относятся к финноговорящему населению. Тем не менее, он предполагает, что их общей прародиной могла бы быть территория Прибалтики в праязыковое время (KIRKINEN 1984: 269). Финский исследователь Й. ВАХТОЛА, говоря о былой мощной колонизации емью обширных территорий, включая побережье Белого моря, предполагает, что двинская емь могла быть как раз частью единого емского народа, которая переселилась сюда с территории Хяме (VANOLA 1980: 290–291).

Учитывая все вышеизложенное, становится понятно, что невозможно оставить без внимания вопрос, связанный с колонизацией емью территории современной Карелии, а также о ее роли в формировании карельского этноса.

О приходе в Карелию населения с территории Финляндии возможно свидетельствуют географические объекты с основой *Häme(h)-*, т.е. 'емь, емский'. В топонимии Карелии зафиксировано несколько десятков названий этого типа: ср. болото *Häme(h)suo* (Тетринаволоок); возвышенности *Häme(h)enselgy* (Кибринаволоок, Пряжа); горки *Häme(h)kod* (Каскесручей); деревни *Häme(h)*, *Häme(h)envuara* (Тихтозерская волость) и *Емечевская* (вар. *Гемечевская*, *Ямечевская*) (Заонежье); заливы *Häme(h)laksi* (Кундозеро, Тетринаволоок, Шолопово) и *Häme(h)envongu* (Кибринаволоок); мысы *Häme(h)enniemet* (Пиртигуба, Кибринаволоок); овраг *Häme(h)rova* (Другая река); озера *Häme(h)enjärvi* (Хяме, Виччино), *Хямеге* (< **Häme(h)enjärvi*) (Заонежье), *Емозеро* (Колежма); часть озера *Häme(h)enselgä* (Чирка-Кемь); острова *Häme(h)(en)suari* (Тетринаволоок, Пиртигуба, Корелакша, Мальвиайни, Пуземолакша), а также *Гямостров* (< *?*Häme(h)suari*; совр. *Ямостров*) (Шуерецкое) и *Еместров* (Колежма); покосы *Häme(h)egist* и *Häme(h)egine* (Другая река); пороги *Häme(h)koski* (Чирка-Кемь, Шолопово, Пибозеро, Оланга); пролив *Häme(h)salmi* (Виччино); река *Häme(h)joki* (Чирка-Кемь); ручьи *Häme(h)(en)oja* (Кибринаволоок, Пряжа) и *Еменка* (Заонежье); яма *Häme(h)hauda* (Гимола).

Названия с основой *Häme-* принято обычно считать свидетельствами бывшего емского влияния, которое распространилось когда-то на обширные территории проживания различных этнических групп. При этом топонимы этого типа, а также другие модели предположительно емского происхождения, зафиксированные на территории Карелии, являются чуть ли не единственным источником, который мог бы подтвердить факт пребывания здесь западно-финского населения в разные периоды истории карельского этноса.

Названия с топоосновой *Häme(h)-* фиксируются на территории проживания людиков и северных вепсов, в топонимии ливвиковского и собственно-карельского ареалов, главным образом в Беломорской Карелии, а также у русского населения Заонежья и Беломорья (рис. 1). Наибольшая концентрация топонимов этого типа все же находится в Приладожье, на родовой территории карельского народа, и свидетельствует, по всей видимости, об активных контактах древней карелы и еми в пределах этой территории на ранних этапах истории (NISSILÄ 1939: 387; 1975: 156). Одной из возможных причин появления здесь названий с основой *Häme(h)-* могло быть очень раннее промысловое освоение восточных территорий охотниками и рыболовами из Хяме. Д. В. БУБРИХ в своей работе «Происхождение карельского народа» пишет, например, что приблизительно с VI века представители племени ямь (емь) в своих поездках в восточном направлении стали достигать Ладожского озера, а позднее приняли непосредственное участие в формировании карель-

ского этноса. Он также отмечает, что археологические находки VI–VIII веков на западном побережье Ладожского озера указывают, что в это время данная территория имела преимущественно связь именно с емью (БУБРИХ 1947: 15).

Подобные названия могли появиться и в результате переселения населения с восточных территорий Хяме на рубеже XIII–XIV веков, и особенно после заключения Ореховецкого мирного договора 1323 года. Причиной этому могло послужить вовлечение населения вышеупомянутых территории во второй половине XIII века в сферу влияния Швеции, которая, как известно, была враждебна настроена к Новгороду (БУБРИХ 1947: 34). В работе уже упоминалось, что до середины XIII века емь и особенно ее восточные территории больше тяготела к Руси, чем к Швеции (БУБРИХ 1950: 87). Данный факт подтверждает сведение из «Хроники Юстена» о помощи карелами восставшей против шведов еми в начале 40-х годов XIII века (ИК 2001: 91–92). Поэтому, как нам кажется, нельзя считать случайным, что с переходом под власть Швеции, часть емского населения могла переселиться на территории принадлежащие Новгороду, не желая оставаться под властью враждебного государства. Результатом этого и явились, возможно, названия с основой *Hämeen-* в местах, где емское население попало в среду проживания карел. Об этом свидетельствуют и многочисленные названия с основой *Karjala-* на родовой территории карельского народа, которые, по мнению Й. ВАХТОЛА, могли появиться именно в среде емского населения (J. VANTOALA 1980: 316). Этнотонимические названия, как известно, возникают в результате контактов между представителями различных этносов, маркируя при этом территории и границы их расселения.

Названия на Карельском перешейке, в которых закрепился этнонимом *Hämeen-*, могли возникнуть и после 1323 года. Одной из возможных причин могло быть переселение сюда населения из западной Финляндии на протяжении периода поздних средних веков (1324–1520), которое попало в среду постепенно финнизирующегося карельского населения, оставшегося здесь после заключения мирного договора 1323 года. Известно, к примеру, что за карелами в отторгнутой шведами западной части Корельской земли оставались в собственности «воды, земли и логовища» (рыболовные, пушные промыслы и пашни) (ИК 2001: 72). Бубрих также пишет, что еще в XVI веке шведским властям приходилось бороться с «русской закваской» в среде Привыборгской и Присайменской Корелы, у которой массово сохранялись русские фамилии и обычаи (БУБРИХ 1947: 36). Вероятно, некоторые из названий могли появиться в результате военных действий, которые велись на протяжении XII–XIII веков между Новгородом и Швецией на этих тер-

риториях, поскольку втянутые в государственную политику обеих держав, корела и емь стали враждовать, и подобные названия могли стать результатами этих военных стычек, сражений и набегов.

На карте распространения названий с топоосновой *Häme*- мы видим, что они достаточно широко представлены на всей территории Финляндии. Большую их часть составляют названия удаленных промысловых владений, другую, менее многочисленную, родовые прозвища/фамилии жителей и места их проживания (VALONEN 1984: 87). Таким образом, распространение названий данного типа свидетельствует, что вся Финляндия когда-то была подвержена влиянию представителей древней еми. Если мы посмотрим на карту, то увидим, что значительную часть топонимов с основой *Häme(en)*- на территории современной Финляндии образуют названия, которые тянутся широкой полосой из Приладожья к северной части Ботнического залива. По мнению Й. ВАХТОЛА, они свидетельствуют о мощной экспансии карел, которые устремились осваивать обширные территории к северу и северо-западу от своей прародины. Топонимами с основой *Häme(en)*- они помечали места, где они соприкасались с емью. Такую активность карельского населения он связывает с периодом подъема и расцвета древнекарельской культуры, который начался в конце времени викингов — начале нового времени (VANTOLA 1980: 97).

Наибольший интерес для нас представляет группа этнотопонимов с основой *Häme(h)*- на территории Карелии в границах начала 40-х годов XX века. Появление данной топоосновы может быть связано, на наш взгляд, с карельской миграцией конца XVI — середины XVII века на территорию России. Одной из ее причин было глобальное потепление климата в северном полушарии в первой половине XVI века, которое вызвало рост и, соответственно, отток населения на новые места проживания. Выявленное передвижение населения усилилось со второй половины 1560-х годов в результате Ливонской войны и опричнины, а позже и шведской оккупации Корельского уезда в 1580–1597 годах, результатом чего стало переселение многих карел в Россию (ИК 2001: 113, 136). Это переселение приняло массовый характер при передаче Корельского уезда под власть шведской короны в феврале 1609 года (ИК 2001: 113, 136), а также после Столбовского мирного договора 1617 года. Возможно, что вместе с карельским в Россию переселялось и некарельское население, результатом чего стало появление интересующих нас этнотопонимических названий. Подтверждением правомерности такого предположения может служить указ царя Бориса Годунова об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе финнов и шведов («латышей Финские и Свейские

земли»), переселившихся на территорию Карельского уезда во время его оккупации и не пожелавших возвращаться назад в королевство (ИК 2001: 137). Из истории Карелии известно, например, что в 1626 году данщик Кимасозерской волости выдал беглецу из Кексгольмского лена (Карельского уезда) «латышу» Гейкию своеобразный «вид на жительство»: жить ему в волости «где похочет» в бобылях, и выдвинул требование принять православие. А около 1626 года из того же Кексгольмского лена пришли на Топозеро (Северная Беломорская Карелия) четыре крестьянина «немчина», которых в 1828 году власти велели переправить к Белому морю в Кереть (Жуков 2003: 100–101). Тридцатью годами позднее в апреле 1656 года в Олонец прибыло 122 карела и вместе с ними 20 финнов-лютеран с территории Карельского уезда (JESKANEN 1998: 255).

Два указанных выше этноязыковых потока освоения территории Карелии выявляется и на основании данных топонимии. Их существование подтверждается рядом характерных карельских и емских дифференцирующих моделей, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Карельского уезда через территорию финляндской Северной Карелии в карельское Беломорье, и особенно его западные части. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что или два колонизационных потока продвигались одновременно, или один следовал по маршруту другого.

О пребывании западно-финского населения на территории современной Карелии свидетельствуют немногочисленные исторические документы, народные предания, а также возможно неофициальные фамилии, зафиксированные, преимущественно, в Беломорской Карелии.

Так, в документе 1556 года, название которого звучит как «Отводная сотная выпись ... на государевы земли и угодья в Сумской волости», упоминается варница Фетковская Ямленина (МПИК 1941: 184), наименование владельца которой может свидетельствовать о его емских корнях. А в Дозорной книге Лопских погостов 1597 года зафиксировано название *Гямостров* (< *?*Häme(h)suari*) (совр. Ямостров) в окрестностях села Шуерецкого на Белом море, в котором, вероятно, также можно увидеть интересующий нас этноним (ИК 1987: 218).

Отметим, что это одни из наиболее ранних и, в тоже время редких, документов, которые есть указания на представителей западно-финского населения на территории Карелии. Хотя М. Витов в своей работе «Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков» указывает, что в летописных описаниях этнических взаимоотношений на этой территории иногда упоминается емь, и обращает внимание читателей на то, что к моменту прихода русских в Заонежье здесь были расселе-

ны следующие этнические группы финской языковой семьи: лопь, чудь заволоцкая, весь и приладожская емь, а с XII века в Заонежье упоминается и корела (ВИТОВ 1962: 42, 61–62). Однако у него нет указаний на источники, которые он использовал в своем исследовании.

Из документа 1773 года мы узнаем о работнике одного из жителей северно-карельской деревни Тирозеро по имени Сава *Хямхеляйнен* (< *?*Häme(h)läinen*), обвиняемого за воровство оленей на территории Финляндии (KORTESALMI 1996: 214). Его родовое прозвище/неофициальная фамилия, таким образом, может свидетельствовать в пользу емских корней этого рода. Также заметим, что по соседству с вышеупомянутой деревней находилась трехдворная деревушка *Хямехенвуара*, из которой мог быть родом этот самый Сава.

В 30-х годах XIX века исследователь финно-угорских языков М. А. КАСТРЕН побывал в Беломорской Карелии и записал родовые предания жителей нескольких беломорских деревень. На основании этих преданий он делает вывод, что в Беломорскую Карелию достаточно рано могло прийти население из Хяме (CASTREN 1852: 86). Наиболее достоверным в этом отношении является лишь одно предание, связанное с заселением деревни *Хяме* (*Häme*h), которое было записано академиком ШЕГРЕНОМ в 1825 году. Согласно этому преданию, пять поколений назад, т.е. где-то на рубеже XVII–XVIII вв., сюда пришло население с территории Хяме, представители которого называли себя в 1825 *Hämäläiset*, то есть «ямляне» (PÖLLÄ 1995: 146). Первое упоминание о деревне *Хяме* в форме *Гаме* мы находим в описании Российского приграничья генерал-майором Михаилом Матюшкиным в 1718 году. Согласно его сведениям, деревня находилась на берегу озера *Гаме* (совр. *Hämeheinjärvi*) и состояла из одного двора, в этом же документе фиксируется также река *Гаме* (кар. *Hämehejoki*) в районе деревни Чирка-Кемь на юге Беломорской Карелии (ЧЕРНЯКОВА 1998: 61, 63). Родовое прозвище/неофициальная фамилия *Hämäläini* зафиксировано также в трех деревнях Западной Беломорской Карелии: в Чене (ERVASTI 1918: 199), Каменном озере и в Аконлакше. Представители этого рода из деревни Каменное озеро, чья официальная фамилия в конце XIX века была Богдановы, рассказали, что род их пришел из Финляндии. М. ПЕЛЛЯ предполагает, что жители с прозвищем/фамилией Хямяляйни из деревень Хяме и Каменное озеро являются двумя ветвями одного и того же рода, который в конце XVII начале XVIII веков переселился в Беломорскую Карелию (PÖLLÄ 1995: 146). В XVI веке родовое прозвище/фамилия *Хямяляйнен* была широко распространена в Саво, Выборгской Карелии и на территории Карельского уезда, а также с начала XVII ве-

ка фиксируется в Кайнуу¹ (PÖLLÄ 1995: 136). Возможно, что события 1617 года и стали причиной переселения представителей некоторых из этих родов на территорию карельского Беломорья, а также появления здесь названий с топоосновой *Hämeh-*.

Некоторые исследователи предполагают, что род известного рунопевца Архипа Перттунена из деревни Ладвозеро также пришел с территории Хяме, поскольку из предания, записанного в 1839 году КАСТРЕНОМ, известно, что род переселился в Карелию из Орихвеси (Orivesi), которое находится на территории проживания еми (NIEMI 1904: 9). Другого мнения придерживается Х. КИРКИНЕН, который полагает, что данное название следует связывать с другим озером Орихвеси, которое находится между озерами Паасивеси и Пюхяселькя в бывшем Карельском уезде, и входило в хорошо известный и используемый карелам водный путь из Приладожья к берегам реки Оулуйоки и далее к Ботническому заливу (KIRKINEN 1988: 103). Данное предположение поддерживает и рассказ сына Архипа Мийхкали Перттунена о том, что первый представитель их рода бежал с территории Финляндии (окрестностей Оулуйярви) в Россию, поскольку был карелом (КФ 1992: 233). Это подтверждают и исторические документы XVIII века, в которых представители этого рода именуются «прописными». Это означает, что они в глазах властей были людьми местными, поскольку так именовали только «старинных» крестьян российских территорий (ЧЕРНЯКОВА 1998: 46). Других сведений, которые могли бы прямо указывать на приход населения с территории Хяме, в преданиях мы не находим.

С другой стороны, топооснова *Hämeh-*, а также модели емского происхождения в топонимии Беломорской Карелии могут указывать и на достаточно раннее, возможно, докарельское освоение этих территорий емью. Так, по мнению финляндского исследователя М. ПЕЛЛЯ, появление емской топонимии на территории Беломорской Карелии датируются концом железного века, когда через эту территорию проходили торговые пути, связывающие Северную Норвегию и Юго-Западную Финляндию с финно-угорским населением на Северо-востоке Европы (PÖLLÄ 1990: 29). Можно предположить, что к одному из таких мест относится залив *Hämehenlaksi* в окрестностях приграничной деревни Тетринаволок в Беломорской Карелии, с берега которого, согласно сведениям информаторов, начиналась дорога в Финляндию. Однако,

¹ В современной Финляндии фамилия *Hämäläinen* считается саволакской. Основным ареалом ее распространения является территория Саво (Sukunimet 2000: 143).

сомнительно, что указанный путь может быть связан с таким отдаленным историческим периодом, о котором пишет М. Пелля.

Возможно, речь может идти о промысловом освоении жителями Западной Финляндии этих отдаленных восточных территорий, что косвенно подтверждает одно из сведений, записанных ЮВЕЛИУСОВ в 1887 году в деревне Панозеро, расположенной в центральной Беломорской Карелии: «До грабительских войн (начало XVIII века) приходило в Карелию финское население (кар. *guocit*) в мирных целях для добывания жемчуга в порогах» (JUVELIUS 1888: 63). К таким местам, например, могут относиться пороги с названием *Hämehkoski* в окрестностях деревень Шолопово, Оланга, Чирка-Кемь и Пибозеро. Подтверждение вышеприведенному факту мы находим в монографии Т. А. БЕРНШТАМ «Поморы», где автор указывает, что в XIX веке кустарная добыча жемчуга в Онежском и Кемском уездах находилась в руках карел и пришлых финнов (БЕРНШТАМ 1978: 119). Из документа 1628 года также известно, что житель Кимасозерской волости, располагавшейся в южной части Беломорской Карелии, сдал в аренду свой рыбный промысел «за рубеж немцом-наймитам», т.е. шведским подданным, нанятым на работы старостой волости (ЖУКОВ 2003: 99). Кроме этого, финляндский исследователь Р. РОСЕН в статье, посвященной российской Карелии, пишет, что на основании давней традиции у некоторых жителей Финляндии некогда существовали права на пользование землей на территории Карелии. В качестве примера он приводит сведения, датированные концом 17 века, согласно которым два жителя Финляндии Туомас Хайкарайнен из Виекки и Антти Антинпойка из Палоярви регулярно в течение нескольких лет варили соль на побережье Белого моря в районе села Сорока (совр. Беломорск) (ROSEN 1938: 57). Дополняют эту информацию данные, записанные РАФАЭЛЕМ ЕНГЕЛБЕРГОМ в 1909 году на территории финляндских провинций Кайнуу и Северная Карелия. Согласно им, жители населенных пунктов Вартиус, Лиекса, Виекки и Пиелисъярви разрабатывали земельные угодия на территории российской Карелии (ENGELBERG 1912: 111–112).

Все вышеперечисленное может свидетельствовать, что в истории Карелии были времена, когда подданные Шведского королевства могли использовать эти отдаленные промысловые территории в своих целях. Возможно, этим и объясняются большинство топонимов с основой *Hämeh-* в Карелии, которые фиксировали право емского населения на использование тех или иных природных объектов. Таким образом, топонимами с основой *Hämeh-* карельское население могло помечать места, где оно соприкасалось с представителями еми.

Однако стоит заметить, что не все названия с основой *Hämeh-* могут иметь этнонимические истоки. Так, часть названия этого типа может быть связана с восприятием имядателем освещенности объекта. В связи с этим основанием номинации некоторых объектов на *Hämeh(en)-* возможно стала плохая освещенность тех или иных мест, и они связаны с прибалтийско-финской основой *hämä-*: ср. *hämä-rä* ‘темный’, *hämü* ‘сумрак’ (KOIVULENTO 1997: 161–162), *hämä-ri* ‘потемки’ (СКЯ 1990). В пользу этого предположения свидетельствуют данные с вепсской территории, где информаторы сами обращают внимание на затемненность некоторых мест с этой основой.

В то же время в людиковском наречии карельского языка известен апеллятив *hämäghein* со значением ‘осока’ [NA]. В связи с этим возникает вопрос, не связано ли появление, по крайней мере, части названий с топоосновой *Hämeh-* в Карелии с более широким бытованием вышеуказанного апеллятива на определенном этапе истории?

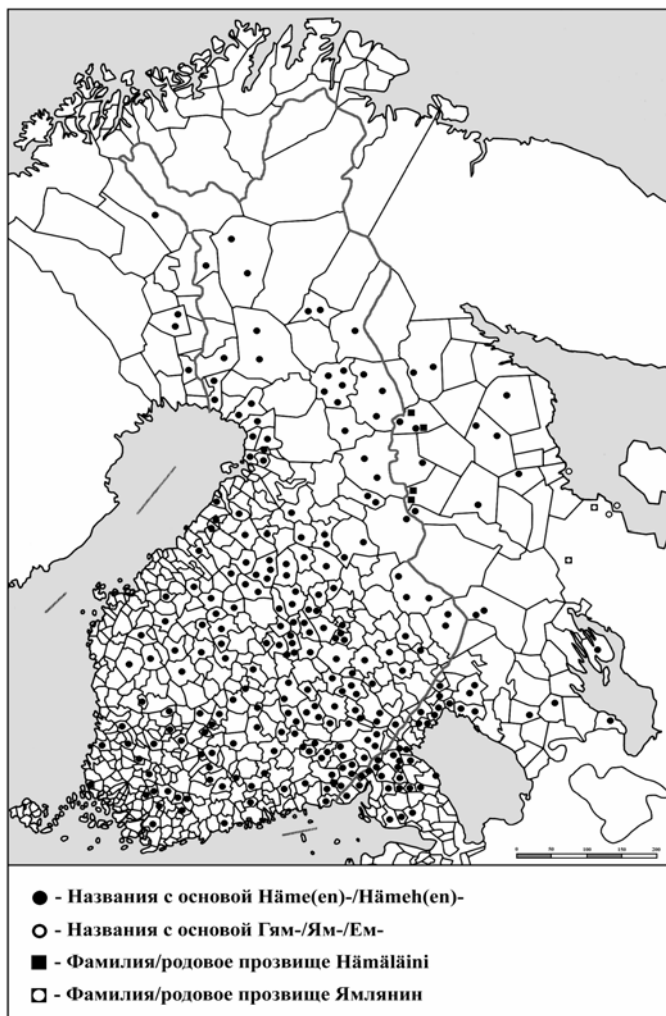
За некоторыми русскоязычными названиями интересующего нас типа могут скрываться карельские формы русских православных имен. Так, можно предположить, что в названии деревни *Емечевская* (вар. *Гемечевская*, *Ямечевская*) в Заонежье производящей основой выступает, скорее, карельский вариант русского мужского имени *Емельян* (кар. *Jemssi*), нежели русскоязычный вариант этнонима *Häme(h)-* ‘Емь-’. Стоит упомянуть, что на территории Заонежья карельские православные и неправославные имена неоднократно фиксируются в составе ойконимов: ср. деревни *Мукково* < *Mikko* ‘Михаил’, *Артово* < *Arto* ‘Артемий’, *Таровская* < *Taro(i)* ‘Дорофей’, *Кургеницы* < от кар. *kurgi* ‘журавль’, *Куковская* < от кар. *kukko* ‘петух’ и др.

Подводя итог, отметим, что на данный момент можно делать только приблизительные предположения о причинах появления топонимов на *Hämeh-* в Карелии. Большую их часть, на наш взгляд, составляют названия промысловых владений, другую — родовые прозвища/неофициальные фамилии жителей и места их проживания. Таким образом, распространение на территории Карелии названий с основой *Hämeh-*, а также ряда характерных емских дифференцирующих топооснов, таких как *Läpikäytävä*, *Kemi-*, *Oulu-*, *Rävis-/Reväs-*, *Vekara-* и др., может быть свидетельством вливания западно-финских переселенцев в среду карельского населения рассматриваемого региона.

Использованная литература и источники

- БЕРНШТАМ, Т. А. (1978) *Поморы. Формирование группы и система хозяйства*. Ленинград.
- БУБРИХ, Д. В. (1947) *Происхождение карельского народа*. Петрозаводск.
- БУБРИХ, Д. В. (1950) *Не достаточно ли емских теорий?* // *Известия Карело-финского филиала Академии Наук СССР* № 1. 35–54.
- ВИТОВ, М. В. (1962) *Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков*. Москва.
- ЖУКОВ, А. Ю. (2003) *Управление и самоуправление в Карелии в XVII в.* Великий Новгород.
- ИК 1987 = *История Карелии XVI–XVII в. в документах*. Петрозаводск–Йоенсуу.
- ИК 2001 = *История Карелии с древнейших времен до наших дней*. Петрозаводск.
- КФ 1992 = *Карельский фольклор*. Петрозаводск.
- МПИК 1941 = *Материалы по истории Карелии XII–XVI в.в.* Петрозаводск.
- СКЯ 1990 = *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*. Петрозаводск.
- ШАСКОЛЬСКИЙ, И. П. (1950) *О емской теории Шегрена и ее последователях*. О статье Д. В. Бубриха Не достаточно ли емских теорий? // *Известия Карело-финского филиала Академии Наук СССР* № 1. 93–102.
- ЧЕРНЯКОВА, И. (1998) *О чем не рассказал Элиас Леннрот...* К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск.
- CASTREN, M. A. (1852) *Nordiska resor ock forskningar I*. Helsingfors.
- ENGELBERG, RAFAEL (1912) *Kansantietoja Pohjois- ja Itä-Suomesta ja Venäjän-Karjalasta*. Helsingissä.
- ERVASTI, A. W. (1918) *Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879*. Helsinki.
- ITKONEN, T. (1983) *Välikatsaus suomen kielen juuriin*. // *Virittäjä* 87: 190–229, 349–386.
- JESKANEN, M. (1998) *Karielat hormilla kessessa*. Sisä-Venäjän, erityisesti Tverin alueen karjalaiset. // *Karjala, kansa, kulttuuri*. SKST 705. Helsinki.
- JUVELIUS, J. W. (1888) *Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta*. SKS. Helsinki.
- KIRKINEN, H. (1963) *Karjala idän kulttuuripiirissä*. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki.

- KIRKINEN, H. (1984) *Suomi ja sen asukkaat venäläisissä lähteissä vuoteen 1323*. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki.
- KIRKINEN, H. (1988) *Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret*. SKS. Helsinki.
- KOIVULEHTO, J. (1997) *Were the Baltic Finns “clubmen”? // You name it. Perspectives on onomastic research*. Studia Fennica Linguistica 7. Helsinki. 151–169.
- KORTESALMI, J. J. (1996) *Pohjois-Vienan poronhoito*. Talonpoikien poronhoidon alue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Kansantieteellinen arkisto 41. Helsinki.
- NA = Suomen nimiarkisto. KOTUS. Helsinki.
- NIEMI, A. R. (1904) *Castrenin kertomus runonkeruumatkastansa Venäjän Karjalassa v. 1839. // Runonkerääjimme matkakeromuksia 1830-luvulta 1880-luvulle*. SKST 109. Helsinki. 3–15.
- NISSILÄ, V. (1939) *Vuoksen paikannimistö*. SKS. Helsinki.
- NISSILÄ, V. (1975) *Suomen Karjalan nimistö*. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. Joensuu.
- PÖLLÄ, M. (1990) *On western finnish toponymy in Archangel Karelia. // Linguistica Uralica* 26: 24–29.
- PÖLLÄ, M. (1995) *Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla*. SKST 635. Helsinki.
- ROSEN R. (1938) *“Rusopartainen Ontrus” ja hänen esi-isänsä. // Karjalan historia (Historian aitta)*. Historian ystävien liitto VIII. Jyväskylä. 51–60.
- Sukunimet 2000 = MIKKONEN, PIRJO—PAIKKALA, SIRKKA, *Sukunimet*. Helsinki.
- VAHTOLA J. (1980) *Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty*. Nimitystieteilinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi.
- VALONEN, N. (1984) *Vanhaja lappalais-suomalaisia kosketuksia. // Suomen väestön esihistorialliset juuret*. Suomen Tiedeseura. Helsinki. 73–96.

А. Г. Мусанов (Сыктывкар)

Гидронимия Средней Язьвы

Район исследования — бассейн средней Язьвы — административно относится к Красновишерскому району Пермской области. Река Язьва является одним из крупных левых притоков р. Вишера, левого притока р. Кама; образуется она при слиянии рек Северная Язьва и Полуденная Язьва, стекающих с хребта Кваркуш (район г. Дормык); протекает большей частью по заболоченной низменности на юг Красновишерского района Пермской обл., течет на запад и северозапад и впадает в р. Вишера ниже Красновишерска. Общая протяженность реки составляет около 271 км. Основные притоки первого порядка: левые — Кабакайка, Мазерика, Жакшор, Фоминлог, Молмыс, Кукай, Беззадая, Мель, Кульсим, Зынайка, Бортом, Верхняя Перша, Нижняя Перша, Глухая Вильва, Колывна; правые — Цепёл, Большая Осиновка, Верхняя Тулымка, Колчим, Трехрассошная, Суя, Ветлянка, Пулт, Шудья, Корнышиха, Ближняя Сурдья, Нырья, Сетера.

Первые исторические упоминания о территории бассейна р. Язьва и о населении содержат писцовые книги Чердынского уезда Ивана Яхонтова 1579 г. и Михаила Кайсарова 1623 г.: в 1579 г. в числе населенных пунктов Нижнего стана указываются «д. Язва на р. Язве», д. Немзя, и починок Орефин; в писцовой книге 1623 г., кроме названных выше поселений, указываются: д. Ивашка, д. Ивановская на р. Язве, поч. Кичигин — д. Кичигина, д. Дубровка. Остальные населенные пункты на Язве, судя по историческим документам, появляются позже, после XVI–XVII вв. Однако археологические данные позволяют утверждать о заселении этого края уже в I тысячелетии н.э., и, возможно, еще раньше, учитывая пограничное расположение с Камско-Вятским междуречьем, где, как известно, в разные исторические эпохи, начиная с конца ледникового периода, происходили разнородные этнические процессы (миграции и инфильтрации племен, интеграции разнообразных культур, ассимиляции и взаимоассимиляции), обусловленные как социально-экономическими факторами развития самих этносов, так и внешним воздействием.

В последнее время ученые (БЕЛАВИН 2007, КРЫЛАСОВА 2007, КАЗАКОВ 2007 и др.¹) активно дискутируют относительно непростой этнокуль-

¹ См. *Пермские финны: археологические культуры и этносы // Материалы I Всероссийской научной конференции*. Сыктывкар, 2007.

турной ситуации в прошлом в исследуемом регионе, ссылаясь на различные исторические документы, а также ономастические материалы, утверждая о «вогульском» населении на всем протяжении р. Язьва. Попытки обоснования угорской версии происхождения многих географических названий Верхнего Прикамья предпринимались и ранее, еще в середине XX столетия (см. работы Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВА, Т. И. ТЕПЛЯШИНОЙ, М. Г. АТАМАНОВА, Л. М. МАЙДАНОВОЙ и др.), в итоге все они оказались безуспешными. Сравните аналогичную неперспективную точку зрения Д. ЕВРОПЕУСА (1868, 1874), М. КАСТРЕНА (1845, 1860, 1862) и др. относительно угорского заселения территории на всем протяжении Европейского Севера России, включая крупные водоразделы Республики Коми. Естественно, что отвергать отсутствие контактов угорских племен с древними коми не совсем корректно. Взаимодействия на хозяйственном, языковом и других уровнях, безусловно, существовали, однако, указанные учеными территории не являлись местами постоянного обитания угорских племен. Отсюда незначительный пласт заимствованных названий угорского происхождения, можно сказать, вкраплений.

В Прикамье, по утверждению А. С. КРИВОЩЕКОВОЙ-ГАНТМАН (2006: 31), зафиксирован ряд названий, особенно гидронимов, субстратного допермского происхождения. К допермскому пласту, не определяя языковую принадлежность гидронимов, ученый относит большей частью однокомпонентные потамонимы, не объяснимые из пермских языков — *Вым*, *Вум*, *Кыт*, *Сым* и др. Некоторые из перечисленных названий, на наш взгляд, можно интерпретировать из обскоугорских языков, например, *Вым*, ср. хант. *емэнг* ‘святой, священный’; *Вум*, ср. хант. *юм* ‘черемуха’ или из манс. *ум/юм* ‘река’ и т. д.

Археологически исследуемый район пока мало изучен по сравнению с Чердынским краем. В бассейнах рек Колва, Вишера и Кама зафиксировано более 100 памятников различных эпох. Большинство из них относятся, по утверждению археологов, к родановской культуре и ее локальным вариантам. Время развития родановской культуры определяется X–XV веками н.э. По локализации археологических памятников можно определить границы заселения: притоки реки Кама — Лупья, Березовка, Южная Кельтма, Вишера с притоком Язьва. Многие памятники родановской культуры, как утверждает Р. Д. ГОЛДИНА (2007: 23), совпадают с коми-пермяцкой ойконимией на -кар ‘городище’, ‘возвышенное место, холм, гора’: *Анюшкар*, *Кудымкар*, *Майкор*, *Искор*, *Курегкар*, *Редикар*, *Чумкар* и др.

Гидронимическая система Язьвы до сих пор с формальной и лингвистической точек зрения не рассматривалась, за исключением западной части Северного Урала (см. МАТВЕЕВ 1961, 1976, ГНУ, ГНСО и др.).

Средняя Язьва исторически оказалась местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этнических потоков с востока и запада, юга и севера. Каждая миграционная волна оставляла свои гидронимические отложения, создавала определенные модели номинации гидрообъектов.

В силу социальной обусловленности гидронимы раньше других топонимов оказывались вовлеченным в сферу хозяйственно-экономических интересов. Отсюда консервативность имен водных объектов, сложность их языковой идентификации.

1. Речная гидронимия

Язьва, р., впервые упоминается в писцовых книгах Чердынского уезда Яхонтова 1579 г. и Кайсарова 1623 г., где указываются ряд населенных пунктов, в том числе и «д. Язва на р. Язве», т.е. изначально звук *з* употреблялся твердо. Возможно, мягкость является результатом народной этимологии, т.е. вторичной семантической мотивированности. Местное население значение названия определяет именно таким образом, связывая со словом *язь* ‘вид рыбы семейства карповых’, *ва* ‘вода, река’; «*в реке обитает рыба язь, очевидно, река получила свое название за то, что в ней водилось большое количество рыбы*».² Ихтиологической версии происхождения аналогичных гидронимов придерживается А. К. МАТВЕЕВ (ГНСО 343). Некоторые ученые-топонимисты, например, И. Я. КРИВОЩЕКОВ пытаются объяснить из к.-п. *ез* ‘орех’, *ва* ‘вода’, так как эти места богаты кедровниками (ГНУ 302). А. С. КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН приводит данные из манс. *яс* ‘русло, река, колея’, поскольку в этих местах в прошлом имелись небольшие колонии манси. В Пермской области зафиксирована река с аналогичным названием **Язьва** (правый приток Обвы). Эти гидронимы встречаются как раз в тех местах, где в прошлом имелись небольшие колонии манси; аналогичный гидроним **Ясьва** имеется в бас. Тагила (Свердл. обл.) (ГНВП 166). В более ранних работах А. К. МАТВЕЕВ сравнивает со словом *йöз* ‘народ, люди’; ‘река, на которой живут’, ‘Жилая река’ (ГНУ 302).

Из истории известно, что в прошлом территория Пермско-Чердынского уезда состояла из четырех станов — Окологородный, Верхний, Нижний и Отхожий.

² В объяснительной части большинства топонимов в скобках курсивом выделены народные толкования географических названий.

У верховьев р. Боровая кончалась южная граница Нижнего стана и начиналась восточная. Она распространялась на северо-запад по р. Язьва, впадающей слева в Вишеру ниже Морчана. Река Язьва являлась восточной границей Нижнего стана.

В этой связи возможно сравнение названия реки с апеллятивами индоевропейского (балтийского) происхождения, например, литов. *ežia* ‘межа’, ‘край’, ‘граница’; лтш. *eža* ‘грядка’, ‘межа’, также распространен в славянских языках со значением ‘плотина, запруда’ и т. д. Коренное население называет реку Язьва — Ёдз ~ Ёдж.

Бортом, р., левый приток р. Язьва; *бортом* < коми-яз. *бһр* ‘зад, конец’ + суффикс *-тәм* (со значением отсутствия чего-либо), т.е. ‘река без конца’.

Бурнема, р., левый приток р. Язьва; возможно эллиптированное название; ср. коми-з. *бур* ‘хороший’, в гидронимии ‘полноводный’; *нем* < пр.-фин. *niemi* ‘мыс’.

Бутوما, р., левый приток р. Кульсим; ср. монг. *бут* ‘кочка’, ‘бугорок’; бур. *бута* ‘кочка’.

Быстрая, р., правый приток р. Молмыс; < рус. быстрый; название дано по характеру течения реки.

Ветлянка (местное название Ветляна) р., правый приток р. Язьва; ср. коми-з. *ветлан* ‘дорога, тропа’; ср. рус. *ветла* ‘белая ива’, *ветляник* ‘ивовая заросль, вербная роща’ (ГНУ 57).

Вильва Глухая, р., левый приток р. Язьва; длина около 79 км. Течет по Соликамскому и Красновишерскому районам Пермской области на север и северозапад, впадая в Язьву в нижнем течении. Берега реки высокие и низкие, заросшие кустарником и лесом. От пос. Сим (ср. коми-з. *сім* ‘ржавчина’) река течет среди болот, на пойме много стариц и озер; ср. тюрк. (чуваш.) *вил* ‘рукав реки, старица’, *ва* < перм. ‘вода, река’.

Ворга, р., правый приток р. Язьва; ср. коми-з. *ворга* ‘желоб’, ‘лоток’, ‘русло’, ‘ложе’, фин. *orko* ‘низина, овраг’, вепс. *org* ‘дремучий лес, чащоба; овраг, низина’, саам. *årgo* ‘вересняк, лес на песчанике’. Местное население определяет из мансийского «охотничий рукав».

Дальняя речка, р., левый приток р. Язьва; название образовано по геоморфологическому признаку; «находится вдали от деревни Ванина».

Зынайка, р., левый приток р. Язьва; ср. коми-п. *зына* ‘с дурным запахом, вонью (о затхлой воде)’ (ГНВП 89).

Кабакайка, р., левый приток р. Полуденная Язьва; берет начало в районе г. Кабакайка; ср. тюрк. *кабак* ‘высокий берег, обрыв’, *айка* < перм. ю ‘река’ + -к деминутив, т.е. ‘река с высоким берегом’.

Колчим, р., правый приток р. Язьва; ср. фин., кар., вепс., вод., лив., эст. *kala*, саам. *kuolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *кол*, кул, хант. *кул*, венг. *hal* ‘рыба’; компонент *-чим*, возможно, гидронимический формант; ср. названия рек на территории Коми — *Локчим*, левый приток реки Вычегды; *Чим*, правый приток реки Лоптьюга и др.; традиционно считается западносибирским заимствованием (ВЕРНЕР 1978, ВОРОБЬЁВА 1973: 131, МЕЛЬХЕЕВА 1985: 144, КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН 1971: 230).

Колынва, р., левый приток р. Язьва; длина около 49 км. Течет по Соликамскому и Красновишерскому районам Пермской области на северо-запад, север и северо-восток, впадая в Язьву в нижнем течении. В устье Колынвы расположено старинное село Нижняя Язьва. Сложный гидроним состоит из лексем *колынг* и *ва*, где *ва* < перм. ‘вода, река’, а первый компонент, возможно, из манс. *кол* ‘дом’ + суффикс обладания *нг*, т.е. *Колынва* — ‘Домовая река’.

Корнышиха, р., правый приток р. Язьва; *корныш* < коми-яз. *көрныш* ‘ворон’ + русский топонимический формант *-их(а)*.

Кузья Малая, Кузья Большая, р., левые притоки р. Язьва; ср. пр.-фин. *kuusi*, мар. *кош*, коми-з. *коз*, удм. *кыз* ‘ель’ и т. д. (КЭСК 127).

Кукай, р., левый приток р. Язьва; **Восточная Кукайка**, р., правый приток р. Кукай; ср. фин. *kukki(la)* ‘гора, холм, вершина горы’; саам. *кук* ‘длинный’.

Кульсим ~ Кульсом, р., левый приток р. Язьва; ср. манс. *куль* ‘злой дух’, ‘черт’, коми-з. *куль* ‘черт, бес’, коми-п. *куль* ‘водяной дух, черт’, фин. *koljo* ‘великан, исполин’; компонент *-сим/-сом* в прошлом имело значение ‘река’ и, как считают многие топонимисты, связано с западносибирскими языками (ВЕРНЕР 1978, ВОРОБЬЁВА 1973: 131, МЕЛЬХЕЕВА 1985: 144).

Кушка Малая, Кушка Большая, р., правые притоки р. Язьва; ср. пр.-фин. *koski*, саам. *kuošk*, коми-з. *кось(к)* ‘порог, перекат’, ‘речной порог’ > рус. *кошка*.

Маг, р., правый приток р. Глухая Вильва; ср. пр.-фин. *mäki*, *mägi* ‘гора (обычно на дороге)’, ‘берег, суша’, *mägür* ‘горка, холм’, ‘холм, возвышенность’ (ММ 61); коми-з. *мег* ‘излучина реки’, ‘колена, ломаный сгиб реки’, коми-п. *мег* ‘лука, излучина реки’; > рус. *мег* ‘излучина’.

Мазерика, р., левый приток р. Язьва; берет начало в районе г. Мазерика; ср. коми-з. *мӧсер* ‘волок’.

Малованинская речка, р., правый приток р. Язьва; отойконимическое название; «находится около деревни Малованина».

Молмыс, р., левый приток р. Язьва; образуется из слияния Западного и Восточного Молмыса. Начало обе реки берут близ истоков Северной и Полуденной Язьвы, в средней части хребта Кваркуш (район гор Скала, Емельян/мык, Тарбара/мык, Шар/мык). Длина реки около 149 км. На всем протяжении Молмыс течет в узкой лесистой долине на юго-восточной части Красновишерского района Пермской обл. Дно реки каменистое. Возможно, гидроним гибридного обскоугорско-коми происхождения, где первый компонент *мол* из хант. *мыл*, *мал*, манс. *мил* 'глубокий', *мыс* < ср. коми-з. *мӧс* 'источник, родник'.

Мосина, р., правый приток р. Язьва; компонент *мос* < ср. коми-з. *мӧс* 'источник, истоки; речка, берущая начало из родника', в прошлом апеллятив *-мӧс* существовал как самостоятельное слово и, по-видимому, исчез из употребления еще в общепермское время, но активно сохранился в гидронимии (Туркин 1988: 32).

Мынья Малая, Мынья Большая, р., правые притоки р. Язьва; ср. тюрк. *мойун*, *моюн* 'шея', в топонимии 'излучина реки'.

Нёл, р., левый приток р. Колывна; небольшая, но глубокая река, течет среди болот и соснового леса; ср. манс., хант. *нӗл* 'скала, утес, отрог горы, ее выступ' > рус. (диал.) *нӗла* «возвышенность, параллельная долине». На берегу реки расположено с. Чигираб, где апеллятив *аб* < коми-яз. *ӧб* 'поле', *чигир* < тюрк., ср. татар. *чыгыр* 'чигирь (водоподъемное сооружение, вид колодца с колесом)'. В полукилометре ниже устья Нёла в Колывну впадает ручей Исток, ср. рус. *исток*. Выше по ручью в заболоченной впадине между Колывной и Язьвой расположено большое озеро Нюхти; компонент *ти* < коми-з. *ты* 'озеро', *нюх* < ср. коми-з. *нюк*, *нюкыль* 'ложбина речки, овраг', 'изгиб'; озеро локализовано около извилистого русла ручья.

Нырья, р., правый приток р. Язьва; *ныр* < перм. *ныр* 'нос, клюв, рыло', в топон. 'излучина, лука (реки)', 'возвышенность, холм, пригорок', *-я* < ю 'река'.

Ошмас, р, правый приток р. Цепёл; ср. коми-яз. *ыштӧс*; коми-з. *ӧшмӧс* «колодец, прорубь», удм. *ошмес* «ключ, родник». Общеп. * *ыштӧс* 'источник, ключ' (КЭСК 213).

Перша, р., левый приток р. Язьва, Нижняя и Верхняя Перша; ср. кар. *perko*, *pergo*, *pergivö*, *peroš*, ливв. *ergavo*, *pergivö*, *perroz*, *perrotes*, люд. *pergatez* 'расчищенный, раскорчеванный для покоса участок в лесу, на болоте; новина'; фин. *perkiö* 'новь, новина' (ММ 71); удм. *пера* 'сырое, черноземное болото, болотистое место'; коми-з. (лет.) *перѣб* 'берег лесной реки, покрытый мхом'; некоторые топонимисты (Воронцова, Галкин 2002: 262), ссылаясь на КЭСК, например, лексему *пер* возво-

дят к фин.-угор. *бергo* ‘болото, трясина’, венг. *berek, berket* ‘кустарник, сырой луг’ (КЭСК 220); компонент *-и* рассматривают как гидроформант, поскольку имеет параллели в других финно-угорских языках (данный апеллятив отождествляется с ненецким *сё* ‘проток, река, вытекающая из озера’).

Пудьва (более ранняя фиксация Пудья; местное название Пудви), левый приток р. Мель; ср. вепс., фин. *pudas* ‘залив, рукав реки’; ср. также вепс. *poude, paude, paute* ‘склон, косогор; край поля, межа’, фин. *palte, palle* ‘край; крутой берег; склон горы, гора’, саам. *puolta* ‘склон горы’; *ва* < перм. ‘вода, река’.

Пулт, р., правый приток р. Язьва; ср. алт. *пулут* ‘облако, туча’, якут. *былыт* ‘тж’, ср. также коми-з. *пил, пив* ‘туча, облако’.

Сетера, р., правый приток р. Язьва; ср. коми-з. *сэтөр* ‘смородина’, *-а* суффикс наличия.

Сирья, р., левый приток р. Молмыс; ср. чуваш. *сир/сыр* ‘обрыв, овраг’, ‘река, речка’.

Суя (местное название *С’юя/ва*), р., правый приток р. Язьва; *су* < коми-яз. *с’ю* ‘глина’, *ва* < перм. ‘вода, река’; «название дано реке не случайно, ведь она имеет красное, глиняное дно».

Сурдя Ближняя, р., правый приток р. Язьва; **Сурдя Дальняя**, р., правый приток р. Сурдя Ближняя; ср. коми-з. *сор (сорд)* ‘чаща’: ‘разновидность леса (роща?)’, удм. *swrd* юз., *сурд* южн. ‘роща’. Общеп. **sord* ‘вид леса’ (КЭСК 261); ср. также пр.-фин. *soari, suari, suar* ‘глухой лес, чаща, отдельно стоящий лес’ (ММ 88–89).

Трирассохи (Трѣхрассошная), р., правый приток р. Язьва; < рус. *рассоха* ‘слияние рек, устье’, т.е. ‘река, образованная путём слияния трёх рек’.

Урсия Большая, р., левый приток р. Язьва; **Урсия Малая**, р., правый приток р. Урса; ср. узб. *ур* ‘отлогая возвышенность’, ‘обрыв’, *су* ‘вода, речка, ручей’ > рус. *са*.

Хуторская, р., левый приток р. Язьва; < рус. *хутор* ‘отдельный дом, изба со скотом и сельским хозяйством’; «небольшая речушка находится около деревни Нефёдова, но так как раньше Нефёдова была не деревней, а хутором, речушку и прозвали Хуторской».

Цепёл, р., правый приток р. Язьва; возможно из *Сён/эль*, где коми-з. *сён* ‘желчь, желчный’, коми-з. *ель* ‘лесной ручей’. Хотя эта версия не совсем соответствует географическим реалиям, поскольку на территории бассейна Верхней Язьвы зафиксирован ряд значительных по мас-

штабам географических объектов подобным именем. Вероятнее всего, название происходит из рус. *цепь*.

Шудья (местное название *Шуддю*), р., правый приток р. Язьва; *шуд* < коми-яз. *шуд* ‘счастье’, *ю* ‘река’, т.е. ‘счастливая река’.

2. Названия ручьев

Абрамовский родник, руч., отойконимическое название; «назван за то, что он находится неподалёку от деревни Абрамова».

Аксёновский родник, руч., отойконимическое название; «получил своё название за то, что он находится неподалёку от деревни Аксёнова».

Выдерга (местное название *Вурд/шор*), руч., правый приток р. Язьва: локальный вариант из коми-яз. *вурда́* ‘выдра’, *шор* < коми-яз. *шор* (*шбрөн*) ‘ручей’; ср. удм. *выр* ‘возвышенность, холм’, морд. *вырь* ‘лес’; ср. также фин. *vaaga* ‘гора, поросшая лесом’ (РФС 139), саам. *vārr* ‘лес’ (КЕРТ 1986: 17), морд. *вирь* ‘лес’ (РЭС 169); принимая во внимание традиционную для многих языков мира семасиологическую связь ‘лес’ ↔ ‘гора’ некоторые ученые приводят параллели из тунгусо-маньчжурских языков: эвен. *урэ~урá* ‘гора, горная тайга; лес’; нег. *ујэ* ‘гора; сопка’; нан. *хурз* ‘гора; сопка; тайга’, ‘лес’ и т. д. (ДМИТРИЕВА 1984, КУКЛИН 1998: 31–32).

Егоровский, руч., отойконимическое название; «расположен ниже деревни Егоровой, то его называют Егоровским».

Жакишор, руч., правый приток р. Тихая речка; ср. коми-з. *жаг* ‘тихий, спокойный, медленный’, коми-яз. *жагөн* ‘медленно’, *шор* < коми-яз. *шор* (*шбрөн*) ‘ручей’, т.е. ‘ручей с тихим медленным течением’.

Коноваловский родник, руч., отойконимическое название; «находится на окраине деревни Коновалова».

Кушишер, руч., приток р. Шудью; *куш* < коми-яз. *куш* ‘голый’, ‘без растительности’, *шер* < *шор* < коми-яз. *шор* (*шбрөн*) ‘ручей’, т.е. ‘голый, без растительности ручей’.

Лаврениха/шор, руч., отантропонимическое название; *шор* < коми-яз. *шор* (*шбрөн*) ‘ручей’; «расположен близ дома, в котором проживала женщина, носящая имя по мужу Лаврентию — Лаврениха».

Маринино болото, руч., оттопонимическое название; гидроним образован от названия болота *Маринино болото*.

Матвеевский, руч., отантропонимическое название; «течет около дома, в котором проживал человек по имени Матвей».

Нефёдовская, руч., отойконимическое название; «около деревни Нефёдова».

Потша/шор, руч., ср. рус. *потча* ‘залив’, ‘старица’, ‘рукав реки’ < вепс. *poht* ‘небольшой залив озера или реки’ (СВЯ 26); ненец. *паха* ‘бухта; залив’ (НРС 454); *шор* < коми-яз. *шор* (*шóрөн*) ‘ручей’.

Родник/горка, руч., название дано по геоморфологическим признакам; «расположен близ места, где из-под земли вытекает ключ».

Сайкот ручей, руч., *сайкот* < коми-яз. *сайкòт* ‘прохлада, свежесть’; «ручей назван по уникальной способности сохранять постоянную температуру воды зимой и летом: наш родник зимой дает тёплую воду, а летом — студёную».

Сысоевский родник, руч., отойконимическое название; «находится неподалёку от деревни Сысоева».

Таракча, руч., впадает в р. Урса; ср. тюрк. *тарак* ‘гребень’, *ча* < рус. *са* < тюрк. *су* ‘вода, речка, ручей’.

Проведенный анализ показывает, что на Средней Язве функционирует гетерогенная гидронимическая система. Большая часть названий гидрообъектов принадлежит не местному населению. Из общего количества рассмотренных гидронимов (56), только 11 (≈20%) названий можно считать по происхождению пермскими. Очевиден тот факт, что до освоения древними коми-язвинцами левого притока Вишеры реки Язва, основные, наиболее значимые и крупные водные объекты, имели свои наименования. Этимологическая интерпретация гидронимов на основе синхронных и диахронных сопоставлений позволяет выделить несколько топонимических пластов, хронологически дифференцирующихся и представляющих собой результат различных языковых наслоений. Один из них, самый древний и, наверное, наиболее сложный для интерпретации, связан с финно-пермской языковой общностью. В первую очередь, это речные названия, так называемые гидронимические рудименты, которые имеют семантические параллели в финно-пермских языках. Этот пласт незначителен по количеству названий (ср. топоосновы *кул-*; *куль-*; *куз-*; *куш-*; *маг-*; *пер-* и др.). Следующий пласт названий связан с западно-сибирскими языками. Носители этих языков привнесли в район гидроформанты *-сем/сом*, *-сим*, *-чим*. Проникновение древних сибирских племён в Вятско-Камский регион определяется археологами с верхнего палеолита и до порога раннего железа.

С северо-восточного направления наблюдается гидронимия обско-угорского происхождения (ср. топоосновы *колынг-*, *нёл-*, *мол-* и др.).

На юге района исследования фиксируется значительный пласт названий волжско-тюркского происхождения (ср. топоосновы *вил-*; *кабак-*; *пулт-*; *сур-*; *сур-* и др.).

Следующий этап заселения района связан с пермскими (древнекоми) названиями (*Сую*, р., *Жакшор*, р., *Кушшор*, р. и др.). Языки древних коми адаптировали вышеназванный субстрат. Этот пласт незначителен и характеризуется семантической прозрачностью.

Большая часть гидронимов пермского происхождения оформлена соответствующими апеллятивами: 1. *ва* 'вода, река', продуктивный гидроформант в Верхнем Прикамье; ареально локализован, незначителен в коми-зырянской топонимии; 2. *шор* 'ручей'; топонимически зафиксирован на всех пермских территориях; в коми-зырянской — наиболее продуктивен в бассейнах рек Лузы и Летки; 3. *ю* 'река'; гидротермин характерен для всех пермских языков; на территории Средней Язвы малопродуктивен и претерпел сильную модификацию (ср. *ю* > *я* > *ай*); 4. *-мӧс* 'источник, родник'; в настоящее время непродуктивный формант в гидронимизации во всех пермских языках.

Самым поздним верхним (адстратным) из выделенных пластов является русский. Соответствующие гидронимы имеют русское оформление, т.е. семантически прозрачные имена, легко интерпретируемые из лексических данных современного русского языка. Среди собственно русских зафиксированы наименования, образованные способами аффиксации (*-к* и его варианты; *-ск*, представленными морфами *-овск*, *-евск*, *-инск*; *-иц(а)*, *-их(а)*, *-ин(о)*); лексико-семантическим способом (*Черная*, *Быстрая*, *Дальняя* и т. д.). Словообразовательные модели русских гидронимов разнообразны, но, несомненно, преобладающим способом образования является аффиксальный. Русская по происхождению гидронимия в основном преобладает в нижнем течении Язвы. Такая локализация географических названий напрямую связана с направлением освоения территории исследуемого бассейна. Предположительно массовая русская колонизация этого края началась в XVI в. Этот период характеризуется севернорусским влиянием. В последующие века, ориентировочно до середины XIX в., русская колонизация этого региона интенсивно продолжалась, лишь к концу XIX в. наблюдается спад активности освоения.

Естественно, что территория исследования для конкретных выводов этногенетического содержания масштабно незначительна. Для выполнения подобных задач необходимы дополнительные полевые топонимические материалы со всего Прикамья, Кировской области и др. смежных территорий.

Список условных сокращений

в названиях объектов

бас.	бассейн (реки)	поч.	починок
г.	гора	пр.	приток
д.	деревня	Р.	река
обл.	область	руч.	ручей
пос.	поселок		

в названиях языков и диалектов

алт.	алтайский
бур.	бурятский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
вод.	водский
волжско-фин.	волжско-финские
кар.	карельский
коми-з.	коми-зырянский
коми-яз.	коми-язьвинское
к.-п.	коми-пермяцкий
лет.	летский говор лузско-летского диалекта коми языка
лив.	ливский
ливв.	ливвиковский (карельский)
литов.	литовский
лтш.	латышский
люд.	людиковский (карельский)
манс.	мансийский
маньч.	маньчжурский
мар.	марийский
мокш.	мокша-модовский
монг.	монгольский
морд.	мордовский
нан.	нанайский (гольдский)
нег.	негидальский
ненец.	ненецкий
перм.	пермские
пр.-фин.	прибалтийско-финские языки
рус.	русский
саам.	саамский
татар.	татарский
тюрк.	тюркские

удм.	удмуртский
узб.	узбекский
фин.	финский
фин.-угор.	финно-угорский
хант.	хантыйский
чуваш.	чувашский
эвен.	эвенский
эст.	эстонский
юз.	югозападные диалекты удмуртского языка
южн.	южный диалект удмуртского диалекта
якут.	якутский

Литература

- АТАМАНОВ, М. Г. (1982) *Из истории расселения вориудно-родовых групп удмуртов. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск. 81–127.*
- АТАМАНОВ, М. Г. (1984) *Архаическая лексика в удмуртской топонимии. // Советское финно-угроведение 20: 178–183.*
- АТАМАНОВ, М. Г. (1989) *Исторические пласты в топонимии Удмуртии. // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск. 19–32.*
- АТАМАНОВ, М. Г. (1990) *Самодийские элементы в топонимии. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Москва. 20–22.*
- БЕЛАВИН, А. М. (2007) *Этнокультурная ситуация в пермском Предуралье периода средневековья и нового времени. // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар. 8–12.*
- ВЕРНЕР, Г. Л. (1978) *Гидронимы тым, сым в междуречье Оби и Енисея // Языки и топонимия. Томск. 153–156.*
- ВОРОБЬЁВА, И. А. (1973) *Язык земли: о местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск.*
- ВОРОНЦОВА, О. П.–ГАЛКИН, И. С. (2002) *Топонимика республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината.*
- ГНВП = КРИВОШЕКОВА-ГАНТМАН, А. С. *Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь, 1983.*
- ГНСО = МАТВЕЕВ, А. К. *Географические названия Свердловской области. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.*
- ГНУ = МАТВЕЕВ, А. К. *Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.*

- ГОЛДИНА, Р. Д. (2007) *Основные этапы древней и средневековой истории пермян Камско-Вятского междуречья*. // *Пермские финны: археологические культуры и этносы*. Сыктывкар. 13–27.
- ДМИТРИЕВА, Л. В. (1984) *Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках*. // *Алтайские этимологии*. Ленинград. 130–177.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1868) *К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян*. // *Журнал Министерства Народного Просвещения* 139: 55–61.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1874) *Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей*. Санкт-Петербург.
- КАЗАКОВ, Е. П. (2007) *Об этнокультурной ситуации в Урало-Поволжье эпохи средневековья*. // *Пермские финны: археологические культуры и этносы*. Сыктывкар. 140–144.
- КЕРТ, Г. М. (1986) *Словарь саамско-русский и русско-саамский*. Пособ. для уч-ся нач. школ. Ленинград.
- КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН, А. С. (1971) *Об одной топонимической задаче*. // *Ономастика Поволжья* 2: 224–233.
- КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН, А. С. (2006) *Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа*. // КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН, А. С. *Собрание сочинений в 2 томах*. Т. 2. Ономастика. Пермь.
- КРЫЛАСОВА, Н. Б. (2007) *Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья*. // *Пермские финны: археологические культуры и этносы*. Сыктывкар. 166–172.
- КУКЛИН, А. Н. (1998) *Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)*. Йошкар-Ола.
- КЭСК = ЛЫТКИН, В. И.—ГУЛЯЕВ, Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва, 1970.
- МАЙДАНОВА, Л. М.—МАКАРОВА, С. В. (1965) *Гидронимический ареал им, ым в Северном Приуралье*. // *Вопросы топонимистики* 2: 3–6.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1961) *Древнеуральская топонимика и ее происхождение*. // *Вопросы археологии Урала* 1: 133–141.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1976) *Неройки караулят Урал. Путешествие в топонимию*. Свердловск.
- МЕЛЬХЕЕВА, М.Н. (1985) *Географические названия Приенисейской Сибири*. Иркутск.
- ММ = МАМОНТОВА, Н. Н.—МУЛЛОНЕН, И. И. *Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии*. Петрозаводск, 1991.
- НРС = *Ненецко-русский словарь*. Москва, 1965.

- КАСТРЕН, М. (1845) *Путевые письма Кастрена из Северной России*. // *Современник* 39/7–9: 36–74.
- КАСТРЕН, М. (1860) *Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849)*. // *Магазин земледования и путешествий: Географический сб.* Н. Фролова. Т. 6: *Собрание старых и новых путешествий*. Ч. 2. Москва.
- РЭС = *Русско-эзьянский словарь*. Москва, 1948.
- СВЯ = ЗАЙЦЕВА, М. И.—МУЛЛОНЕН, М. И. *Словарь вепсского языка*. Ленинград, 1972.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б. А. (1966) *К проблеме этнической принадлежности древнего населения Вычегды*. // *Вопросы финно-угорского языкознания* 3: 24–28.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б. А. (1968) *К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на -ым/-им*. // *Nyelvtudományi Közlemények* 70: 127–128.
- ТЕПЛЯШИНА, Т. И. (1969) *Еще раз о топоформанте -ым, -им*. // *Ономастика*. Москва.
- ТУРКИН, А. И. (1988) *Коми гидронимические термины и их участие в топонимообразовании*. // *Советское финно-угроведение* 24/3: 27–39.
- CASTRÉN, M. A. (1862) *Nordische Reisen und Forschungen*. 5: *Kleinere Schriften*. St. Peterburg. Theil 1; 7: *Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud*. 86–106.

Шандор Матичак (Дебрецен, Венгрия)

Названия поселений гидронимического происхождения в Мордовии

1. О связи между гидронимами и названиями поселений в общем

Связь между гидронимами и названиями поселений — один из важнейших вопросов исследований географических названий. По определению ЛАЙОША КИШША: «Озера и реки, колодцы, источники, родники просто притягивают поселенцев. Они дают питьевую воду и воду для скота, а их берега становятся рабочим местом, где стирают, вымачивают коноплю, ловят рыбу, чинят сети и т. д. Множество поселений получило названия от тех водоемов, на берегах которых они расположены» (1996: 448).

В связи между названиями поселений и гидронимами можно представить два пути развития: или из гидронима развивается название поселения, или же название поселения служит отправной точкой для гидронима (среди этих двух путей более древний, более частый путь развития первый). Во всяком случае, гидроним можно считать первичным, если гидроним и название поселения по форме полностью совпадают, или же если в названии поселения можно найти элемент гидронима (напр. мд. *лей/ляй* 'река'). На основе семантики вероятна первичность гидронима, если слово, служащее основой названия поселения, обозначает водное растение, водное животное, особенность, связанную с водой; но это не может быть механическим принципом, так как на основе часто встречающихся на данной территории растений название поселения может развиваться независимо от гидронима (БЕНКЁ 1947).

Из семантического анализа названий поселений гидронимического происхождения выясняется, что наиболее часты названия, уходящие корнями к существительным, обозначающим названия растений и животных. Гидронимы, происходящие от личных имен, гораздо более редки, чем гидронимы, образованные от аппеллятивов.

Гидронимы могут стать названием не только поселений, но реже и названием местностей, провинций и даже стран: *Арагония* (Испания), *Вендея* (Франция), *Арканзас*, *Алабама*, *Йова*, *Иллинойс*, *Миннесота*, *Небраска*, *Огайо*, *Орегон*, *Тенесси*, *Висконсин* (США); *Босния*, *Каме-*

рун, Молдова, Парагвай, Сенегал. Иногда гидроним может стать названием острова (*Сахалин*) и горы (*Рила*, Болгария).

2. Исследование истории возникновения названий поселений, образованных от гидронимов

В ходе поверхностного рассмотрения мордовских гидронимов и названий поселений мы встретились с такими парами названий, происхождение которых кажется вероятным из общего этимона. Однако в их значительной части не прослеживается органическая связь между названием поселения и гидронимом: село строилось не на том месте, где протекает носящий похожее название ручей и т. д. То, что все же мы встречаем такие пары названий, указывает всего лишь на схожесть мотивов названия. Очень много водных источников и поселений может получить название — независимо друг от друга — от растений, растущих на берегу водного источника или на границе поселения, напр. *Березовая* (гидроним) ~ *Березово* (ойконим, Теньг.) < *береза*; *Елховка* ~ *Елховка* (Лямб.), *Ольховка* (Дуб.) < *ольха* (*елха*); *Клюквенное* ~ *Клюквенный* (Ельн.) < *Клюква*; *Лепьевка* ~ *Новое Лепьево* (Ков.) < мд. *лепе* 'ольха'; *Осинка* ~ *Большие* и *Малые Осинки* (Ичал.) < *осина*; *Пичинейка* ~ *Пиченейка* (Атяш.) < мд. *пиче* 'сосна'; *Сосновый* ~ *Сосновое* (Ард.) < *сосна*.

Таким же образом независимо друг от друга могут возникнуть такие названия местностей, которые указывают на расположение или размер данного объекта, напр. *Лесной* гидр. ~ *Лесной* (ойк. ЗП.) < *лесной*; *Потьма* ~ *Потьма* (Ков., ЗП.) < мд. *потмо* 'внутренность; глубинка; далекое место в лесу'; *Круглай* ~ *Круглый* (ЗП.) < *круглый*; или на хозяйственную деятельность в его окрестностях: *Винокурский овраг* ~ *Винокуровский* (Инс.) < *винокурение*; *Завод латко* ~ *Завод* (Теньг.) < *завод*, мд. *латко* 'овраг, ручей'. Во всяком случае не следует искать зависимость между названиями поселений, ведущих происхождение от личных имен, напр. *Василей лаимо* (гидр.) < мд. *лаимо* 'овраг' ~ *Василевка* (ойк., Ичал.); *Матвей лейбра* < мд. *лейбра* 'родник' ~ *Матвеево* (Темн.), *Матвеевка* (Крсл.); *Попов ключ* ~ *Попов* (Торб.), *Поповка* (Руз.). В своих дальнейших исследованиях я исключил эти данные, и обратил внимание только на те пары имен, которые имеют доказуемую связь между гидронимом и названием поселения (то есть речь идет о ручье, реке поселения).

Среди мордовских данных — с одной стороны, используя словарь И. К. ИНЖЕВАТОВА (1987) и официальные регистры названий населенных пунктов республики, с другой стороны материалы Д. В. ЦЫГАНКИНА (1993) и Н. В. КАЗАЕВОЙ (2001) — я нашел 137 таких пар данных,

в которых можно обнаружить развитие гидроним > ойконим. На основании официальных списков в современной Республике Мордовия можно найти 1450 названий населенных пунктов. В части этих названий можно обоснованно обнаружить ойконимы гидронимического происхождения. Наряду с ними есть и «скрытая» группа гидронимов: это названия тех поселений, в которых можно найти географический термин мд. *лей/ляй* 'река', или названия, которые образовались от существительных, указывающих на особенности водных животных, растений, воды (их также можно причислить сюда, независимо от того, что находящиеся в моем распоряжении источники не упоминают о текущем возле поселения ручье), напр. *Ковыляй, Макалейка, Марляй, Пянгелей, Самозлейка, Трусляй, Ципизляй, Шуварлей; Холодные ключи, Новый Студенец, Новые Ржавцы; Озерки, Озерный*. Принимая это во внимание, можно считать, что только 10% названий населенных пунктов, находящихся на территории Мордовской Республики, имеет гидронимическое происхождение.

На основе истории происхождения этих названий их можно разделить на следующие группы (о группировке см. HOFFMANN 1993: 68–119; MATICSÁK 2002; TÓTH V. 2001: 165–217):

2.1. Из гидронимов часто **метонимическим** путем возникают названия поселений. К этой группе можно причислить большую часть, более двух третей названий мордовских поселений гидронимического происхождения. В процессе дачи названия такого значения название поселения и гидроним обычно совпадают, поскольку новый топоним образуется без изменения морфологической структуры: *Аксел* (Темн.), *Акшенас* (Руз.), *Альза* (Чам.), *Арга* (Атюр.), *Атьма* (Ром.), *Варжеляй* (Торб.), *Вармазейка* (Б-Игн.), *Ветляй* (Ельн.), *Вечерлей* (Атяш.), *Виндрей* (Торб.), *Выша* (ЗП.) *Гремячий* (Инс.), *Елга* (Сар.), *Иклей* (Ичал.), *Имерка* (ЗП.), *Инелей* (Б-Игн.), *Инсар* (Инс.), *Ирсеть* (Ст-Шай.), *Каймар* (Крсл.), *Каменка* (Атяш., Чам.), *Камышлейка* (Руз.), *Канаклейка* (Ард.), *Карнай* (Кочк.), *Картлей* (Инс.), *Кивчей* (Ст-Шай.), *Кимляй* (Ков.), *Кирляй* (Ков.), *Кулдым* (Ст-Шай.), *Ластьма* (ЗП.), *Лосьма* (Ков.), *Левжа* (Руз.), *Леплейка* (Инс.), *Луньга* (Ард.), *Навлей* (Инс.), *Новоклейка* (Ард.), *Неляй* (Ельн.), *Ожга* (Ст-Шай.), *Пайгарма* (Руз.), *Палаевка* (Руз.), *Паньжа* (Ков.), *Парца* (ЗП.), *Пензятка* (Лямб.), *Пучкорня* (ЗП.), *Пушта* (Темн.), *Салазгорь* (Торб.), *Сарга* (Ст-Шай.), *Сенгилейка* (Инс.), *Сивинь* (Крсл.), *Тумалейка* (Ельн.), *Турлейка* (Чам.), *Ускляй* (Руз.), *Ушлейка* (Инс.), *Чапамо* (Б-Игн.), *Чашельма* (Ков.), *Черляй* (Ельн.), *Шадым* (Ков.), *Шокша* (Теньг.), *Шелубей* (Теньг.), *Юзга* (Темн.), *Явас* (ЗП.), *Явлейка* (Дуб.) и т. д. Среди послуживших названием гидронимов встречается только один водоем со стоячей водой (*Шелубей*), остальные — названия рек или ручьев.

К этой категории относятся названия и тех поселений, которые в наши дни образуют определительные конструкции, но в оригинале и они возникли путем метонимического переноса названия: *Авгура* (гидр.) ~ *Новая* и *Старая Авгура* (ойк., Крсл.), *Азяс* ~ *Большой* и *Малый Азяс* (Ков.), *Аксел* ~ *Большой* и *Малый Аксел* (Темн.), *Варма* ~ *Большая* и *Малая Варма* (Ельн.), *Виндрей* ~ *Большой* и *Малый Виндрей* (Торб.), *Кивчей* ~ *Верхний Кивчей* (Ст-Шай.), *Лашма* ~ *Вольная* и *Русская Лашма* (Ков.), *Лундан* ~ *Красный Лундан* (ЗП.), *Паевка* ~ *Русская Паевка* (Инс.), *Рудня* ~ *Красная Рудня* (Ст-Шай.), *Сатис* ~ *Нижний Сатис* (Темн.), *Свербейка* ~ *Русская Свербейка* (Лямб.), *Умыс* ~ *Дворянский Умыс* и *Малый Умыс* (Коч.), *Уркат* ~ *Большой* и *Малый Уркат* (Ельн.), *Шебдас* ~ *Русский* и *Татарский Шебдас* (Руз.), *Шуструй* ~ *Большой* и *Малый Шуструй* (Атюр.) и т. д.

2.2. В названиях русского происхождения, или обрусевших (те есть вошедших в русскую ойконимическую систему, снабженных русскими суффиксами) сравнительно часта и **морфематическая суффиксация**. К первой подгруппе этой категории я причислил те именные пары, в которых гидроним встречается без суффикса (или же в мужском роде), а в названиях поселений появляется какой-либо суффикс: *Атьма* (гидр.) ~ *Атьминский* (ойк., Ром.), *Гремучий* ~ *Гремячево* (Атюр.), *Инелей* ~ *Инелейка* (Б-Игн.), *Левжа* ~ *Левжинка* (Руз.), *Удев* ~ *Удево* (ЗП.), *Ужалей* ~ *Ужалейка* (Чам.) и т. д. Сюда же отнес названия поселений, стоящих во множественном числе: *Авгура* ~ *Авгуры* (Ст-Шай.), *Новые Авгуры* (Инс.), *Парца* ~ *Парцы* (Инс.) и т. д.

Во вторую подгруппу входят те именные пары, где гидроним стоит с суффиком, но образованное от него название поселения потеряло суффикс (причину этого, вероятно, надо искать в соответствии именного вида грамматическому роду: название реки женского рода, из-за *река* и *вода*, но поселение стоит в форме мужского рода, из-за соответствия с детерминантом *поселок*): *Конопатка* (гидр.) ~ *Конопать* (ойк., Ст-Шай.), *Лямбирька* ~ *Лямбирь* (Лямб.), *Нерлейка* ~ *Нерлей* (Б-Бер.), *Пиксаурка* ~ *Пиксаур* (Лямб.) и т. д.

Третью подгруппу составляют те именные пары, оба члена которых имеют какой-либо суффикс (или знак, ведь сюда я причислил также и формы во множественном числе). Гидроним стоит в форме женского рода, в то время как название поселения имеет форму среднего рода или множественного числа (причину этого следует искать также в необходимости соответствия): *Жегаловка* (гидр.) ~ *Жегалово* (ойк., Темн.), *Лавовка* ~ *Лавово* (Темн.), *Суховка* ~ *Сухово* (Темн.), *Чеберчинка* ~ *Чеберчино* (Дуб.); *Барахманка* ~ *Барахманы* (Б-Игн.), *Кочкушка* ~

Кочкуши (Чам.), *Ломатка* ~ *Ломаты* (Дуб.), *Наченалка* ~ *Наченалы* (Чам.) и т. д.

2.3. Среди структурных изменений в исследуемом материале мне удалось обнаружить две подгруппы: эллиптическую структуру (в которой исчезает географический термин) и дополнение (в оригинале название, состоящее из одной части, дополнилось географическим термином). Эти изменения могут быть истолкованы только на диахроническом уровне, поэтому сюда можно причислять имена только со знанием историко-лингвистических данных (к сожалению, на территории Среднего Поволжья данные до XVI–XVII веков имеются в нашем распоряжении в исключительно ограниченном количестве).

В ходе эллипсиса элемент гидронима *лей/ляй* 'река' исчезает, тем самым название поселения становится однокомпонентным (одночленным), и вместе с тем приобретает какой-либо суффикс: *Атяшлейка* (гидр.) ~ *Атяшево* (ойк., Атяш.), *Важнялей* ~ *Важня* (Ард.), *Колополяй* ~ *Колопино* (Крсл.) и т. д. Вероятно сюда следует также причислить и искаженные формы: *Сиялей* ~ *Лесные Сиялы* (Темн.), *Тумалей* ~ *Тумола* (Инс.).

В ходе дополнения в названиях поселений, образованных двухчленными русскими определительными конструкциями, первый элемент, имеющий гидронимическое происхождение, выступает в роли определения, а второй элемент становится каким-либо географическим термином: *Вад* (гидр.) ~ *Вадовские Селищи* (ойк., ЗП.), *Кирияй* ~ *Кирик-леевский Майдан* (Инс.), *Луньга* ~ *Луньгинский Майдан* (Ард.), *Лухма* ~ *Лухменский Майдан* (Инс.), *Потиж* ~ *Потижская Слобода* (Инс.), *Рябка* ~ *Рябкинский завод* (Крсл.), *Сиялей* ~ *Сиалеевская Пятина* (Инс.), *Унуй* ~ *Унуевский Майдан* (Ков.) и т. д.

*

Суммируя вышеизложенное можно сказать, что количественное исследование категорий исторического происхождения мордовских данных показывает картину, похожую с данными венгерского языка: большинство гидронимов становятся названиями поселений метонимическим путем, гораздо меньше названий образуется морфематическим путем, а также путем эллипсиса и дополнения.

Сокращения

Ард. Ардатовский район
Атюр. Атюрьевский район
Атяш. Атяшевский район

Кочк. Кочкуровский район
Крсл. Краснослободский район
Лямб. Лямбирский район

Б-Бер.	Большеберезниковский район	Ром.	Ромодановский район
Б-Игн.	Большеигнатовский район	Руз.	Рузаевский район
Дуб.	Дубенский район	Сар.	Саранск
Ельн.	Ельниковский район	Ст-Шай.	Старошайговский район
ЗП.	Зубово-Полянский район	Торб.	Торбеевский район
Инс.	Инсарский район	Темн.	Темниковский район
Ичал.	Ичалковский район	Теньг.	Теньгушевский район
Ков.	Ковылкинский район	Чам.	Чамзинский район

Литература

- ИНЖЕВАТОВ, И. К. (1987) *Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов*. 2. изд. Саранск.
- КАЗАЕВА, Н. В. (2001) *Эрзянские географические названия — лексико-семантическая характеристика*. Саранск.
- ЦЫГАНКИН, Д. В. (1993) *Память земли*. Саранск.
- BENKŐ LORÁND (1947) *Víz- és helységneveink viszonyához. // Magyar Nyelv* 43: 259–263.
- HOFFMANN ISTVÁN (1993) *Helynevek nyelvi elemzése*. Debrecen.
- KISS LAJOS (1996) *A Kárpát-medence régi helynevei. // Magyar Nyelvőr* 120: 440–450.
- MATICSÁK SÁNDOR (2002) *A mordvinföldi víznevek keletkezéstörténeti kérdései. // Folia Uralica Debreceniensia* 9: 107–122. Debrecen.
- TÓTH VALÉRIA (2001) *Névrendszertani vizsgálatok a korai ómagyar korban*. Debrecen.

Erzsébet Györffy (Debrecen, Hungary)

River names in Hungary during the Árpád age

1. About Hungarian hydronymastics

River names is a field constantly present in the history of Hungarian onomastics. A reason for this could be, quoting LAJOS KISS, that the names of international rivers are the most archaic layer of toponyms. Furthermore, this name type seems to be the most resistant to changes, being the least affected by cultural-political-ideological influences. The joint consequence of the two factors is that Hungarian hydronyms document the history of language changes, since by studying them we can follow the phonological and morphological alternations after the 10th century, the period that can be studied thoroughly through the hydronym and toponym corpus of medieval documents. Besides the historical value of the major water-course names, the smaller names of Hungarian origin present a less researched area in dialectology and historical dialectology, although the words forming a part of a hydronym that can be easily localized could present a good basis for territorial studies (cf. KÁLMÁN 1967: 348, BENKŐ 1982: 179).

While the thoughts presented above emphasise the role of hydronymastics in historical linguistics and historical dialectology, FERENC BÍRÓ regards this type of toponym as an important part of “self-principled” linguistics because of its impact on the whole of the onomastic system: “namely, the names of rivers, lakes and other places which are of extreme importance to the life of the population in naming other objects, whether independently or as a distinctive element” (1999: 36).

It can be stated about hydronymastics that, contrary to the wide range of possibilities for its use (presented here), it is not as systematic and organised as settlement names. However, compared to other types of toponyms, hydronymastics is still the among study fields analysed the most frequently and from the most aspects.

1.1. One of the earliest and most dominant directions in Hungarian hydronymastics is etymological analysis – which is understandable, given that it is the basis of any kind of onomatosystematical-typological study. However, in the case of etymological hydronymastics we can see a unique disproportionality: in the centre of attention of Hungarian onomasticians there were primarily borrowings and secondarily semantically opaque hydronyms of inner genesis.

In the field of name explanation methodology, JÁNOS MELICH’s activity was of the utmost importance, and his methods and principles used in toponomas-

tics are regarded as the authority by modern onomastics as well. Namely, “MELICH’s work is known for very detailed historical data-recording: he tended to list all the words originating from the same root, localized them accurately, and by deriving them orthographically, phonologically and morphologically, he showed the history of derivation and development of the given name” (HOFFMANN 2003a: 16). This is how precisely he analysed the origin of the hydronym *Turmas* (1957), for example, or the origination possibilities of *Aqua Turna* from the 1113th document from Zobor (1963).

MELICH’s detailed, microphilologically precise research method can be traced in the late work of LORÁND BENKŐ, who analysed and used numerous hydronyms from Anonymous studies important not only for the history of onomastics, but also for the history of language (cf. relevant studies from BENKŐ 1998, 2003).

In the 1940’s, several researchers turned their attention to the territories detached from Hungary by the Paris Peace Treaty of 1920, consequently, to Transylvania and especially to Székely Land. Two factors played a role in choosing these areas for research: on the one hand, the abundancy in water of these former Hungarian territories; and on the other, the national feeling strengthened after the peace treaty, which might have influenced the choice of researched territory. ISTÁN KNIEZSA’s (1942, 1948a, 1948b) and LORÁND BENKŐ’s discussion series (1947a, 1948) from this period have, beyond their description of hydronyms, served as a methodological legacy for future generations of onomasticians. During the polemics between the two authors, BENKŐ filtered the name corpus considered to be of Slavic origin by KNIEZSA (1948). Their comments on the etymology of certain hydronyms and their methodological notes concern the very basics of Hungarian toponomastics: when mapping the genesis of a name, it is important to find out when in which language the given name gained its proper name status, which of course does not influence its value and function in the Hungarian system of toponyms.

LAJOS KISS followed the same direction later on. Firstly, he continued to work on the Hungarian-inhabited territories abroad: he analysed the name corpus of Transylvania (1999: 149–159) and Upper Northern Hungary (1999: 73–93). Secondly, concentrating on borrowed words primarily, he separated layers according to chronology and genesis. He therefore talks about ancient Indo-European hydronyms dated back to the Ancient period (e.g. *Garam*, *Kiszuca*, *Morva*), and in the group of hydronyms documented in the Middle Ages; he discusses Pre-Slavic (e.g. *Árva*, *Bódva*, *Nyitra*, *Vág*), Slavic (e.g. *Bebre*, *Kompa*, *Rima*, *Szalatna*, *Zsitva*), a few Hungarian names (e.g. *Balog*, *Bodrog*, *Búr-patak*, *Sajó*, *Szekcső*) and he also mentions hydronyms of German origin or with German mediation (e.g. *Gölnic*, *Korpona*, *Selmec*). Fur-

thermore, he wrote studies about hydronyms with no or with uncertain origin (e.g. *Ipoly*, *Laborc*, *Latorca*).

Probably inspired by LAJOS KISS's work, RITA PÓCZOS conducted similar research. She presents the linguistic layers of the hydronym systems of Sajó (2003) and Garam and Ipoly (2004), especially emphasizing the differences between certain layers of genesis.

In the literature about hydronyms, besides studies based on territorial divisions (comitat or region, i.e. according to drainage areas), there is a large number of works discussing the etymology of certain hydronyms. This aspect was especially strong in the mid 20th century, a non-exhaustive list of certain examples: ATTILA SZABÓ T. discussed the name of *Székaszó-patak* in more detail (1939), DÉNES SZABÓ devoted an independent study to the controversial *Koppány* hydronym (1944), ELEMÉR MOÓR to *Küküllő* (1947), SÁNDOR MIKESY made a few notes on *Gyöngyös* (1947), etc. Among studies from the later period, LAJOS KISS's etymological work emerges again: the even today the uncertain genesis of *Hortobágy* (1999: 160–167) and *Hernád* (1999: 172–173) are discussed in independent studies, and his monumental FNEsz. also contains hydronym etymologies.

1.2. Besides etymological studies, many researchers chose the typological analysis of hydronyms as their topic. We mention here LEVENTE TIBÁD „Hydronyms of the area along Nyikó” (1979) or ÁRPÁD KÁLNÁSI's study analysing the hydronyms of Tisza-Túr (1988).

In her study of Old Hungarian toponyms, VALÉRIA TÓTH applied a multilevel analysis model. As her dissertation topic, she chose an onomatosystematical investigation of the full toponym corpus of Abaúj and Bars comitat, in which she processed hydronyms as well (2001). In another study she researched the onomastic system of Zala drainage area, showing its functional-semantic and lexical-morphological structure (2003).

I myself used HOFFMANN's typology in researching the functional-semantic structure of Árpád age river names (GYÖRFFY 2002, GYÖRFFY–RESZEGI 2003), as well as in presenting the lexical-morphological structure of Árpád age river names of inner genesis, found in the Sajó drainage area (GYÖRFFY 2004).

1.3. The question of geographical appellatives is a special research field of general hydronomastics. Hydrographic common names were most frequently investigated as a separate group of words, but much geography of names research has been conducted in this context, too.

Among works unifying semantic aspects and aspects of geography of the word, OTTÓ VÖRÖS's monograph probably got the farthest (1999). In the

study investigating more than a hundred Western Hungarian hydrographic common names, he shows their role as toponyms.

Researchers have gradually turned their attention to one or more hydrographic common names with vague meanings, consequently, independent studies were born about the following names: *aszó* (PAIS 1912, NYÍRI 1978, 1979), *fok* (REUTER 1970, ANDRÁSFALVY 1970, FEKETE 1997), *kégy* and *kengyel* (REUTER 1971), *patak* (HOFFMANN 2003b) and *séd* (BALÁZS 1981, PESTI 1987).

In his work “Helynévkutatás és szóföldrajz” [Toponomastics and geography of word] (1967), BÉLA KÁLMÁN projected eighteen hydrographic common names on map pages. The map presenting data from Zala county shows that certain words meaning ‘patak’ [stream] “are not placed in capricious fuzziness, but in a certain system” (KÁLMÁN 1967: 349).

VALÉRIA TÓTH conducted a geography of word research on an early Hungarian toponym corpus, involving nine comitats (1997). In her study she separately investigates hydrographic common words meaning ‘stream’ (*aszó, ér, jó, patak, sár*), so we can read about the territorial distribution of these Early Old Hungarian lexemes.

2. Onomatosystematical analysis of the Early Old Hungarian river names

In what follows I will present the oldest documented layer of Hungarian hydronyms, the onomastic treasure of the Árpád era. The Árpád age is the period in Hungarian history from the Hungarian Conquest until 1301 (the last year in which a king from the house of Árpád reigned). However, for language historians, this period extends until 1350 and is referred to as the Early Old Hungarian period.

In compiling the early Hungarian name corpus I have used the hydronyms found in the first volume of the “Korai magyar helynévszótár” [Early Hungarian toponym dictionary; KMHsz.] and in the II–IV volumes of GYÖRGY GYÖRFFY’s “Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza” [The historical geography of Árpád age Hungary]. The corpus developed in this way contains 1,253 early Hungarian hydronyms.

In my investigation I have used the toponymic analysis model devised by ISTVÁN HOFFMAN, who primarily relied on and further developed research conducted by the Czech RUDOLF ŠRAMEK and the Finn KERO KIVINIEMI (1993). The main characteristics of this typology—as I have referred to already—is that it analyses toponyms in several layers: it approaches names from both a structural and historical point of view. Besides investigating

names from a functional-semantic and lexical-morphological aspect, the genesis and change of names receives attention as well. A simultaneous synchronic and diachronic analysis allows us to discover systematic tendencies and regularities concerning toponyms. At the same time, it is important to look at the two aspects individually, because this is what shows the connection between the two systems.

3. Structural analysis

Structural analysis on the one hand considers the model types that can be used as the basis for name giving and which appear in certain names; on the other hand, structural analysis presents the lexical, morphological and grammatical means applied in designing the functional-semantic classes used in name giving. The key term of structural analysis is the name constituent: this is the segment of the name which expresses certain semantic contents referring to the referent of the name.¹

The functional-semantic categories present in toponyms can be classified into three big groups: the name constituent can denote the type of the place (henceforth: F function), it can express a characteristic of the place (S function), and it can also denote the place itself (M function)². In Old Hungarian hydronyms these three name constituent functions appear in F, S, M; S+F, S+M; M+F structures. These structural types have the following distribution in the Old Hungarian hydronyms I investigated: 4% of the name corpus is of F structure, 20,5% of M function and almost an equal number (19,5%) has S function structure. To sum up, these single-function names make up almost a half of the corpus (44%). Among two-functional names, the proportion of S+F structure type is the highest (23,5%), M+F structure has 12% of the name in the corpus and 7% has S+M structure. Besides these names we can also find those which cannot be categorized: almost every tenth name (9,5%) is like this and certain names could originate from several different sources.

3.1. The naming of the type of water in all cases happens by a hydrographic common word. Almost half of the Old Hungarian corpus contains hydro-

¹ In my study, I am using terms devised by ISTVÁN HOFFMANN in his toponymic analysis model, therefore, for detailed explanations of given terms cf. HOFFMANN 1993. Symbols F, S, M used below correspond to the Hungarian equivalents of name part functions.

² Besides name constituents expressing different characteristics of the denoted place, there are also name constituents which solely express the fact that it is the name of the place. The toponym *Duna* 'Danube' in Hungarian does not have any descriptive meaning, and *Fekete-Körös* 'Black Körös' can also be interpreted only as 'the river named *Körös*, whose water is black'. We refer to the role of name constituents like this as the descriptive function.

graphic common names. These names can have a single-function, which is obviously F function, or can be of the S+F or M+F type.

There are hardly any hydronyms in the Old Hungarian corpus which have only one name constituent, i.e. a single geographical common name: e.g. *Ér* 'brooklet', *Patak* 'brook', *Sár* 'mud' and *Víz* 'water'. We have to stress, however, that it is sometimes difficult to decide whether the given name in the document is used as a common or as a proper name. Namely, in order to decide this, we would have to reconstruct relations in language use from over more than a hundred years ago, which sometimes proves to be an impossible task due to lack of information.³

The most common structural type among hydronyms is when the first component referring to a certain characteristic is connected to a second component expressed by a hydrographic common name: *Agyag-patak* 'clay brook', *Hideg-séd* 'cold brook', *Nagy-patak* 'big brook', *Romlott-patak* 'rotten brook', *Sós-patak* 'salty brook'.

Two-part hydronyms of the M+F structure can be described by the following semantic content: 'the water which is named X'. The hydronym *Aranyos pataka* can therefore be interpreted as 'the stream which is named Aranyos'. Hydronyms like this can always be traced back to a one-part name (here *Aranyos*).

3.2. Name constituents expressing certain characteristics of the water can vary from semantic as well as lexical aspects. We differentiate these big categories within this one: the name constituent can refer to a characteristic of the water, to an external item or to a relation to another place. The reference to a characteristic is shown in S, S+F and S+M structures.

The most common name constituent function is the reference to the exact place of the water. Into this group, we can classify hydronyms that serve as point of reference and those that show the place of the water. Hydronyms *Bérc-patak* 'brook near a crag', *Megye-patak* 'brook of the shire' and *Telek pataka* 'brook between plots/near a plot' relate the position of the water to a nearby region or terrain. Hydronyms named after a settlement: *Bokor*, *Kubin*, *Pocsaj*, *Pocsim*, *Rudnok*, *Sipek*, *Sztregova*, *Tarján*,⁴ but also *Baski-patak*, *Gönc pataka*, *Gönyű pataka*, *Gyán pataka*, *Lécsény pataka*, *Ragály pataka*, *Tolvé-ér*, *Vezekény pataka*, *Zselizi-sár*, which have an S+F structure; and also

³ A detailed study of the wording of documents in Latin can provide us some help in the evaluation of problematic lexemes, cf. HOFFMANN 2004.

⁴ In his early works, discussing polysemous settlement names and hydronyms, LORÁND BENKŐ offers considerable help in determining the name-giving direction of problematic names (1947b, 1948).

Váradi-Körös, *Ragály Szuhája*, with S+M structure. In these names the first component, referring to the settlement is without a formant, however, the possession is sometimes expressed by an *-i* derivational suffix. The second component is present both in its basic form and with the formant referring to the third person singular.

In the name giving process of waters, the flora of the water frequently serves as a motivation: *Alma* ‘apple’, *Füzege* ‘willow’, *Nádas* ‘reed(y)’, *Nyárád* ‘birch’ and the first component of the following names is a tree name: *Berkenye pataka* ‘service-tree brook’, *Fenyő-sevnicse* ‘pine (acid-)water’, *Körtvély-ér* ‘pear brooklet’, *Somos-patak* ‘cornel brook’, *Tölgy-patak* ‘oak brook’.

Not so much in the case of larger waters, but quite frequently in the case of smaller streams, there is a reference to a person: *Apord*, *Bilna*, *Boca*, *Kara*, *Tápió*, *Tecső* and *Károly pataka*, *Zakariás pataka*. We have to note, however, that these names could also have been unrecorded settlement names and that the name of the water was generated from a personal name through a settlement name.

Besides the above three big groups, there are also those where the motivation is the size of the water and its fauna, or the fauna of the surrounding area. There is reference to the size of the water in one-part S function names *Keskeny* ‘narrow’ and *Mélyes* ‘deep’, as well as in the two-part S+F function *Kis-patak* ‘small brook’, *Mély-ér* ‘deep brooklet’, *Nagy-sár* ‘big mud’. Hydronyms *Disznód* ‘pig’, *Hódosd* ‘beaver’ and *Hattyas pataka* ‘swan brook’, *Pisztrángos-patak* ‘trout brook’, according to a functional-semantic aspect refer to the fauna found in the water and nearby.

There are also name constituents which refer to the state of the water or its periodic characteristic and they connect to the geographic common word or an already existing hydronym: *Aszú-patak* ‘searing brook’, *Száraz-patak* ‘dry brook’, *Romlott-patak* ‘rotten brook’, *Holt-Duna* ‘dead Duna’, *Meddő-Selmec* ‘dead Selmec’, *Száraz-Szesztric* ‘dry Szesztric’. Among groups present in smaller numbers, there are those which refer to the material found in the water. For example, the S+F structure hydronyms: *Köves-patak* ‘stony brook’, *Meszes-patak* ‘chalky brook’ and *Szék-patak* ‘soda brook’ and the S+M structure *Köves-Vicsoma* ‘stony Vicsoma’. In the hydronyms *Kürtös* ‘shaped like a horn’ and *Homorú-patak* ‘hollow brook’ there is reference to its meandering nature, while in *Fehér-patak* ‘white brook’, *Fekete-patak* ‘black brook’ and *Kék-Kálló* ‘blue Kálló’, *Fejér-Béla* ‘white Béla’ there are constituents referring to the colour of the water. The motivation for the hydronym *Sós-patak* ‘salty brook’ was its taste. *Bűzös* ‘stinky’ refers to its smell. In the two-part *Hideg-víz* ‘cold water’, *Hideg-patak* ‘cold brook’ and *Hideg-Tepla* ‘cold Tepla’ the motivation for name giving was the temperature of the water. In the one-part *Hangos* ‘loud’ and two-part *Zúgó-fok* ‘shooting brook’ one can dis-

cover a name constituent referring to the sound of the watercourse. *Sebes* ‘fast’ and *Csorgó-ér* ‘slowly running brooklet’, *Lassú-ág* ‘slow arm’ have constituents describing the pace of the water. Edifices found near the water rarely serve as a name giving motivation: e.g. *Bánya-patak* ‘mine brook’, *Malom vize* ‘water of the mill’ and *Kőhíd-Körös* ‘stonebridge Körös’. The relative position of the water, however, is only present in two-part hydronyms of the S+M structure: *Közép-Hanva* ‘middle Hanva’, *Közép-Sár* ‘middle Sár’. The same semantic content is expressed in *Közép-ér* ‘middle brooklet’, *Vég-ág* ‘end arm’ and *Vég-ér* ‘end brooklet’ S+F hydronyms.

3.3. As a name constituent there is always an actual, existing hydronym. Hydronyms containing an M function name constituent can be structurally diverse, among the studied names there are also one-part and two-part names, and the latter can be of M+F or S+M type, where the second component is a geographical common word or in which the first component defines a characteristic, respectively.

One-part names with a name constituent are quite common among hydronyms: this phenomenon can be explained by the fact that water names borrowed from other languages also belong to this category. The hydronyms *Béla*, *Blava*, *Kraszna*, *Olt*, *Szamos*, *Szuha*, *Tepla*, *Tisza*, *Tugár*, *Vág*, *Veperec*, *Verőce* as parts of the Hungarian toponymic system have only one function, to refer to the denonatum: they do not refer to any feature of the water, and they do not denote the type it belongs to, either. The original semantic content of these names (which can be described in the base language) is irrelevant from the point of view of Hungarian toponymy, although these motives obviously belong to the etymological investigation of given names: *Szuha*, for example, in Slavic languages means a stream drying out, but getting to Hungarian, this name (constituent) function is gone, and can be interpreted as purely denominating.

Names of inner origin also belong to this group. These river names were two-part toponyms, regarding their original structure. Later, the primary structure became obscure and they became indivisible one-part names and therefore functionally are to be discussed under this name constituent: *Berek-jó* ‘river of the grove’ > *Berettyó*, *Hév-jó* ‘warm river’ > *Hájó* and *Hejő*, *Mély-ér* ‘deep brooklet’ > *Millér*. The reason for de-etymologisation is probably the obscuring of one of the lexemes (e.g. *jó* ‘river’) which in return can be explained by its disappearance from the vocabulary.

The two-part M+F structure hydronyms’ first component is an already existing hydronym, which is complemented by a second component expressing the type of the place, consequently, the denotative meaning of these names coincides with the names denotative meaning of the first component: *Ida* denotes the same water as *Ida vize* (cf. also *Racka* > *Racka pataka*, *Sztinva* > *Sztinva-*

víz). Looking at this group a question arises: why was it necessary to complete the one-part hydronym with a second component of hydrographic common word. If we look at the Hungarian hydronymic system, it seems that all the Early Hungarian names of rivers, except the group of borrowed names, is a two-part name, where the second component is a hydrographic appellative. We can therefore conclude that the names mentioned here became two-part due to analogy, as the river names of Hungarian origin are prototypically two-part and with a hydrographic common word as the second component.

In the case of hydronyms of S+M structure the second component is primarily a hydronym, the first component referring to a characteristic usually denotes a side branch or a backwater. These hydronyms can also be divided into two subgroups according to a borrowed or inner genetic nature of the denominating component. The second component of *Fejér-Béla*, *Kőhíd-Körös*, *Köves-Vicsoma*, *Közép-Hanva*, *Túlsó-Borsova* and *Váradi-Körös* hydronyms is borrowed, while it is of internal origin in the following hydronyms: *Aszú-Szartos*, *Holt-Nyárád* and *Nagy-Sár*.

4. Analysis based on the historico-genesis

From a historico-genetic point of view, we examine hydronyms according to the language rules and powers that caused the language elements to infiltrate into the structure of names. Our investigation concerns already existing hydronyms, since the lexical-morphological change of form does not only affect the genesis of new names, but also the change of structure of the existing names.

ISTVÁN HOFFMANN, in his historico-genetic study of toponyms, takes into consideration the same word-formation models which can be applied in the investigation of common words as well: among the categories are names derived by syntagmatic editing, morphematic editing, names formed through semantic name-giving, names formed by structural change and name borrowings.

4.1. The largest group among hydronyms are the names derived by syntagmatic editing: these names were originally two-part, i.e. both components of the name convey some information about the denotate. However, the group can be further differentiated according to the relation between the two components into toponyms derived from subordinated or coordinated structures. In the Old Hungarian corpus we did not find any examples for coordinated compounds, but we have found many examples for subordinated compounds. Within this group, I discuss separately the names derived from their qualitative-, quantitative- and possessive-attributive structure.

4.1.1. In the group of qualitative-attributive structure we classify the hydronyms which have a syntactic relation between the name constituents: *Bükk-patak*, *Egres pataka*, *Fejér-Béla*, *Fekete-patak*, *Hideg-patak*, *Lassú-ág*, *Kis-Duna*, *Nagy-Balog*, *Nádas-patak*, *Sebes-patak*, *Száraz-ér*, *Vajas-ér*, *Zselizsár*, etc.

Within the group, we can differentiate between emphatic and determining attributives, as well as distinctive attributive compounds, according to the function of the first component. In the former compounds, the first component refers to a characteristic and the second component to a hydrographic common word: *Nádas-patak*, *Pisztrángos-patak*, *Fehér-patak*, *Hideg-patak*, *Mély-ér*, *Nagy-patak*. Contrary to this, the function of the first component of a hydronym with a determining attributive structure is to determine one of the objects having the same name: *Közép-Sár*, *Közép-Hanva*, *Túlsó-Borsova*. There are only a few examples of the latter category: they can be described with ‘the ⟨first component⟩ lies near the ⟨second component⟩’ semantic structure. For example, hydronyms *Kőhíd-Körös*, *Ragály Szuhája*, *Váradi-Körös* are like this.

4.1.2. Old Hungarian hydronyms do not really show any examples of quantitative-attributive structure, but we can mention the hydronym *Hármas-Körös* when discussing the category. Morphologically the name can be classified as one derived from a qualitative-attributive compound, although its meaning is more quantitative-attributive, since *Körös* names the area where the three branches of the river *Körös* flow into one.

4.1.3. Among hydronyms derived by syntagmatic editing, there is quite a large number of possessive-attributive structures. Naturally, there is a possibility of classifying the names belonging to this group according to markedness.

In this group, for example, we can find hydronyms, whose first name constituent refers to the settlement close to which the water is located: in hydronyms like *Bölgse-patak*, *Daróc-patak*, *Hilyó-patak*, *Hluboki-patak*, *Levas-patak*, *Szerencs-patak*, therefore, we see that the given watercourse springs from *Bölgse*, *Daróc*, *Hilyó*, etc. settlements, i.e. they have the meaning ‘the stream is of the settlement names in the first component’.

We have to be extremely careful when analysing hydronyms with possessive-attributive structure, because what is a possessive-attributive structure in form may not refer to an actual possessive relationship.

Among the first components we can find names of nations (*Cseh pataka*), personal names (*Csáka pataka*, *Károly pataka*, *Zakariás pataka*), names of professions (*Prépost pataka*). In the cases of these names we can talk about real possession, but it has to be interpreted in a unique way: the possessive re-

lation may refer to the fact that the water is running through the field in possession of the person named in the first component, but it can also mean that the water is named after the owner of the fishing rights—which was especially frequent in the case of lakes.

Among the hydronyms containing a second component in the form of a geographical common word with possessive inflection in biggest number, we find structures with a settlement name in the first component: *Egervár pataka*, *Balajt pataka*, *Bátor pataka*, *Bocsárd pataka*, *Gyula pataka*, *Inaktelke pataka*, *Petlend pataka*, *Szécsén pataka*, *Szentkirály pataka*, *Told pataka*, *Vaja pataka*, *Várad ere*, *Vezekény pataka*, etc. These names are semantically referring to the ‘watercourse found on the settlement expressed in the first component’, i.e. morphologically it is a possession, but semantically it is a certain kind of locative relation. *Telek pataka*, which flows between parcels of land, *Láz pataka*, which flows through a meadow, and *Megye pataka*, which refers to the fact that the watercourse served as a borderline, due to the stability of the river basin.

In the morphologically marked hydronyms *Egres pataka*, *Kökényes pataka*, *Sós pataka*, the use of the possessive inflection is formal, but it does not refer to possession, nor to local relation. These names show semantic structural similarities concerning their function and content to the unmarked *Egres-patak*, *Kökényes-patak*, i.e. they are basically categorised as qualitative-attributive structure.

In possessive attributive structures, we see examples for the expression of class-individual relation as well. In this case the first component is a borrowing which is combined with the hydrographic common word *pataka* indicating type: *Beberc pataka*, *Rednik pataka*.

4.2. Hydronyms formed by morphemic editing were generated by using a topo-formant.

During derivation by a topo-formant, “the toponymic, personal name status of a given sign is gained by joining a root morpheme or a sequence of morphemes to the topo-formant” (HOFFMANN 1993: 75). In the Old Hungarian names of rivers -*d*, a -*gy* and -*s* topo-formants were used.

Among early Old Hungarian toponyms, there are a large number of names created by the toponym -*s*. ÉVA B. LÖRINCZY (1962) and KATALIN D. BARTHA (1958) studied the formant’s functions and their distribution (cf. D. BARTHA 1958: 106–7, B. LÖRINCZY 1962: 85–95). The role of the -*s* topo-formant could have developed secondarily from its function to express supplies and form collective nouns (cf. TNYt. I, 255). In the investigated corpus this formant was most commonly added to plant name or animal name: *Almás*, *Egres*, *Fenyős*, *Füves*, *Gyepes*, *Gyöngyös*, *Gyümölcsényes*, *Hagymás*,

Halyagos, Kenderes, Nádas, Tormás, Zabos, Hódos, Ludas, Ménes, Rákos, Ölyves. The formant *-s* was also used in the following polysemous names represented by various basic words: *Aranyos, Búzös, Kürtös, Szartos, Telkes*.

The topo-formant function of *-d* and *-gy* suffixes has probably also developed from expression of a property (cf. HAJDÚ 1981). These names have explicitly developed from plant and animal names: *Egregy, Füzegy, Nyárád, Disznód*.

4.3. Semantic word formation uses the already existing element inventory of common names and proper names as toponyms in a way which does not cause any change in morphological structure.

4.3.1. As already seen above, there are hydronyms whose form coincides with a hydrographic common name: *Ér* ‘brooklet’, *Patak* ‘brook’, *Víz* ‘water’. In the case of these names, parallel to their common word value, a proper name value developed in certain name-user communities. We call this process semantic split. This name formation method shows that in forming new words, the influence of the system of the existing names is important, but to follow the name patterns does not exclude the possibility of proper names developing via a gradual re-evaluation of their common name precedents.

4.3.2. In the case of toponyms, transonymization is interpreted as a metonymic or metaphoric name-giving on the basis of conceptual feature contact. This formation type always creates a one-part toponym, whose functional-semantic characteristic can only be a description of a feature of the place.

Among Old Hungarian hydronyms, we only discovered examples of the metonymic subtype. This name formation type is based on the spatial, material or time relation between a place and another place or a person.

Among the names in this groups the most common is the type that can be described by the following metonymic formula: ‘settlement’ → ‘river flowing by the settlement’, e.g. *Bokoránd, Boltrágy, Cétény, Dengeleg, Hecse, Iszkornya, Isztebne, Kanizsa, Kara, Lászó, Pográny, Senye, Szalók, Szerencs, Szkacsán, Vitelnek, Záhorh, Zsúny*.

The functional-semantic analysis has already pointed to the fact that Hungarian hydronyms have frequently received their name from the flora nearby; this could also have happened metonymically, but the number of names formed this way is small: *Bor, Eger, Gyűrű, Nyár* (the common names having the same form are tree names).

Those hydronyms which were formed from personal names, without adding a formant, can be described by the ‘person/group’ → ‘hydronym’ formula: *Boca, Kara, Mile, Mirhó, Pacsa*.

4.4. The common feature of hydronyms developed by structural change is that the form of the toponyms changes, but the denotative meaning does not. The

outcome of this change is the creation of names synonymous with the precedents of the change.

4.4.1. The structural change can cause both increase and decrease in the sound body of the hydronym. If this change happens in the functional-semantic structure, i.e. on the level of name constituent, the increase is called complementation and the decrease is called ellipsis.

In the case of Old Hungarian hydronyms, it is difficult to decide whether we are talking about ellipsis or complementation, since the names in this relation can be of parallel genesis as well. The specification can be adjusted by the chronology of occurrence in the documents, but the subsistence of certain documents is completely random, therefore, we have to treat this clue with reservations. Examples of name constituent change: *Gyula pataka* ~ *Gyula, Ózd pataka* ~ *Ózd*.

In any case, the M+F structure hydronyms are also formed by complementation. In these names, in every instance, there is a denominational hydronym and hydrographic common name in the possessive case (*pataka, vize*). In the primary variants of names that belong to this group we can find borrowings (*Kraszna pataka, Recske pataka, Gadna vize, Hernád vize*), and one-part (*Aranyos pataka, Eger vize, Sár vize*) and two-part (*Fenyő-sevnice pataka, Hideg-víz pataka, Berettyó vize, Sajó vize*) names of inner genesis. The second component in these names indicates the species. I believe their formation can be explained from two aspects. On the one hand, the primary names do not refer to waters, and the document writers used the second components *pataka* and *vize* for the sake of clarifying the species. On the other hand, and in connection to this, a certain number of these names are in a homonymous relation to the neighbouring settlements, therefore, the toponym type marker in the form of the basic component could have served to separate the settlement from the water (*Ludna pataka, Racka pataka, Gadna vize, Tecső vize*). In my opinion, this method of complementation may have been a part of the linguistic form of the documents, but we can also presuppose an occasional or even continuous name use behind the written form.

4.4.2. When the structural change of the hydronym happens in the lexical-morphological structure, i.e. on the level of name element, then we call it reduction; and when the name is prolonged by a name element, we call it expansion. The element change can refer to a loss of lexeme or a bound morpheme, as long as it does not affect the functional structure of the name, i.e. its one-part or two-part character.

We can experience a change of derivational morpheme in the case of hydronyms denoting the same water: *Cseh pataka* ~ *Cseh-patak* and *Fűzi pataka* ~ *Fűzi-patak*, or else such changes as *Alma* ~ *Almás* ~ *Almádi*, *Budak* ~ *Budagd*

and *Füzes ~ Füzesd*; due to the already mentioned insecure ellipsis and complementation I will not try to specify the alternation procedure.

4.4.3. In his toponymic typology model, ISTVÁN HOFFMANN uses the term de-etymologisation to refer to structural changes in toponyms which appear as a consequence of the obscurity of the functional-semantic or lexical-morphological structure of the name, which resulted in a irregular alternation of the toponyms' sound form.

Among Old Hungarian hydronyms this change took place when one of the words forming the name disappeared from the Hungarian language system. The disappearance of the word *jó* 'river', for example, resulted in formation of (*Hév-jó* >) *Hejő* and *Hájó*, as well as (*Berek-jó* >) *Berettyó*. The same process can be observed in (*Berek-aszó* >) *Berekszó*, (*Keve-aszó* >) *Kajászó*, (*Szik-aszó* >) *Sziksó*.

4.5. Comparing the hydronyms to other toponyms, the most striking difference is the larger number of borrowed words than in the case of settlement names. One explanation could be the communication need in the case of natural name-giving and name use, contrary to the expression of possession, or other ideological or socio-cultural factors in the case of settlement name formation.

Borrowings are most common among big and medium sized bodies of water, which can be reasoned by the fact that these waters are familiar not only for a smaller community, but rather, these waters are used along their whole length. In these places, even when there is a change of population, a small population stays and continues to use the name of the river (cf. KNIEZSA 1942: 3, KISS 1999: 286–7, 2000: 1).

One fifth of the corpus compiled by myself belongs to this category: *Baróc*, *Béla*, *Berzence*, *Blava*, *Bobróc*, *Bódva*, *Csermelye*, *Csongova*, *Danóc*, *Dráva*, *Dubróka*, *Garam*, *Gölnic*, *Hernád*, *Hortobágy*, *Ida*, *Iza*, *Korpona*, *Körös*, *Krassó*, *Kraszna*, *Kükiüllő*, *Lajta*, *Liszna*, *Losonc*, *Lukóca*, *Máramaros*, *Maros*, *Nyitra*, *Okor*, *Olt*, *Ósua*, *Palugya*, *Rába*, *Ronkva*, *Ronyva*, *Szamos*, *Szaporca*, *Száva*, *Szesztríc*, *Szikince*, *Szuha*, *Vág*, *Vazsec*, *Tapolca*, *Tapoly*, *Tepla*, *Teplece*, *Terpesz*, *Tisza*, *Túr*, *Zagyva* and *Zsitva*.

5. Summary

My research into early Old Hungarian hydronyms shows that the prototypical Hungarian hydronyms are of two components. Their first component denotes a characteristic of the water, and the second component is usually a hydrographic common name. Consequently, the most common name formation type among Old Hungarian hydronyms is syntagmatic editing.

A yet unexploited topic in Hungarian hydronym research is the comparison of the Hungarian hydronymicon with the hydronymicon of its most ancient relatives. A comparative study like this could bring us closer to the determination of the panchronic category of river names and to describing linguistic specifics of certain languages; and historico-genetic research could help us to conclude cautiously which were the typical Hungarian name-formation types in the linguistic record period, i.e. before the 10th century.

References

- ANDRÁSFALVY BERTALAN (1970) *A fok és jelentősége a régi vízgazdálkodásunkban*. In: *Nyelvtudományi Értekezések* 70, pp. 224–228.
- BALÁZS JÁNOS (1981) *A Séd folyónév és ami körülötte lehetett*. In: *Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai* 160, pp. 107–109.
- D. BARTHA KATALIN (1958) *A magyar szóképzés története*. Budapest.
- BENKŐ LORÁND (1947a) *A Nyárádmente földrajzinevei*. A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 74. Budapest.
- BENKŐ LORÁND (1947b) *Víz- és helységneveink viszonyához*. In: *Magyar Nyelv* 43, pp. 259–263.
- BENKŐ LORÁND (1948) *A székelvföldi szláv eredetű víznevek kérdéséhez*. In: *Magyar Nyelv* 44, pp. 95–101.
- BENKŐ LORÁND (1982) *Hozzászólás [Comment at the 2nd dialectology symposium]*. In: *VEAB Értesítő* II, pp. 179–182.
- BENKŐ LORÁND (1998) *Név és történelem. Tanulmányok az Árpád-korról*. Budapest.
- BENKŐ LORÁND (2003) *Beszélnek a múlt nevei. Tanulmányok az Árpád-kori tulajdonnevekről*. Budapest.
- BÍRÓ FERENC (1999) *Víznevek hatása Körösladány helynévrendszerére*. In: *Névtani Értesítő* 21, pp. 36–42.
- FNESZ. = KISS LAJOS *Földrajzi neveink etimológiai szótára I–II*. Budapest, 1988.
- Gy. = GYÖRFFY GYÖRGY *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza II–IV*. Budapest, 1987–1998.
- GYÖRFFY ERSZÉBET (2002) *Régi vízneveink funkcionális szerkezetéről*. In: *Magyar Nyelvjárások* 40, pp. 35–46.
- GYÖRFFY ERSZÉBET–RESZEGI KATALIN (2003) *Árpád-kori hegy- és víznevek funkcionális-szemantikai szempontú összehasonlító vizsgálata*. In: *Magyar Nyelvjárások* 41, pp. 195–204.
- GYÖRFFY ERSZÉBET (2004) *Az Árpád-kori folyóvíznevek lexikális szerkezetének jellemzői a Sajó vízgyűjtő területén*. In: *Helynévtörténeti tanulmányok I*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–VALÉRIA TÓTH. Debrecen, pp. 129–144.

- HAJDÚ MIHÁLY (1981) *Helyneveink -d-féle képzőinek funkcióiról*. In: *Tanulmányok a magyar nyelv múltjáról és jelenéről. Emlékkönyv Benkő Loránd születésének hatvanadik évfordulójára*. Edited by MIHÁLY HAJDÚ–JENŐ KISS. Budapest, pp. 161–172.
- HOFFMANN ISTVÁN (1993) *Helynevek nyelvi elemzése*. Debrecen.
- HOFFMANN ISTVÁN (2003a) *Magyar helynévkutatás. 1958–2002*. Debrecen.
- HOFFMANN ISTVÁN (2003b), *Patak*. In: *Köszöntő könyv Kiss Jenő 60. születésnapjára*. Edited by MIHÁLY HAJDÚ–BORBÁLA KESZLER. Budapest, pp. 664–673.
- HOFFMANN ISTVÁN (2004) *Az oklevelek helynévi szórványainak nyelvi hátteréről*. In: *Helynévtörténeti tanulmányok 1*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–VALÉRIA TÓTH. Debrecen, pp. 9–61.
- KÁLMÁN BÉLA (1967) *Helynévkutatás és szóföldrajz*. In: *Nyelvtudományi Értekezések* 58, pp. 344–350.
- KÁLNÁSI ÁRPÁD (1988) *A Tisza-Túr köze vízneveinek névtani rendszere*. In: *A magyar nyelv rétegződése I–II*. Edited by JENŐ KISS–LÁSZLÓ SZÜTS. Budapest, pp. 514–521.
- KISS LAJOS (1999) *Történeti vizsgálatok a földrajzi nevek körében*. Piliscsaba.
- KMHsz. = *Korai magyar helynévszótár 1. Abaúj–Csongrád vármegye*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN. Debrecen, 2005.
- KNIEZSA ISTVÁN (1942) *Erdély víznevei*. Kolozsvár.
- KNIEZSA ISTVÁN (1948a) *Szláv eredetű víznevek a Székelyföldön*. In: *Magyar Nyelv* 44, pp. 1–11.
- KNIEZSA ISTVÁN (1948b) *A székelyföldi szláv eredetű víznevek kérdéséhez*. In: *Magyar Nyelv* 44, pp. 101–105.
- B. LÖRINCZY ÉVA (1962) *Képző- és névrendszertani vizsgálódások. Az -s ~ -cs képzővel alakult névanyag az ómagyar korban*. *Nyelvtudományi Értekezések* 33. Budapest.
- MELICH JÁNOS (1957) *Az Anonymus-féle „usque ad rivulum Turmas”*. In: *Nyelvtudományi Értekezések* 11, pp. 32–62.
- MELICH JÁNOS (1963) *Az 1113. évi zabori oklevél „Aqua Turna”-járól, valamint Nagyszombat város nevééről*. In: *Nyelvtudományi Értekezések* 41, pp. 88–101.
- MIKESY SÁNDOR (1947) *A fagyöngy közszó és a Gyöngyös víznév*. In: *Magyar Nyelv* 43, pp. 253–258.
- MOÓR ELEMÉR (1947) *Küküllő*. In: *Magyar Nyelv* 43, pp. 127–132.
- NYÍRI ANTAL (1978) *Az aszó-ról szóló szófejtési kísérletek és azok módszertani tanulságai*. In: *Magyar Nyelv* 74, pp. 163–175.
- NYÍRI ANTAL (1979) *Az aszó, asszú eredete, hang- és alaktörténete*. In: *Magyar Nyelv* 75, pp. 147–162.
- PAIS DEZSŐ (1912) *Az aszó elhomályosult összetételei*. In: *Magyar Nyelv* 8, pp. 391–401.

- PESTI JÁNOS (1987) A ság, ség (~ segg) és a séd a Dél-Dunántúl földrajzi neveiben. In: *Névtani Értesítő* 12, pp. 32–53.
- PÓCZOS RITA (2003) A Sajó vízrendszerének nyelvi rétegei. In: *Magyar Nyelvjárások* 41, pp. 487–496.
- PÓCZOS RITA (2004) A Garam és az Ipoly víznévrendszerének nyelvi rétegei. In: *Helynévtörténeti tanulmányok 1.* Edited by ISTVÁN HOFFMANN–VALÉRIA TÓTH. Debrecen, pp. 105–127.
- REUTER CAMILLO (1970) A fok vízrajzi köznév és a Fokorú földrajzi név. In: *Nyelvtudományi Értekezések* 70, pp. 104–111.
- REUTER CAMILLO (1971) Két vízrajzi köznév: kégy és kengyel. In: *Magyar Nyelv* 67, pp. 343–347.
- SZABÓ DÉNES (1944) Koppány. Személy- és vízneveink viszonya. In: *Magyar Nyelv* 40, pp. 186–193.
- SZABÓ T. ATTILA (1939) Székaszópatak. In: *Magyar Nyelv* 35, pp. 166–173.
- TIBÁD LEVENTE (1979) A Nyikó mente víznevei (Tipológiai rendszerezés). In: *Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények* 23, pp. 167–177.
- TNYt. = *A magyar nyelv történeti nyelvtana I. A korai ómagyar kor és előzményei.* Edited by LORÁND BENKŐ. Budapest, 1991.
- TÓTH VALÉRIA (1997) Földrajzi köznevek szóföldrajzi szempontú vizsgálata a korai ómagyar korban. In: *A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai* 209, pp. 262–265.
- TÓTH VALÉRIA (2001) *Névrendszertani vizsgálatok korai ómagyar korban.* Debrecen.
- TÓTH VALÉRIA (2003) A Zala vízgyűjtőjének régi folyóvíznevei. In: *Névtani Értesítő* 25, pp. 89–94.
- VÖRÖS OTTÓ (1999) *Vízrajzi köznevek szóföldrajzi és jelentéstani vizsgálata.* A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 211. Budapest.

István Hoffmann (Debrecen, Hungary)

The name as a historical source*

1. When we talk about the issue of names as historical sources, we can primarily state that this subject matter, from a history of science point of view, has always been a central topic of Hungarian onomastics—but also of the onomastics of other languages. What is more, it is a central topic even today. I refer to onomastics in the broadest sense possible, including all types of scientific research into proper names.

As early as the 19th century, the focus of the Hungarian onomastics turned to names: the preparation of JÓZSEF TELEKI's dictionary and RÉVÉSZ IMRE's name collection were actually motivated by interest in history, and FRIGYES PESTI considered names as instances of the "national museum". This approach is still visible in DEZSŐ CSÁNKI's work and it led to a great history of scientific synthesis and the creation of the historical geography of Hungary from the 15th century.

But this approach also determined the interest and activities of researchers in the 20th century: JÁNOS MELICH, ISTVÁN KNIEZSA, DEZSŐ PAIS, LAJOS KISS, ANDRÁS MEZŐ and many other excellent linguists have exploited the value of names as historical sources during their work. Furthermore, several great historians, GYÖRGY GYÖRFFY and GYULA KRISTÓ, to name just a couple, have created theories which contributed to founding the discipline of onomastics.

Hungarian onomastics had had periods when attention was drawn as much to the present as to the past; however, onomastics could make use of these results, too. Ethnographer JÁNOS JANKÓ conducted a synchronic name collection at the turn of the 20th century, but even in the contemporary onomastic corpus he investigated the roots of regional division of the Hungarian name corpus. And when ATTILA SZABÓ T.—inspired by folk language researcher, BÁLINT CSÜRY's programme—promoted a collection of contemporary toponyms, he did it driven by the intention to present this name corpus as a well-documented state of historical change.

If therefore, I was to present the topic indicated in the title completely, even if I restrict myself to Hungarian names exclusively, I would not be able to do it, since I would have to present all those lasting results and those debatable results and ideas from this discipline which have in the meantime been refuted.

* Presentation held at the 6th Conference of Hungarian Onomastics in July 2007 in Balatonszázszó.

2. I need to continue narrowing the topic from the point of view name types, since it is indisputable that different name types have different values as historical sources. After all, the proper name as a comprehensive linguistic category groups linguistic phenomena whose communicative and linguistic functions, formal and semantic features and history differ. Certain name types show more differences than similarities, scientific analysis can see connections between them only after a large-scale abstraction.

This difference shows in the ancient characteristic of certain proper name types. Even though we cannot go deeper into the issue of proper name genesis, intangible by purely linguistic means, it is still obvious that certain proper names are ancient elements of their languages, while others are far less old than that. It is hardly debatable, for example, that institution names indicate a higher development of the society, while personal and place names carry an ancient feature which none of the other name types can compete with. Consequently, ancient categories like this inevitably also have greater historical source value.

However, the ancient feature of proper names does not necessarily relate to their appearance in written sources, the factor that most directly influences their historical use. It is a well-known fact that in Hungarian onomastics the above two categories (i.e. place names and personal names) have a distinguished role: the period preceding the 15th century, with several hundred thousand Hungarian toponyms and personal names inherited in sources offer a linguistic record with which no other smaller early (contemporary with the above) linguistic record containing just a few words can compete, in the fields of history of orthography, phonology, vocabulary and morphology—to name just a few areas. It needs to be emphasized, of course, that the latter are used in other fields, in which the remnants do not provide for research possibilities.

It has also been established by many, that out of the two types mentioned above the historical value of toponyms is far greater than that of the personal names: many aspects and arguments can underline this statement. Here I will mention only one of them, an onomastic factor rarely stated. In the history of toponyms we see that they stayed relatively open to other classes of words: common nouns, personal names and other place names could basically become part of newly created place names almost without limits. Contrary to this, several of the personal name subsystems remained closed during the Old Hungarian period: within one-piece names, the inner pagan name-giving was replaced by borrowed names having religious reference, and the attributive component of a two-piece name transformed into an inherited family name which thus lost its openness to linguistic alternation. Such change of personal names naturally leads to fewer possibilities in using them as historical sources. Therefore, in what follows I will turn my attention to toponyms.

The organizers of this conference have previously instructed me to bring the issues of principles and methodology of onomastics into the foreground. I believe I can fulfil this request in the best possible way if I concentrate on the problems which are overwhelming Hungarian onomastics today and which make it difficult to exploit names as historical sources. In my opinion, it is by pointing to the critical parts and to the discrepancies that can help us the most to find the most appropriate direction for development.

3. In this context, I would like to refer to the complexity and interdisciplinary nature of onomastics. The development of onomastics is most frequently discussed in the context of its becoming an independent scientific discipline instead of remaining a supporting one. This change can be explained both by methodological and principled arguments, but also by features relating to institutional structure.

Independently of the above, we experience that there are basically two areas which use names as historical sources to the full: historical linguistics and historical science. The representatives of these sciences, however, essentially apply the methodology and principles of their own disciplines, while involving the results of other scientific disciplines as well; and this procedure is in order, provided that the methods and applied knowledge suit the requirements of modern science.

If there is a change in this area, it can be described as a stronger professional communication among the representatives of these disciplines than before. From this point of view, I especially regret the fact that there are hardly any representatives of historical science and ethnography at the conference today, even though the biggest names in these disciplines took part in events like this in the past.

In my view, besides the analysis of the Hungarian language from a historical point of view, the role of onomastic examination has been re-evaluated recently. But together with this it can also be established that the historical scientific interest, and receptiveness to ethnic character and to the history of culture present in historical linguistic research from its beginning, has disappeared.

Consequently, the balance between the discovery of our early past and the disciplines responsible for its investigation has been lost. In other words, Hungarian historical linguistics and within it, historical onomastics, could not appropriately follow the increasing pace of research in historical science. This debt naturally had consequences: historians, since they cannot allow themselves to work without the results of onomastics, had to rely on outdated and often even false data. And the role of historical linguists usually narrowed down to warning their historian colleagues of the uncertainty of using linguistics-

tic information. All this indicates that, in subject matter where the work of different disciplines is closely connected and their results complement each other, it is easily detectable if one of them falls behind.

The earlier the period of Hungarian history that is investigated, the closer co-operation there should be between historically-oriented areas of science. Consequently, quite a few issues of Hungarian ethnicity from the Arpad age, from the 10th to 13th century (and not only those referring to the inner regularities and structure of the language) cannot be discussed without the research results of historical linguistics and historical onomastics. Mutual interdependence is especially visible in areas without resources, such as Transylvania.

Historical linguists—as stated by LORÁND BENKŐ—should be grateful to their historian colleagues for their “wide-ranging corpus discovery work which put at our disposal an early Hungarian toponymic corpus appropriate in quantity and quality, and in a user-friendly format” (1998: 112–3).

The linguistic, onomastic research of the Old Hungarian toponymicon has to a large degree been supported by GYÖRGY GYÖRFFY’s “The historical geography of Hungary in the Arpad age”. However, another work initiated by him, “*Diplomata Hungariae Antiquissimae*”, a series of critical charter publishing, whose published first volume contains the earliest and therefore most significant certificates of Hungarian relevance, is also of great importance. Let us hope that the historians researching the Middle Ages will have the strength to continue GYÖRFFY’s magnificent enterprise with which they may help the work of other disciplines, especially that of Hungarian historical linguistics.

4. So far I aimed at introducing the relationship between historical onomastic research and linguistic onomastic research; but the relationship between the linguistic research of names and general historical science is not without problems, although these problems are rarely discussed. The traditional approach has actually not separated the proper name and non-proper name elements in a historical linguistic evaluation (for example, in a phonological or morphological sense). In recent decades, however, especially abroad, but partly in Hungary as well, onomastic research focusing on the general and specific characteristics of the proper name category have strengthened, and they aim at presenting the name features of language elements.

This approach has recently gained ground in historical science research, but I believe it should get even more emphasis. The main feature of this approach is the idea that certain names cannot only be measured according to other instances of linguistic inventory, but primarily as elements of a proper name system in which they have developed and in which they function, and in which they bear all their typological, morphological, phonological and semantic characteristics. All this should not, of course obscure the relationship

between common names and proper names, but only draw attention to the threats of a mechanical identification.

5. In any onomastic analysis we need to answer two types of requirements. Firstly, a detailed investigation of the most secure philological background is indispensable. Secondly, it is unavoidable to compare the name instances with a set of examples as wide as possible—especially in connection to how they are determined in the onomastic system. The first requirement is secured by reliable source publications, whereas the second depends on compendiums and dictionaries edited according to linguistic criteria.

Although I fully understand the insecurities concerning the latter, I believe that their necessity is unquestionable. An excellent example is KATALIN FEHÉRTÓI's Personal name registry from Arpad age,¹ which contains a significant majority of names from that period. Although there are some elements in the registry which with or without doubt do not belong to the registry, I believe this work will have a significant impact in the future. Maybe the project started in the recent past and entitled "An early Hungarian dictionary of toponyms"² will play a similar role.

In recent times intentions to re-evaluate the results of Hungarian onomastics have gained more ground—especially in the field of personal names. LAJOS KISS already faced this problem at the time of writing his "Etymological dictionary of geographical names" but it became an important programme in LORÁND BENKŐ's work in the past one and a half decades. He urged a remediation of those "sick" etymologies which played a crucial role in the discussion of our early history. This intention shows us that we can freely rely on the great tradition of Hungarian onomastics, but a far-fetched and unconditional reliance on its results is an anti-scientific attitude. A precedent like this has been set by our great ancestors, JÁNOS MELICH, to name one, who has criticized his own early work.

There have been no great shifts of paradigm in Hungarian and international onomastics; its development—sometimes faster, sometimes slower—was characterised far more by continuity. In a scientific context like this, the necessity for re-evaluation of results is evident. Every single name's linguistic-onomastic interpretation relies directly or indirectly on the complete knowledge of linguistics and is based on the universally valid—i.e. reflecting the development of science—theories and methods. Consequently, etymologists have to analyse the sources according to current, contemporary knowledge, which results in old source material that has been known for many years and

¹ Cf. *Onomastica Uralica* 5: 96–101.

² Cf. *Onomastica Uralica* 5: 101–109.

has been analysed many times to be shown in new light; all this may therefore give way to new conclusions.

It follows from this line of thought that I consider it important to systematically re-evaluate those linguistic and etymological sources which have played a key role in the cognition of the Hungarian past. The majority of these were used in the monographs of excellent Hungarian linguists more than half of century ago—such as DEZSŐ PAIS's Charter of the Nuns of Veszprémvölgy, ISTVÁN KNIEZSA's Zobor document, or the classical work of GÉZA BÁRCZI, The deed of foundation of Tihany abbey—but it is exactly their results that support us in the future analysis of these sources.

An excellent example of a re-evaluation like this is LORÁND BENKŐ's reassessment of Anonymus's *Gesta Hungarorum* (Deeds of Hungarians). BENKŐ's model of source criticism and the renovation of knowledge from specialized literature can be followed in other remnants of key role. Besides the above mentioned sources I also consider it timely to re-examine all charters from the 11th century and monographic evaluation would be worth conducting in the cases of Census of Tihany, The Charter of the Crusaders of Székesfehérvár and the *Regestrum* of Várad.

The need for this is even greater since the already mentioned complexity of onomastics results in outdated linguistic knowledge getting into circulation in historical science, and therefore incorrect or even false concepts of the past form a basis for further distortions.

6. Etymology is considered the strongest subdiscipline of Hungarian onomastics. I believe this is true despite the fact that numerous etymologies are awaiting their re-evaluation and correction, and many more etymologies are yet to be established for certain words. I do not wish to elaborate on these questions in this presentation, although I think it is important to note that a survey of the principles and methodology Hungarian name etymology would serve as a lesson both in a purely theoretical and in a history of science perspective.

Many linguists, when talking about the layers of origin of the Hungarian name inventory, consider the matter of loanwords fairly clear, while issues relating to the inner genesis of words remain rather obscure. I myself believe there are not great differences in the situation of the two groups of names; what is more, I think we have greater debts in the case of foreign origin words and maybe—which is especially regrettable—even the prospects are weaker. In the etymology of loanwords, the majority of explanations which consider the name individually, without an appropriate or in an overgeneralized linguistic system, largely disregard the place and time characteristics of these names. These discrepancies can be observed in all loanword groups, but they

are probably the most significant in the analysis of Turkish relations, already overborne with difficulties. As for Slavic loanwords, they mainly lack an inner chronological layering; the German and Romanian borrowings, however, are in need of systematic processing.

In this area, the bulk of the serious work is awaiting Turkic, Slavic, Germanic and Romanian scholars, but there are no signs of linguists—at conferences these fields are barely represented—who would be able to carry on with the legacy of JÁNOS MELICH, ISTVÁN KNIEZSA, LAJOS KISS, ELEMÉR MOÓR, KÁROLY MOLLAY, GYULA NÉMETH, LAJOS LIGETI.

The above issues of the onomastics in the Carpathian basin could be promoted by international scientific cooperation programmes in which research centres and foreign universities, which operate in bilingual areas, could take part. We could also profit from research of name usage in the modern era, since the experience from multilingual territories may offer conclusions with regard to evaluating language contact in the early period.

In the investigation of the Hungarian name inventory—even in the etymological analysis area—major results can be achieved by a systematic, typological approach. The historical toponym typology invented by KNIEZSA did not achieve its original aim, i.e. to be able to find out the time of origin independently of the recorded date, at least not in its rigid form in which the procedure was applied in the mid third of the last century, and even in the period to come. But independently of this the discussion of different types of names enhanced the issue of Hungarian toponomastics: in this respect, monographs such as MIKLÓS KÁZMÉR's work on names containing the elements *falu* 'village' (1970) or ANDRÁS MEZŐ's work on patrociny settlement names (1996) have established new and generalised knowledge. Further semantic and morphological types are waiting to be processed: especially ethnic and tribe names, names of professions, settlement names of equal form as personal names, and also derived names. These analyses could be then complemented by an adequately detailed alternation typology.

7. The basis—what is more, the only objective in the early times—of historically aimed, linguistic name analysis is etymology. However, in my opinion, modern onomastics cannot be limited to etymology as interpreted in its narrow sense. Traditional etymology is usually satisfied by presenting a form of a name in a language: its phonological and morphological structure, and the meaning of lexemes within it.

The historical-etymological analysis of names can be interpreted in a much wider sense, however: the procedure according to which we take into account more factors than what is present in a traditional approach is called name reconstruction. Name reconstruction examines source data according to their re-

lationship within the source, it reconstructs the possible pronunciation of the names based on the denotative identification and as a member of a determined set of data, it casts light on the morphological and semantic structure of the name, aiming at giving clues rather than purely discussing possible motivation of name giving; furthermore, it places great emphasis on determining the social value of names appearing in the sources. A multifactorial reconstruction analysis like this does not only increase the validity of etymology, but it also offers more possibilities for the use of linguistic results.

A detailed description of principles and methods of name reconstruction is not possible within the frame of this presentation and the degree to which it can surpass the results of traditional etymology will also be indicated through presenting only a subdiscipline: this aspect refers to the sociological evaluation of name data, a point rarely discussed.

The importance of the above was first mentioned by LORÁND BENKŐ's in his *Anonymus* studies. BENKŐ questioned the validity of several names mentioned by *Anonymus* and many of them were proven to be had been invented by *Anonymus* himself, i.e. that they had no real name use to support them. Name reconstructions like this are rare among settlement names, but Latin settlement names raise the question of actual name use.

Anonymus's work is of special importance, explaining this author's influence for studies of this kind of text and the languages used in it. This standpoint is valid with respect to more numerous source materials, although in this latter case we are talking about legal charters. If we want to evaluate the name sociology situation of Hungarian, or rather non-Latin elements in charters, firstly, we have to take into consideration that the certificate will bear the language influence of the person/people who issued it.

In charters—primarily with regards to toponym use—the authors' effort to a keep a norm is obvious: a most important instance of it is the application of Latin forms, which—contrary to approaches which considered this phenomenon occasional—is an activity governed by well-defined rules, although not a rigid activity. However, not only the Carpathian basin toponyms occurring in Latin, but certain Hungarian names can also be attributed to the authors of charters, can also be connected to their language use. These elements are either the fairly frequent geographical common names cataphorically or anaphorically referring to toponyms from the texts, or the equally frequent tree names which randomly alternate with their Latin equivalents in border districts. In connection to these types of elements we need to note that we can, or more precisely, we should look for a broader layer of language users in their background.

Besides the above, we need to take into account some further possibilities with regards to the name-forming activity of charter authors. It is very rare, for example, that a charter author makes a mistake when using a certain name. It is of course difficult to form a picture about a situation like this, since we are informed precisely by the very charters. However, we can rightly assume that this is the reason for the ambiguity of certain data.

Since charters from the Middle Ages—as legal documents in general—are connected to each other, it is reasonable to suppose that the persons in charge of certain matters decided to take over name forms from previous documents, even if they were not used in those forms anymore, or even if they have already been forgotten.

I am not familiar with any instances of falsified name use by the charter authors—if we disregard Latinised solutions, of course. The effort to preserve forms, to remain faithful to the original, derives from the legal purpose of charters. GYULA KRISTÓ had a similarly determined unequivocal opinion: “Under no circumstances did [the scriptors] forge toponyms” (2000: 27). However, there very probably examples of using linguistic forms on the basis of existing toponyms, which were not used in everyday speech; and all this due to the effort to avoid ambiguity and create precise formulations.

If, taking account of the above circumstances, we adopt the view (as a starting point for further elaborations) which is generally accepted today, namely, that charters and basically also narratives—due to their purpose—in the majority of cases they employ toponyms in the form used at the given period, then we have to add to this statement that large numbers of written documents contain linguistic elements which can be considered as linguistic imprints of the charter authors. During a name sociology analysis, the first step is to separate these from other remnants, and—if possible—to look for actual linguistic forms in their background.

Examining the activity of charter authors, we cannot rule out the possibility that the authorities issuing the charters translated into Hungarian or Hungarianised in other ways the toponymic corpus of German, Slavic or even Romanian groups living in Hungarian settlements in the Carpathian basin. However, the fact that it was not a general tendency to translate names into Hungarian is proven by obvious circumstances. Namely, many highly prestigious Hungarian settlements have names which are borrowed from Slavic: counties like *Csongrád* and *Nógrád* and also *Visegrád*, which functioned as a royal residence for a while. Although these settlements obviously had a Hungarian population during the chartering period, their Hungarian names never occur. And all this even though there were no obstacles to Hungarian names appearing in the documents, since in Anonymus’s work *Csongrád* occurs as *nigrum castrum*, and in charters from the Anjou period *Visegrád* appears as *Altum*

Castrum, all of which refers to the fact that the people in the chancellery were aware of the original structure of the names (see KRISTÓ 1986: 32–33).

LORÁND BENKŐ was the first one to notice, when analysing the toponymic corpus of mainly German-populated areas in the Middle Ages, that charters contain Hungarian names besides German names. These can refer to Hungarian name forms, consequently, to a Hungarian ethnic environment, but it is not ruled out that “they are artificially formed by the charter authors” (2003: 130, see also 1998: 115).

In my opinion, the statement made by KLÁRA SÁNDOR on “purely historical linguistic” analyses is especially true for the history of toponym analysis; namely, that “we tend to disregard bilingualism because the analysis usually focused on linguistic data”. Linguistic borrowing, the substratum effect, is impossible without a certain degree of bilingualism (1998: 7–8). We also know that in their formation and change, in any period of time, linguistic prestige also plays a role, and prestige on the other hand, reflects social value relations based on many different factors.

Even if we are lucky enough to be able to analyse the name sociology situation of sources according to the complex system of parameters described above, we cannot directly conclude which ethnic group inhabited the settlements denoted by a given name. Even in spite of the fact that names have had a significant role in determining from long ago, and especially with respect to the period around the Hungarian Conquest: this is the keynote of the works of JÁNOS MELICH (1925–1929) and ISTVÁN KNIEZSA (1938), but GYULA KRISTÓ (2000) also applies this method. The last to conduct a deep analysis into Southern Transylvanian settlements was LORÁND BENKŐ (2002).

The problem of identifying the name, the language and the ethnic group is, in my opinion, an integral part of name reconstruction. This procedure, however—although this is an important question, and we have seen some fortunate applications of it—can hardly be elaborated with scientific exactness. Researchers using names as historic sources still have to solve a large number of problems, or, to put it differently, they still have to complete the biggest task in this area.

References

- BENKŐ LORÁND (1998) *Név és történelem. Tanulmányok az Árpád-korról*. Budapest.
- BENKŐ LORÁND (2002) *Az ómagyar nyelv tanúságtétele. Perújítás Dél-Erdély Árpád-kori korai történetéről*. Budapest.

- BENKŐ LORÁND (2003) *Beszélnek a múlt nevei. Tanulmányok az Árpád-kori tulajdonnevekről*. Budapest.
- FEHÉRTÓI KATALIN (2004) *Árpád-kori személynévtár (1000–1301)*. Budapest.
- GYÖRFFY GYÖRGY (1963–1998) *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza I–IV*. Budapest.
- GYÖRFFY GYÖRGY ed. (1992) *Diplomata Hungariae Antiquissima. Vol. I*. Budapest.
- HOFFMANN ISTVÁN ed. (2005) *Korai magyar helynévszótár I. Abaúj–Csongrád vármegye*. Debrecen.
- KÁZMÉR MIKLÓS (1970) *A »falu« a magyar helynevekben (XIII–XIX. század)*. Budapest.
- KISS LAJOS (1988) *Földrajzi nevek etimológiai szótára I–II*. Budapest.
- KNIEZSA ISTVÁN (1938) *Magyarország népei a XI.-ik században*. In: *Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján*. Edited by SERÉDI JUSZTINIÁN. Budapest. II, pp. 365–472.
- KRISTÓ GYULA (1986) *A Kárpát-medence -grad ~ -grád utótagú helyneveiről*. In: *Névtani Értesítő* 11, pp. 31–41.
- KRISTÓ GYULA (2000) *Magyarország népei Szent István korában*. In: *Századok* 134, pp. 3–44.
- MELICH JÁNOS (1925–1929) *A honfoglaláskori Magyarország*. Budapest.
- MEZŐ ANDRÁS (1996) *A templomcím a magyar helységnevekben. 11–15. század*. Budapest.
- SÁNDOR KLÁRA (1998) *A magyar–török kétnyelvűség és ami körülötte van*. In: *Nyelvi érintkezések a Kárpát-medencében*. Edited by LANSTYÁK ISTVÁN–SZABÓMIHÁLY GIZELLA. Pozsony, pp. 7–26.

Chronicle

Tamás Farkas (Budapest, Hungary)

The research of official family name changes in Hungary*

1. The topic and its history of research

1.1. The topic

The question of personal name changes has until recent times been a relatively under-researched topic, but nonetheless varied, complex and interesting enough for onomastics and other scientific disciplines. In the area of official personal name changes, the issue of family name changes has received the most attention. Rightfully, too: the element inventory of first names and the easily categorized characteristics of marriage names as compared to family name changes offers only a limited variety of research topics. What is more, the former two topics have presented possibilities and demand later in history, and more importantly, they also present a less complex issue in terms of social factors.

The historical corpus of Hungarian family names developed spontaneously during the 14th–16th century. The full and unvaried use of family names in the territory of the Habsburg Monarchy became obligatory due to Kaiser Joseph II's 1787 decree. In 1814, Kaiser Francis I reintroduced the possibility of changing family names, but bound it to an official procedure of authorization. A significant demand for name change in Hungary appeared for the first time during the Revolution and Freedom Fight of 1848/49, primarily with the aim of changing family names of foreign origin to Hungarian ones. The family name change—first of all: the Magyarisation (Hungarisation) of surnames—reappeared following the oppression in a politically more moderate atmosphere of the 1860s, and became a truly social phenomenon in the 1880s. The major period for changing foreign-sounding family names into Hungarian ones lasted until after the 2nd World War. In the golden age of such changes, it is estimated that almost 300,000 people changed their family names (I. KOZMA 1997: 428).

* The research was conducted as a part of the T49095 OTKA tender and with the support of the Bolyai grant of the Hungarian Academy of Sciences.

1.2. The interdisciplinary relations of the topic

The issue of family name change can be relevant for general onomastics, name etymology, name psychology, name sociology and applied onomastics besides the study of family names. Research into family names touches upon autonomous onomastic research topics and also upon the following disciplines:

- linguistics: language contact, linguistic minorities and bilingualism, the issue of language ideologies, intercultural linguistics;
- historical sciences: history of society, local history, history of politics, ideology and mentality history, history of culture and auxiliary history sciences;
- minorities research, identity research; the research of the Hungarian minorities abroad and the research of historical ethnic minorities in Hungary, especially Jewish Studies, German Studies, Romology;
- history of law, theory of law (name law) and application of law, history of administration and current practice;
- other disciplines: Hungarian Studies, social psychology, etc.

1.3. Booming scientific interest

Research into family name changes in national and also international literature seems to have boomed in the last one or two decades. According to American researches in the second half of the 1980s, the topic of name changing—here referring to the name change of American immigrants—is “one of the most interesting and least-discussed aspects of onomastics”, yet “there have been [...] virtually no systematic studies of this phenomenon” (ROSENWAIKE 1990: 32). In the international literature of the time and since then a few monumental monographs have been published, such as LAPIERRE’s book on French family name changes (1995), PAIKKALA’s on Finnish family name changes (2004), or BERING’s on the destiny of Jewish family names from Germany (1987). (For a European survey see PAIKKALA 2004: 87–105 and for Hungarian relations the same author, 90–94).

Due to the political changes of the period, research on this topic in Hungary got a major impulse at the same time, resulting in topics up to then treated as taboo being discussed more freely. The possibilities of the subject matter are, however, limited by aspects of the protection of human rights. (Authorized name changes have not been officially disclosed since the mid 20th century, and the Ministry documents require special permission for research; data from the last 90 years suitable for person identification is categorized as sensitive.)

1.4. The topic's history of research

Interest in Hungarian official name changes was for a long time a matter of name Hungarisation as a social issue and a matter of correct language use; the existence of the first Hungarian family name books is due to this movement (SZENTIVÁNYI 1895, LENGYEL 1917). Experts (mainly) dealt with the topic of name change sporadically and mainly for its practical connotations. The first systematic study of the topic (BENKŐ 1948–1949)—with language cultivation claims and being founded in the history of names—was not followed by other research studies for a long time due to the change in the political climate and the controversial issues the topic raised.

In Hungary, the topic is mainly analysed from linguistic, onomastic and, more recently, local history aspects, as well as socio- and ethno-history; certain attention has been paid by legal sciences, too. Relevant literature bears the following characteristics:

- a) The studies usually were not conducted with the aim to cover all the phenomena; and they have systematically focused on one settlement or a specific geographical area, on a shorter period of time, on a given social group or on several key aspects. Naturally, the greatest attention was devoted to Hungarisation, i.e. to the change of foreign-sounding names for Hungarian and its golden age between 1880 and 1940. Among the social groups taking part in the name change, Jews have received the most attention, since they usually led the name change movement.
- b) The studies are generally of smaller scale and based not on primary sources (as the petitions of the time) and utilize the results of the secondary sources (press, literature, state administration documents) in a relatively limited way, too.
- c) Researchers into this topic have mainly confined themselves to their respective fields. The relationship and the contact between disciplines has also proved sporadic and weak. Certain approaches, such as the socio-psychological approach, are missing from national research even today.

The topic's first and only monograph is VIKTOR KARÁDY and ISTVÁN KOZMA's volume "Név és nemzet" [Name and nation] published in 2002. The authors mainly discuss Hungarisation's symbolic role in nation building and social processes, emphasizing the historical standpoint. In parallel and independently, a linguistic-onomastic research and summary of family name changes in the form of TAMÁS FARKAS's dissertation was completed but not published (FARKAS 2001). Both works are based on documents from the Ministry and supported by the literature.

The literature of the topic is available at the webpage of the research group (<http://nevvaltoztatas.elte.hu>) and there is an overview on the a history of research in ISTVÁN KOZMA's recent study (KOZMA 2007a)

2. Forming of the interdisciplinary research group and its aims

A dialogue initiated by the above-mentioned socio-historians (which was first a reflection on a name typology to be applied) have resulted in a union of the experts in the field and in a more ambitious research plan. A research group was formed in 2004 at the Institute of Hungarian Linguistics and Finno-Ugric Studies at Eötvös Loránd University and within the Society of Hungarian Linguistics. Its main aim is to analyse the official family name changes from a number of aspects, being both complex and methodical. Its members are linguists-onomasticians: DEZSŐ JUHÁSZ, TAMÁS FARKAS and JÁNOS N. FODOR, and the historian ISTVÁN KOZMA. As financial support of the planned research for 2005–2008, we received an OTKA grant; the supervisor being TAMÁS FARKAS. Later, graduate and undergraduate students in onomastic, linguistic, sociology and legal topics joined. The research group has a direct relationship with the basic research of family name changes by the researchers taking part in the project and by the latter group of people who joined with the possibility of undertaking further referential research.

The objectives of the research group were the following:

- to discover and make researchable (in detail and as a whole) a fairly large quantity of primary sources;
- an overview of the research of studies conducted so far; an elaboration of important theoretical frameworks; an analysis of broader connections and connecting points;
- survey and summary studies, partial, full studies and case studies;
- presentation and reinforcement of the topic in national and international scientific forums and for the public;
- besides disciplinary and multidisciplinary analyses, validation and enforcement of interdisciplinary, multi-aspectual and complex standpoints.

3. Overview of literature

During our work, we have methodically taken into account the Hungarian literature on name change published until now. We have reviewed the history of research (I. KOZMA 2007a); we have compiled and published its bibliography (bibliographical data plus any internet-available data), which we aim at keeping up-to-date (see above). Our objective with all these steps was to bring closer and link the results of the disciplines and the disciplines together. Natu-

rally, we aim at processing and exploiting partially and in full the results of earlier literature on the topic.

Wishing to study the latest international literature we reviewed and presented PAIKKALA's Finnish monograph to the national public (KOVÁCS 2006, see also NYIRKOS 2005).

4. An outline of a specific research programme

4.1. The sources and the research period

The examination of sources is aimed at the exploration of the primary sources of family name changes, that is, documents concerning name changes from that period, as well as the official (hand-written, later printed) lists made from them. They contain all the name change cases from that time, together with onomastic data and the persons changing their name' data relevant from a sociological aspect. They include all the cases of change, the names before and the names after the change, but besides these, they also contain some other personal data: place of birth, dwelling, age, profession, marital status, religion; together with the personal data of family members of the petitioner. Furthermore, the documents sometimes shed light on the petitioner's reasons and other circumstances of the name change.

The period we chose for our analysis is the "years of happiness and peace" between 1867 and 1896. The archives are basically complete, and contain altogether 16,788 licensed cases of name change. The factors behind choosing this particular period are the following:

- a) Regarding the characteristics of the source material: since 1867, i.e. since the Austrian-Hungarian political settlement, name change matters were referred to the newly established, independent Hungarian Royal Ministry of the Interior, and its archives are therefore systematic, accessible and researchable in full, containing all the early name change cases, and, for the period until 1896, even in the form of once submitted petitions.
- b) Regarding the history of family name changes: this period involves the spread of the Hungarisation movement and its becoming a mass phenomenon, and it ends in 1896, which is considered to be an internal borderline of Hungarisation for several different reasons. (Besides other things, the years of the Bánffy government following this period recalled a strong image of a new type of Hungarisation.)
- c) Regarding the corpus: this represents a full source corpus, an appropriate length of the period researched and a processable quantity of data. In the latter two decades of the Austro-Hungarian Empire, the number of name changes was almost 4.5 times that of the three decades analysed here.

d) Regarding the history of research: although this period presents the first great period of Hungarisation, its systematic analysis has not yet been completed. The KARÁDY and KOZMA monograph (2002) also applies a methodical analyses only for the period after 1894.

Referring to the period in question (1800–1893), we have one useful source at our disposal (SZENTIVÁNYI 1895). It, however, does not contain all the cases of name change and, in its current form, it is not easily utilisable (as a printed database listed in alphabetical order of the names taken up). Our objective was to develop a more complete and a more user-friendly database.

4.2. The computer programme

We needed, therefore, to develop a customised computer programme. The Nemo software operating under Microsoft NET Framework has been developed for the demand of the research group by Bálint Kozma. The characteristics of the software are the following:

- It contains the database from the primary source data;
- It is suitable to record the interpretational coding of the data (which coding shows socio-historical, linguistic and onomastic aspects individually and jointly);
- It is suitable for arranging the primary data and the coding information in an arbitrary composition (by multiple ‘and’ or ‘or’ relationships), i.e., even for the most complex questions, it can give precise name and data or numerical (by piece or by percentage) results; furthermore, it can export the results in an Excel file format (.xls);
- It is able to carry out modifications and broadening of searches even later.

4.3. Disclosure of sources and database building

We have discovered and photocopied the official (annual and six-month) summary lists used as our source from the documents of the given year, and these were listed lacking any order. However, not all the lists were found at that time, and some were found later, in which case we had to survey the documents themselves, via a form constructed for this purpose. In the database, we also indicate the type of the source used for each case.

In the computer programme and data are recorded in their original forms according to their information content. In other words, when we record the data we neither interpret nor simplify them—firstly, because we wanted to achieve a fully evaluated source, secondly, in order to avoid jeopardising new research aspects that may appear in the future. All information elements are recorded separately, to provide for a maximally detailed search. The recording

of the data can be done by several people simultaneously since the files are later joined in a single database.

4.4. Interpretation and coding of data

After the database is fully completed, the data in the database can be interpreted and coded according to previously planned and incorporated aspects. During this procedure, we had to render possible

- a relevant and appropriate;
- versatile and as detailed as possible;
- unequivocal and precise characterisation

of the name change cases, of the participants and of the onomastic corpus. The planning of the aspect system and of the logic of programming presented a rather complex task, and required multiple modifications during the preparation of the programme. With minor modifications, the system KARÁDY and KOZMA used in their joint study could have been applied for sociological variables. The onomastic coding, however, as a novel task, proved more difficult. Different types of aspects had to be arranged differently in order to allow the future users of the programme to apply it in the most efficient and appropriate way. Naturally, in several cases, a multiple classification had to be provided for, to allow the programme, in future analyses, to consider the given coded information both separately and jointly.

The elaborated system of aspects (and a few empty labels, labels without a title saved for later) is an organic part of the programme, the data in the database can be coded accordingly, even independently from each other. Single aspects should be, however, coded by a single person throughout the database, for both efficiency and unification reasons. The coding made for different copies of the programme can be imported into further copies.

One part of the coding tasks belongs to the name change case (for example, the reason for the name change) and the other part to the type of the given information (the linguistic origin of the family name, the location of the settlement given as a place of birth or place of residence). The coding therefore has to be done only once and not every time a given piece of information appears, which is a beneficial feature of the programme as it saves time, reduces the possibility of accidental mistakes, and ensures the possibility of correcting later mistakes in interpretation. The programme itself can create certain coding information (e.g. age derived from the date of birth and date of name change, the territorial mobility of the person changing his name based on the difference between place of birth and place of name change, name frequency within the database).

The programme is suitable both for finding direct informational elements (e.g. religion, year of the name change) and also for interpreting numerous types of the data, such as:

- a) The sociological background of the person changing his name and his family members (gender, profession, social group; location of place of birth and place of residence, type of settlement and the difference referring to territorial mobility; age and age-group);
- b) The characteristics of the first names of the person concerned;
- c) The characteristics of the old family name (basic ortographical form; linguistic origin; length; frequency);
- d) The characteristics of the new family name (basic ortographical form; linguistic origins; earliest mention in the corpus, its presence or absence among the historical Hungarian and history of culture texts concerning family names; semantic type; orthography; length; frequency);
- e) Motivation for the new name, i.e. the basis for selecting it (this is an item of information that is not related to every given name, but only to certain name change cases).

The coding possibilities encoded in the programme render possible analysis of different importance; we can choose from them according to demand and possibility in the future.

5. Survey and partial analyses in the research of name change

5.1. Theoretical framework

Besides direct data exploration, the family name change research involved examining theoretical questions as well, which, independently from the period and corpus researched, may clarify the questions concerning the whole topic. Our most important conclusions, i.e. aspects, are the following:

- a) The complex and multidisciplinary phenomenon of official family name changes can be described as an act realised in a four-componential network of relationships. In the first instance, a name change is an interaction between two actors: the petitioner and the administrator needed to realise the name change. Both actors, however, are surrounded by a third one: a historically determined social, linguistic, cultural, political and ideological atmosphere. In other words, this is the field of power which influences individual decisions, which forms the demand and background for name change, influences its content and form, as well as the conditions of permission (I. KOZMA 2007b, 2007c.). But the family name itself can be placed as the fourth and central element of this socio-historical framework.

b) The family name change is generally motivated by the above-mentioned factors being external to language, but its direct cause and solution should be sought in the language itself, more precisely in the semantic structure of the family name examined. From this point of view, a family name change can be described as an activity aiming at taking up a more beneficial name. A name is understood as a relative notion, and its being beneficial is also explained with the semantic structure of personal names (cf. J. SOLTÉSZ 1979; more precisely: identification, motivation, etymology, information content, connotation—but particularly the latter two) (FARKAS 2003, 2008a).

c) The new family name corpus derived by family name changes is significantly different concerning its characteristics from the historical family name corpus (external and internal linguistic factors of name change date, the persons in question, the causes, as well as the basis of the new name, its modes, its language corpus and means). For all these reasons, and contrary to apparent similarities, the two are to be analysed in a different manner (FARKAS 2003, 2008a).

d) Certain elements of the above model can be and should be analysed in themselves and in their relationship to each other. (As a highlighted example: the complex historical-social-ideological processes appearing in the name change process can also be analysed in the name itself—in the old and new name and in their relationship to each other.)

e) Certain factors of the name change—similarly to language phenomena in general—are determined spatially, socially and in time. Our research should pay attention to all these individually and jointly, of course, besides looking for general conclusions.

f) Principles outlined here emphasise the necessity of professional studies within our own discipline, but the necessity of interdisciplinary studies as well.

g) The description and interpretation of name change phenomena can show further conclusions for the connected disciplines and their results can be put to different theoretical and empirical uses. Through this research we also have to pay attention to open these windows.

5.2. Survey and partial studies, case studies

In the light of the principles outlined here, we have pinpointed several general aspects of name change and a few of its more specific issues. We have considered it important to present the topic at different national and international forums. The topics summarised above have been presented at several major national and international conferences; among them at the 6th International Congress of Hungarian Studies (2006) and at the 6th Conference of Hungar-

ian Onomastics introducing ourselves as a research group. (The majority of the studies are still in the press at the time of writing this article.) During our research:

a) We have reviewed and analysed the terminology used in the society and literature in the last two centuries with reference to name changes. This consists of numerous elements, the majority of which are used in varied forms and with varied meanings, and do not form a clear and unified system. The analysis of this proved to be useful both for the social and professional approach to the topic, its clear application is a condition for a clear view of the topic, its appropriate interpretation and for connecting the partial studies to each other (FARKAS 2007b).

b) An overview of the legal history background of the family name change has been completed (a name law MA thesis with a linguistic basis: SZABÓ 2006).

c) Building on the extensive application of the literature so far as well as on direct source finding, we have described the multi-layered and complex explanation system of name changes in a more detailed and methodical manner (I. KOZMA 2007b, 2007c). We aimed at interpreting Hungarisations, especially the name change processes in the 19th century, from points of view relevant to international erudition, such as the aspect of language ideologies, language nationalism (MAITZ–FARKAS 2008), national romanticism (JUHÁSZ 2007b), ethnic identification, as well as majority and minority language use (FARKAS 2007c). We analysed the influence of contracting languages and their surname stock on the features of surname changes and on the present day surname stock in Hungary (FARKAS 2008b).

d) We have compared the main differences between the naturally evolving family name corpus and the one derived artificially; by taking these into account we can set up and apply systems and research methods suitable for a joint and compared analysis of the two corpora (cf. FARKAS 2003, 2008a). We have used the successful systematic description for toponyms developed by ISTVÁN HOFFMANN (1993/2007 etc.) in the analysis of historical Hungarian family name corpus (N. FODOR 2007a, 2008). We have utilized the results when designing the analysis part of the computer programme mentioned above.

e) We have examined the new name corpus from different grammatical and analytical aspects in separate case studies. More precisely, we have analysed the corpus from etymological-semantic (N. FODOR 2007b on the cases of changed Hungarian family names), semantic (JUHÁSZ 2005, 2007b by notions from national romanticism), lexical (on the most successful family name in the history of name changes, being *Kárpáti*: FARKAS 2007a) and morphologi-

cal (JUHÁSZ 2007a on the family corpus ending with *-ányi/-ényi*) aspects. We have paid the most attention to the analysis of the most recent family name corpus, that of the 19th century, which still awaits methodical processing in the database.

5.3. Conference on the topic of research

The intention of the research group was to establish a forum which would not only allow us to report on the stages of the research, but also allow other disciplines and scientists of the topic to meet, discuss their findings and their standpoints and therefore promote a broader and more integrated insight in the topic. This idea was realised in the form of the first independent and interdisciplinary conference of the topic entitled “Névváltoztatás—társadalom—történelem. Családnév-változtatások—több szempontú megközelítésben” [Name change—society—history. Family name changes from a multitude of aspects] in Budapest, 22–24 November, 2007.

Although the topic of the conference (for which lecturers were requested also individually and which was announced for the wider Hungarian-language related scientific life as well) was specific, the expectations were surpassed by the 27 presentations held on topics closely connected to the advertised topic. The presenters—both acknowledged professionals and novice researchers—arrived from various research institutions in Hungary and the neighbouring countries; they participated representing certain branches and aspects of science: history, social history, minority research, linguistics and onomastics, literary theory, ethnography, other cultures’ research, legal science and public administration. Keynote speakers were representatives of the disciplines with a most direct interest in the topic of family name change: VIKTOR KARÁDY sociologist, MIHÁLY HAJDÚ linguist, onomastician; IMRE PAPP law scientist, and the Secretary of State of public administration of the Ministry of Justice and Law Enforcement commissioned with the administration of family name changes. Together with the research group, the presenters, visiting academics and the colleagues of the Ministry of Justice and Law Enforcement concerned with the matter of name change, the conference gathered together about a hundred participants.

We are planning to publish the presentations—both those presented and those not presented for various reasons—in a conference volume in Hungarian, with English abstracts. We are going to get back to the presented new research directions, aspects and results in more details after the publication of the volume. (For a more detailed report see J. KOZMA 2008.)

6. Plausible results of the research group, its usefulness and continuation

We expect results regarding contents, theory and methodology from the research group.

Concerning the family name changes between 1867 and 1896 we are mainly conducting source finding. The data that were incorporated into the database—which is part of the computer programme based on the above elaborated coding system—can be interpreted directly and its results can be recorded in the programme. The computer inventory developed like this is easily searchable and the software related to it makes the database to be easily measurable and analysable. Besides being a database with source value, it has empirical applications as well (e.g. in official administration, in the revelation of family histories). Beyond acting as a formidable database for the sociohistorical and onomastic research in family name changes it may serve in other topics as well (e.g. socio-graphic mobility, group-specific use of last names). The full database gives a rich picture summarising name changes, and it even helps us in interpreting it better (e.g. name change tendencies of a given settlement). So far, we have basically spent our time on preparing the above.

The study of name changes offers some far-reaching conclusions for the bordering disciplines. In linguistics, from the aspect of foreign-Hungarian language contact; in onomastics, from the aspect of the name taste changing in time and according to ethnic identity, family name typologies or name giving models and other types of artificial name giving (pseudonyms, stage names and pen names, which have received little attention as yet).

The activity of the research group concerns other researches, too. The discovery work resulted in a name-ending (a tergo) dictionary of the historical Hungarian surname corpus (KÁZMÉR 1993), and an electronic data inventory of the entries of the dictionary has yet to be compiled. The incorporation of the latter into the Nemo computer programme will support the comparison of the new family name corpus with the historical Hungarian family name corpus. Currently, there is a large-scale project underway, which in some other countries has already started, and which undertakes to collect and analyse the historically claimed Hungarian Jewish family names. In this research, the databases and experience gained from the study of name changes will be probably well utilized, due to the strong presence of Jews in Hungarisation and since their old and new family names are represented in the corpus, together with other characteristics.

We would like to continue the study of official family name changes. We will focus on the following points:

- a) The database which has been completed by the end of the specific research project offers a lot of possibilities for research in itself, but there is also a lot to research within the topic and in connection to it (cf. FARKAS 2007d).
- b) We are planning to expand the database under construction and to extend the examined period to the beginning of the 19th century (on the basis of surveys from the last third of the 19th century, SZENTIVÁNYI 1895 and WALTHER 1872) and to the period after 1896 (according to sources from archives similar to the ones used in this research).
- c) We need to reinforce international conclusions and relations to be able to identify the general and specific characteristics of the phenomenon. It would be interesting to compare, amongst other things, for example the features of Hungarian, Finnish and Estonian name changes (also in the context of the name changes in the Russian Empire, cf. VERNER 1994).

References

- BENKŐ LORÁND (1948–1949) *A családnév-változtatás kérdései*. In: *Magyarosan* 17, pp. 40–45, 65–72; 18, pp. 1–6.
- BERING, DIETZ (1987) *Der Name als Stigma. Antisemitismus im deutschen Alltag 1812–1933*. Stuttgart.
- FARKAS TAMÁS (2001) *A magyar hivatalos család- és asszonynév-változtatások (különös tekintettel a 20. század második felére)*. PhD dissertation, ELTE, Faculty of Arts, Budapest. Manuscript.
- FARKAS TAMÁS (2003) *A magyar családnévanyag két nagy típusáról*. In: *Magyar Nyelv* 99, pp. 144–163.
(<http://www.c3.hu/~magyarnyelv/03-2/Farkastamas.pdf>)
- FARKAS TAMÁS (2007a) Kárpáti, Kárpáthy és a Kárpáti-k. *Egy újkeletű magyar családnév művelődéstörténete*. In: *Nyelvi identitás és a nyelv dimenziói*. Edited by HOFFMANN, ISTVÁN–JUHÁSZ, DEZSŐ. Debrecen–Budapest, pp. 147–164.
(http://mek.oszk.hu/05100/05146/pdf/hunkong2006_3.pdf)
- FARKAS TAMÁS (2007b) *Szemlélet és terminológia a magyar családnévanyag és a családnév-változtatások kutatásában*. Lecture at the 6th Hungarian Conference of Onomastics, Balatonszárszó. (To be published in the conference volume.)
- FARKAS, TAMÁS (2007c) *Changing Names as Abolishing the Difference. Personal Names as Ethnic Symbols, Characteristics of Surname Changes and the Magyarization of Surnames in Hungary*. Lecture at the 11th International Conference on Minority Languages, Pécs. (To be published in the conference volume.)

- FARKAS TAMÁS (2007d) *Szempontok, irányok, feladatok és lehetőségek a családnév-változtatások vizsgálatában*. Lecture at the conference entitled “Névváltoztatás—társadalom—történelem. Családnév-változtatások—több szempontú megközelítésben”, Budapest. (To be published in the conference volume.)
- FARKAS, TAMÁS (2008a) *Surname changes in Hungary: researches and their onomastic conclusions*. In: *Proceedings. 22nd International Congress of Onomastic Sciences. Pisa (Italy), 28.8.–4.9.2005*. Edited by MARIA GIOVANNA ARCAMONE–DAVIDE DE CAMILLI–BRUNO PORCELLI. II, pp. 343–350.
- FARKAS, TAMÁS (2008b) *Jewish surname changes in Hungary (19th–20th century)*. Paper at the 23rd International Congress of Onomastic Sciences, Jewish Names Section, Toronto, Canada. (To be published in the congress volume.)
- N. FODOR JÁNOS (2007a) *A természetes családnévanyag lexikális-morfológia vizsgálata*. In: *Nyelvi identitás és a nyelv dimenziói*. Edited by HOFFMANN, ISTVÁN–JUHÁSZ, DEZSŐ. Debrecen–Budapest, pp. 113–129. (http://mek.oszk.hu/05100/05146/pdf/hunkong2006_3.pdf)
- N. FODOR JÁNOS (2007b) *Magyar eredetű családnevek megváltoztatásának esetei a dualizmus korában*. Lecture at the 6th Hungarian Conference of Onomastics, Balatonszárszó. (To be published in the conference volume.)
- N. FODOR JÁNOS (2008) *A magyar családnevek új szempontú rendszerezési lehetőségéről*. In: *Magyar Nyelv* 104, pp. 286–306.
- HOFFMANN ISTVÁN (1993/2007) *Helynevek nyelvi elemzése*. Debrecen. (<http://nevarchivum.klte.hu/sorozat/helynev/hntart.htm>)
- JUHÁSZ DEZSŐ (2005) *Névmagyarosítás és nemzeti romantika*. In *Magyar Nyelv* 101, pp. 196–202. (<http://www.c3.hu/~magyar nyelv/05-2/juhaszd.pdf>)
- JUHÁSZ DEZSŐ (2007a) *A magyarosított családnevek morfológiájának és szemantikájának konnotációs megközelítéséhez*. In: *Nyelvi identitás és a nyelv dimenziói*. Edited by HOFFMANN, ISTVÁN–JUHÁSZ, DEZSŐ. Debrecen–Budapest, pp. 165–173. (http://mek.oszk.hu/05100/05146/pdf/hunkong2006_3.pdf)
- JUHÁSZ, DEZSŐ (2007b) *Nationaler Charakter, Identität und Namensänderung in Ungarn im 19. Jahrhundert*. In: *Language and Identity in the Finno-Ugric World. Proceedings of the Fourth International Symposium on Finno-Ugric Languages at the University of Groningen. May 17–19, 2006*. Edited by ROGIER BLOKLAND–CORNELIUS HASSELBLATT. *Studia Fenno-Ugrica Groningana* 4. Maastricht, pp. 164–175.
- KARÁDY VIKTOR–KOZMA ISTVÁN (2002) *Név és nemzet. Családnév-változtatás, névpolitika és nemzetiségi erőviszonyok Magyarországon a feudalizmustól a kommunizmusig*. Budapest.

- KÁZMÉR MIKLÓS (1993) *Régi magyar családnevek szótára. XIV–XVII. Század.* Budapest.
- KOVÁCS OTILIA (2006) *Sirkka Paikkala, Se tavallinen Virtanen.* In: *Névtani Értesítő* 28, pp. 276–279.
- KOZMA ISTVÁN (1997) *Családnév-változtatás és történelem (1894–1956).* In: *Századok* 131, pp. 383–452.
- KOZMA ISTVÁN (2007a) *A családnév-változtatás társadalmi funkciói és személyes motivációi Magyarországon a 19–20. században.* In: *Nyelvi identitás és a nyelv dimenziói.* Edited by HOFFMANN, ISTVÁN–JUHÁSZ, DEZSŐ. Debrecen–Budapest, pp. 131–145.
(http://mek.oszk.hu/05100/05146/pdf/hunkong2006_3.pdf)
- KOZMA ISTVÁN (2007b) *A hivatalos családnév-változtatások indokrendszerének vizsgálatáról.* In: *Névtani Értesítő* 29, pp. 87–106.
- KOZMA ISTVÁN (2007c) *Kísérlet a hivatalos családnév-változtatásokban szerepet játszó tényezők modellezésére.* Lecture at the 6th Hungarian Conference of Onomastics, Balatonszárszó. (To be published in the conference volume.)
- KOZMA JUDIT (2008) *Konferencia a családnév-változtatásokról.* In: *Magyar Nyelv* 104, pp. 382–383.
- LENGYEL ZOLTÁN (1917) *Magyar Névkönyv.* Budapest.
- LAPIERRE, NICOLE (1995) *Changer de nom.* Paris.
- MAITZ, PÉTER–FARKAS, TAMÁS (2008) *Der Familienname als Nationalsymbol. Über den Untergang deutscher Familiennamen im Ungarn des 19. Jahrhunderts.* In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 36/2, pp. 163–196.
- NYIRKOS ISTVÁN (2005) *Sirkka Paikkala, Se tavallinen Virtanen.* In: *Magyar Nyelvjárások* 43, pp. 149–153.
(<http://mnytud.arts.klte.hu/mnyj/43/mnyj43.pdf>)
- PAIKKALA, SIRKKA (2004) *Se tavallinen Virtanen. Suomalaisen sukunimi-käytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921.* Helsinki.
- ROSENWAIKE, IRA (1990) *Leading Surnames among American Jews.* In: *Names* 38, pp. 31–37.
- SCHERR, ARTHUR (1986) *Change-of-Name Petitions of the New York Courts: An Untapped Source in Historical Researches.* In: *Names* 34, pp. 284–301.
- J. SOLTÉSZ KATALIN (1979) *A tulajdonnév funkciója és jelentése.* Budapest.
- SZABÓ ZSUZSANNA KATALIN (2006) *Az ember neve.* MA thesis, ELTE Faculty of Law and Political Sciences, Budapest. Manuscript.
- [SZENTIVÁNYI ZOLTÁN] (1895) *Századunk névváltoztatásai. Helytartósági és miniszteri engedéllyel megváltoztatott nevek gyűjteménye 1800–1893.* Compiled based on original documents by a Member of the Board of Directors of the Hungarian Society of Heraldics and Genealogy.

(<http://kt.lib.pte.hu/cgi-bin/kt.cgi?konyvtar/kt04112203/index.html>)

VERNER, ANDREW M. (1994) *What's in a Name? Of Dog-Killers, Jews and Rasputin*. In: *The Slavic Review* 53, pp. 1046–1070.

WALTHER IMRE (1872) *Névváltoztatások 1817–1871*. The Library of the Hungarian National Archives. Manuscript.

István Hoffmann (Debrecen, Hungary)

Katalin Fehértói (1925–2006)

Katalin Fehértói was born on November 22nd, 1925 in Debrecen, as the youngest child in a family of three children. She finished secondary school at the Calvinist Dóczy High School in her hometown, and continued her studies in the famous Pallag Agricultural Academy. Due to World War II, she could not finish her studies, and her parents sent her to Vienna because the front was approaching. She returned to Debrecen after the War had ended.

Katalin Fehértói married Lajos Kiss, also from Debrecen, who at that time taught Slavic Studies at the University of Debrecen. They spent a few years in Debrecen, but Lajos Kiss's work brought the family to Budapest in 1954. Katalin Fehértói started working as a librarian at the National Institute of Neurosurgery, and in 1963 she continued to work as a librarian in the library of the Hungarian Linguistics Department at Eötvös Loránd University's Faculty of Arts. Her third workplace, from 1972 till her retirement, was Schöpf-Mérei Hospital library. In the 1960s she received a qualification in this field of work as well: she graduated from Eötvös Loránd University with Hungarian-Librarian majors.

Her interest in the Hungarian language and linguistics was first realised in the form of publications from the mid-1960s. She obtained a doctorate soon afterwards, and she received the title of Candidate of Science in 1977 with her dissertation “Magyar személynévadás és társadalmi helyzet a XIV–XVI. században” [Hungarian name-giving and the social situation in the 14th to 16th centuries]. However, her continuously published scientific results are much more important than the titles she received.

She had a homogeneous and a straight-lined career which, by pointing in a single direction, surpassed those of her peers. On the basis of her work, Katalin Fehértói belongs to the most excellent Hungarian historical personal name researchers.

She published her first truly important and therefore many times cited book-size thesis under the title “A XIV. századi magyar megkülönböztető nevek” [Hungarian distinctive names from the 14th century] (Nyelvtudományi Értekezések, Issue 68. Budapest, 1969. 159 pages) after having only a few studies behind her. The 14th century is the century when the Hungarian name system transformed, since, by and large, this is the period when the one-componential names became two-componential. Katalin Fehértói examined the process reflected in the type she called distinctive names (referring to characteristics, ethnic group, profession, family heritage, place of residence or place of birth) on the basis of three and a half thousand names. The author placed great emphasis on identification of name data and the persons behind them, thanks to which she was able to also analyse the names according to social classes. However, she mainly focused on the taxonomic aspect, through which she aimed at drawing a precise picture of the alternation of the name-bearing tradition; especially bearing in mind the issue of names becoming hereditary, i.e. the issue of Hungarian family name development.

Katalin Fehértói was interested in the problems of early Hungarian name giving, especially between the 10th and 16th centuries. Within this period, she was most concerned about the issue of name giving in the Árpád age, between the 10th to 13th centuries. The professional public could get an insight into the author’s vast name corpus already from her first publication. Publishing “Árpád-kori kis személynévtár” [The small name registry from the Arpad age] (Nyelvészeti Tanulmányok, Issue 25. Budapest, 1983. 388 pages) was just one step towards preparing the complete registry of names from the Arpad age. The former contains 6800 personal names from five early sources and they are published with the utmost philological attention and precision. Its most important principle is the idea of unity between name and person, through which, on the one hand, repetitions of the same person can be excluded, on the other hand, with the exact description of the context, we can get a more complete and reliable picture of the persons appearing in the charters.

Katalin Fehértói’s firm, mature, professional knowledge is also reflected in her studies. Fehértói aimed at analysing both individual names and characteristic processes of name change in their historical-social context, during which she readily applied the so-called name-referring method developed by Dezső Pais, who was one of the significant figures of Hungarian onomastics and whose steps she followed. This procedure’s starting point is that the identical real context affects name giving, and consequently, names appearing in the same source mutually interpret each other, which leads to a correct deciphering and explanation of these names.

Katalin Fehértói's historical interest involved the genealogical features of personal names as well as the examination of name-bearing customs of certain social classes. In the analysis of name phenomena, she considered it equally important to present the territorial distribution besides social aspects. Katalin Fehértói was not concerned with toponyms, but since personal names and toponyms are intertwined at several contact points, especially in the data of medieval sources, these two name types occasionally appear together in her studies.

There was a striking research result published on the basis of Katalin Fehértói's "Árpád-kori kis személynévtár", according to which the proportion of personal names developed from common names does not exceed 20 percent of all names. She frequently questioned the etymology of personal names assigned to common names, and she proposed the possibility of borrowings from German or Slavic.

Like other onomasticians from the last decades of the 20th century, Katalin Fehértói thought it important to revise name etymologies which were still in use although already outdated. She had a sense for picking out from the literature the etymologies which contain sheer speculation in place of a much needed proof and attempted to clarify those etymologies with the help of new aspects. These explanations, however, did not always coincide with other linguists' opinions. Consequently, her analyses served as the basis for more or less friendly, shorter or longer debates. Defending her standpoint, Katalin Fehértói readily accepted participation in these debates, in which she invested great effort to validate her ideas basing them on new arguments.

Although Katalin Fehértói provided statements full of scepticism as regards the firm, unequivocal explanation of personal names during her whole career—and she was even more determined in formulating this opinion of hers towards the end of her career—she enriched Hungarian onomastics with a whole series of personal name etymologies.

Katalin Fehértói devoted a whole range of studies to the theoretical questions of personal names, i.e. to certain important types of personal names. She discussed the interpretation problem of the early charters' remnants, focusing on discrepancies in the literature concerning a few famous charters and frequently cited personal names. In independent essays, she presented name forms important from the point of view of personal name development, name forms before family names were established, and toponyms appearing as family names. She discussed family names with the suffix *-fi(a)* as well as personal names ending in *-ta/-te*, and more recently, she brought up the issue of toponyms ending in *-j*, sparking a serious debate with her study. In her last study she examined a few personal and place names from the first Hungarian charter saved in its original form, *The deed of foundation of the Tihany abbey*.

The central thought of Katalin Fehértói was to compile a complete name registry from the Arpad age. At the time of publishing the “Árpád-kori kis személynévtár”, she believed one person’s effort is not enough for an enterprise like this. This belief was supported by the fact that similar projects both in Hungary and abroad were conducted by research communities. Katalin Fehértói, besides her huge devotion, motivation and capability of hard work, found further allies to complete the plan she cherished. Primarily her husband, scholar Lajos Kiss, one of the greatest figures of Hungarian toponomastics, who supported her intellectually and as her soul-mate in the completion of this monumental work. Katalin Fehértói’s open and youthful mind is reflected in the fact that she found her other ally in digital technology. It is true that getting acquainted with the opportunities offered by information technology were a time-consuming and serious intellectual challenge; however, creating a computer database offered new, previously unimagined possibilities for developing a personal name registry. “Árpád-kori személynévtár (1000–1301)” [The name registry from the Arpad age 1000–1301] was finally completed and published by Akadémiai Kiadó in 2004 (Budapest, 896 pages).

In the registry, Katalin Fehértói published the personal name corpus almost in its entirety: the author issued 38,000 names, disregarding frequent names and yet unpublished charters. The issuing was determined by principles and methods which the author established when compiling “Árpád-kori kis személynévtár”, and further elaborated concerning certain details in her other studies.

Bearing in mind the earlier attempts of Hungarian onomastics, and measuring its long-term possibilities, we may consider the registry an important, significant work referring to a certain period. The registry has made it possible for the first time to give a comprehensive view of this name history period significant from the whole Hungarian name corpus’ points of view. Katalin Fehértói herself attempted to synthesize the vast name inventory, but realised that it requires much detailed work—especially in the field of the etymology of certain names—in order to arrive at a reliable characterization of the whole of the name system. We might even agree with this statement of hers, but we should add that the main scientific cornerstones, such as “The name registry from the Arpad age 1000–1301”, do not simply close, but rather open up a new period in a scientific discipline.

Katalin Fehértói’s bond to her hometown, Debrecen, grew stronger towards the end of her life, especially after losing her faithful partner, Lajos Kiss in 2003, who was then buried in Debrecen. Katalin Fehértói thought of Lajos Kiss’s death not only as a loss of a husband, but also as a loss of her main professional referential point on whom she could always depend.

It is the love for Lajos Kiss and her professional respect for him that inspired Katalin Fehértói to found an award in his memory. With this foundation she did not only aim at keeping alive the memory of her husband, but also at supporting the future of the science she loved so much: historical onomastics. Therefore, the Lajos Kiss Award is given to the youngest representatives of the discipline.

The memory of Katalin Fehértói will be retained by generations of Hungarian onomasticians for a long time to come.

István Hoffmann (Debrecen, Hungary)

Kiss Lajos Award

In May 2005, Dr. Katalin Fehértói, a prominent Hungarian onomastician,¹ founded a scientific award with the following conditions:

I have established the scientific award in memory of my husband, Dr. Lajos Kiss, who studied many areas of Hungarian and Slavic linguistics, and achieved excellent results primarily in fields of historical linguistics and lexicography. His monographs and more than four hundred publications are evidence not only of his deep expertise in the field, but also of his wide general knowledge of literature and interest in cartography. The central area of his work was onomastics, especially historical toponomastics. His main work was his “Földrajzi nevek etimológiai szótára” [Etymological dictionary of geographical names] reprinted five times, which set the bench-mark for Hungarian research in historical toponomastics.

Since Lajos Kiss was born and attended school and university in Debrecen, and throughout his whole life was attached to his birthplace (furthermore, he started his career as a university lecturer at the University of Debrecen); and since, on his request, he rests in peace in Debrecen, I entrust the University of Debrecen, more precisely, the Faculty of Humanities and the Department of Hungarian Linguistics with the administration of the award. My choice was motivated by the fact that I myself was born in Debrecen and finished primary and secondary school there.

¹ Review of her study “Árpád-kori személynévtár” [Personal name registry in the Árpád age] (1000–1301), cf.: *Onomastica Uralica* 5, pp. 96–101.

The name of the award founded in his memory is the *Kiss Lajos Award*, and may be awarded to domestic or foreign researchers under the age of forty, whose work has enriched Hungarian research in historical personal name or place name onomastics with significant new scientific results. The basis for the award may be a scientific book of outstanding value (monograph, dictionary or other work), as well as a scientific career reflected in uniformly high standard publications and studies.

I will place the funds serving as the basis for the award in a separate bank account. The prize money is the rationally rounded current interest on the capital plus the yearly interest on the capital, calculated for the year preceding award presenting. Besides the prize money, the awardee also receives an ornamental memorial certificate. The award is presented every 2 or 3 years, and the committee will need to decide unanimously in each case. A unanimous decision is also needed with respect to the person awarded. The members of the committee are entitled to make suggestions concerning the awardee.

The Lajos Kiss Award is decided on by a four-member committee. The members are: the founder of the award, Dr. Katalin Fehértói (Mrs Lajos Kiss), Dr. István Nyirkos professor emeritus (University of Debrecen), Dr. László Solymosi professor (University of Debrecen). Her grandson, László Orosz junior will represent the founder of the award when she is incapacitated and after her death. The president of the committee is the actual Head of the Department of Hungarian Linguistics, University of Debrecen; at the time of foundation of the award, it is Dr. István Hoffmann, associate professor. The committee members may pass a resolution about personal changes in the committee by a unanimous decision. By a unanimous approval of the committee, anybody (private person, institution or company) can increase the equity if they are in agreement with the founder's objectives. The committee's unanimous decision is needed for the modification of the deed of foundation.

The award giving ceremony will take place on Lajos Kiss's birthday, June 2, at the University of Debrecen. The board of trustees will present the award for the first time in 2006.

Budapest, May 5, 2005

Dr. Fehértói Katalin

For the first time, Lajos Kiss Award is given on the basis of the founder's suggestion, which, unfortunately, the committee could discuss only after Katalin Fehértói's death.² By a unanimous decision, in 2006, the committee made the award to Dr. Valéria Tóth, assistant professor of the Department of Hungarian Linguistics, University of Debrecen, on the basis of the following justification.

Valéria Tóth's career so far has basically embraced a decade; her first article was published in 1996. In all her studies she deals with linguistic issues of toponyms, almost always from a historical perspective. In the centre of her work is the early old Hungarian period.

Valéria Tóth is a productive author: she has published two books, 20 articles and further studies—including three books—as a co-author. Her work, besides the above noted homogeneity, does show a certain degree of variety: she systematically and consistently chooses and presents topics involved in her research. She discussed structural issues of early toponyms, possessive attributive phrases, the appearance of toponyms in other toponyms, the lexical structure of names, as well as the semantic relationship between the above. The dialectological-onomato-geographical relations of names was a topic of several of her studies. She analysed both the general nature of these and their concrete characteristics present in certain areas. Recently, she has been successfully dealing with historical phonological issue of names: phonotactic features of names, non-etymological sounds of names. Her latest topic is the change model of toponyms.

Her work, besides the philological precision essential for historical linguistic analysis and the necessary criticism of sources, is characterised by an interest in the theoretical background of all the above-mentioned topics. In her articles, she aims at presenting all the preceding literature, emphasizing the importance of continuity in scientific research. Diversified knowledge, however, emerges from a unified, mature perspective and is built into a clear theoretical framework. Her articles published so far would make up a book.

Her studies have appeared in prestigious forums, her work was published in *Magyar Nyelv*, *Magyar Nyelvjárások*, *Névtani Értesítő*, *Folia Uralica Debreceniensia*, *Onomastica Uralica*, *Helynévtörténeti Tanulmányok*. Besides, she wrote for conference and celebration volumes as well. The reflection of her work is shown by the number of references to it, which exceeds one hundred. Valéria Tóth is an active participant in scientific conferences in topics that interest her: she has delivered lectures at onomastic conferences,

and among others she gave talks at the Congress of Hungarology and the International Congress of Hungarian Studies.

Valéria Tóth, besides her numerous articles, has published two monographs. These two related works connect analysis and synthesis—as also emphasised by Dezső Juhász in his review. One of the books, “Az Árpád-kori Abaúj és Bars vármegye helyneveinek történeti-etimológiai szótára” [The etymological dictionary of toponyms from Abaúj and Bars comitats in the Árpád age], presents early toponyms from the region specified in the title throughout three hundred pages; and the other book, of almost the same length, discusses the theoretical background of these, under the title “Névrendszertani vizsgálatok a korai ómagyar korban” [Onomastic studies of the early old Hungarian period]. These books are characterised by the merits mentioned above regarding her articles, but what needs mentioning beyond these is that with these two books Valéria Tóth has created a new genre in Hungarian onomastics: regional toponymic monographs with a historical perspective.

Besides the above, we also have to note as her merit that Valéria Tóth gladly conducts research as a member of our research group and as a co-author. With Anita Rácz and István Hoffmann, she published the first and second volume of “Helynévtörténeti adatok a korai ómagyar korból” [Toponymic data from early old Hungarian period], and with Edit Hlavacska she compiled a selected bibliography of Hungarian onomastics. Her work was also indispensable in the creation of the first volume of “Korai magyar helynévyszótár” [Dictionary of Early Hungarian Toponyms]. She is a co-editor of the *Helynévtörténeti Tanulmányok* [Studies in Toponomastics] published in Debrecen.

Up to this point, Dr. Valéria Tóth’s research career in the field of Hungarian historical toponomastics reflects serious scientific results of high standard and one which can count on appreciation by the profession. On the basis of this, the board of trustees of the Lajos Kiss Award has found her worthy of the scientific prize to be awarded for the first time.

Debrecen, July 2, 2006.

István Dr. Hoffmann
President, Board of Trustees

Reviews

Andrea Bölcskei (Budapest, Hungary)

Two books on the settlement names of the old Bihar comitat

Rácz Anita, *A régi Bihar vármegye településneveinek nyelvészeti vizsgálata* [Linguistic examination of the settlement names of the old Bihar comitat]. Debrecen, 2005. 235 pages.

Rácz Anita, *A régi Bihar vármegye településneveinek történeti-etimológiai szótára* [Historical-etymological dictionary of the settlement names of the old Bihar comitat]. Debrecen, 2007. 372 pages.

The Institute of Hungarian Linguistics of the University of Debrecen has been engaged in onomastic workshop activities of a high quality regarding the toponyms of the Old Hungarian age (896 to 1526) for more than ten years now. The objectives of the research team include the building-up of a computer database of the toponyms present in the documents of the Early Old Hungarian age, arranged according to linguistic aspects, but also easy to handle for the representatives of associated disciplines (<http://mnytud.arts.unideb.hu/nevarchivum>), the publication of dictionaries based on this (ISTVÁN HOFFMANN, ANITA RÁ CZ, VALÉRIA TÓTH, eds., *Helynévtörténeti adatok a korai ómagyar korból* [Data from the history of toponyms from the Early Hungarian Age], Vols. 1 and 2, Debrecen, 1997 and 1999, respectively; ISTVÁN HOFFMANN, ed., *Korai magyar helynévszótár* [Dictionary of Early Hungarian Toponyms] Vol. 1, Debrecen, 2005), and the presentation in the form of monographs of the macro- and micro-toponyms of each Old Hungarian comitat. The basis of the uniform theoretical framework used for the analysis of toponyms was elaborated by the leader of the research team, ISTVÁN HOFFMANN in his work entitled “Helynevek nyelvi elemzése” [Linguistic analysis of toponyms] (1993, Debrecen; reprinted in 2007, Tinta Könyvkiadó, Budapest). As a result of the detailed research work, several quality papers for student’s conferences, theses and doctoral dissertations analysing the toponym material of Hungarian comitats from the age of the Árpád dynasty have already been prepared, and several have already been printed in the series entitled “Magyar Névarchívum Kiadványai” [Publications of the Hungarian Names Archives] launched for publishing new results of the study of the history of toponyms in 1997 edited by ISTVÁN HOFFMANN (including ÁGNES BÉNYEI, GERGELY PETHŐ, *Az Árpád-kori Győr vármegye településneveinek nyelvészeti elemzése* [Linguistic analysis of the

settlement names of Győr comitat in the age of the Árpád dynasty]. Debrecen, 1998; VALÉRIA TÓTH, *Névrendszertani vizsgálatok a korai ómagyar korban* [Examinations of the name system of the Early Old Hungarian age]. Debrecen, 2001; VALÉRIA TÓTH, *Az Árpád-kori Abaúj és Bars vármegye helyneveinek történeti-etimológiai szótára* [Historical-etymological dictionary of the settlement names of Abaúj and Bars comitats from the age of the Árpád dynasty]. Debrecen, 2001; RITA PÓCZOS, *Az Árpád-kori Borsod és Bodrog vármegye településneveinek nyelvészeti elemzése* [Linguistic examination of the settlement names of Borsod and Bodrog comitats from the age of the Árpád dynasty]. Debrecen, 2001). The two volumes to be presented here by ANITA RÁCZ are related to the onomastic research work of the Institute and the realisation of the objectives of the research team, based on the doctoral dissertation of the author.

The volume presenting the settlement names of the old Bihar comitat in the form of a historical-etymological dictionary (*A régi Bihar vármegye településneveinek történeti-etimológiai szótára*, 2007) processes old settlement names of the comitat by collecting the material of several historical sources. The two major sources used by Anita RácZ when preparing the dictionary were Zsigmond Jakó's "Bihar megye a török pusztítás előtt" [Bihar comitat before the Turkish destruction] (Budapest, 1940) and György Györffy's "Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza I." [Historical Geography of Hungary in the Age of the Árpád Dynasty] (Budapest, 1963, pp. 567–692) which she supplemented with corresponding data from other works. The aim of the author was to collect the occurrences of settlement names of the old Bihar comitat with the aim of completeness from the first mentioning of settlement names until the end of the 16th century, and to provide us with a linguistic analysis of name forms. Following the practice of the above-mentioned "Korai magyar helynévszótár", the entries of the dictionary in the volume (pp. 17–312) are not different name forms referring to the same denotate but name forms being morphologically the same or having a difference of a single morpheme only, even when these do not refer to the same settlement: this arrangement highlights possible differences between the formal structure of settlement names and facilitates the utilisation in linguistics of the name material. The author separates historical data of the same names referring to different denotates by numbering them; and she indicates the belonging together of name forms referring to one and the same denotate showing a significant difference in their morphology and name structures (that is, being individual entries) by reference. The entry word is followed by the determination and localisation of the denotate and then settlement name data are presented in chronological order and in a letter-by-letter transcription, by accurately indicating the source. The second part of the entries discusses circumstances of the creation of names, the motivation behind

name-giving and the linguistic analysis of name forms, taking into account the opinion of the literature. The utilisation of the dictionary is facilitated by two indices, one being that of letter-by-letter transcribed forms (Betűhív alakok mutatója, pp. 315–350) and the other that of name elements within settlement names (Névelemmutató, pp. 351–353). Following the indices, the bibliography used for the preparation of the entries follows (Irodalom, pp. 355–365). The volume also includes a map presenting the localisation of settlements in Bihar comitat before the 17th century, with an index (Névmutató Bihar vármegye térképéhez, pp. 367–372).

The other volume (*A régi Bihar vármegye településneveinek nyelvészeti vizsgálata*, 2005) is based on the analysis of the data of the historical-etymological dictionary; and it consists of five major chapters. The first chapter (Bihar vármegye településtörténete [The settlement history of Bihar comitat], pp. 11–21) provides us with the geography of the old Bihar comitat, including its diverse terrain and hydrogeological situation; and also with the history of its inhabitation by a population of different ethnic origins (Hungarian, Székely, Turkish, Slavic, Romanian) as well as of its secular and religious administrative organisation, based on a rich literature in history and linguistics. When determining the order of settlement of different ethnic groups, following the method for settlement history launched by János Melich and István Kniezsa in the first half of the 20th century, the author highlights the role of toponyms.

The second chapter of the book on the history of the science (*A magyar történeti helynevek kutatásának története és módszerei* [History and methods of the research of Hungarian historical toponyms], pp. 22–37) presents the major events and results of Hungarian toponymic research in a chronological order and thematically within each era, from the beginnings to the end of the 20th century. We can follow how the researchers realised the significance for language history of geographical names originating from old times and the importance of the regular and methodical linguistic examination of toponyms after the initial period when they were concerned with special toponyms only. At the same time, the complexity and interdisciplinary character of onomastics is emphasised, that is, its links with and value in the historical sciences, ethnography and linguistics. The author presents the emergence and development of the principles and methods of historical and synchronous name collection in this chapter and she highlights the special importance of the work of Imre Révész, Károly Szabó, Frigyes Pesty, Attila T. Szabó as regards this process. Major research directions (e.g., the mainstreaming of the name physiology aspect as launched by Lajos Lőrincze; the toponym typology direction as initiated by István Kniezsa, elaborated by Géza Bárczi and then revised by Gyula Kristó; and high quality toponym

etymology research by Lajos Kiss and Loránd Benkő) manifest themselves within onomastics, which outgrew the status of an auxiliary discipline of history and became independent. The author goes into more detail as regards important volumes of studies of Hungarian name historians (e.g., Miklós Kázmér and András Mező) being the most innovative in the systematising and analysis of historical toponyms. Anita Rácz pays much attention to highlight and evaluate works (e.g., the historical monographs of comitats by Zsigmond Jakó and Károly Mezősi) and parts of works from each era discussing the settlement names of the old Bihar comitat. In systematising the name collection as compiled by her, the author follows the toponym analysis model as elaborated by István Hoffmann as a theoretical framework, the basic principles of which are presented by her at the end of this chapter.

In the next chapters of the volume, the author makes conclusions in the fields of historical linguistics, dialectology and name history based on the collected settlement names. Chapter 3 (*Az ómagyar kori Bihar vármegye településneveinek hangtörténeti elemzése* [Analysis of the phonetic history of the settlement names of Bihar comitat], pp. 35–65) first discusses the factors facilitating linguistic separation and linguistic unification with regard to the early history of the Hungarian language, and then it makes conclusions in the fields of language geography, name dialectology and phonetic history. During her analysis, the author is right to examine the settlement names concerned not in isolation and separated from the linguistic state of the era but, where necessary, compares these with the toponyms of other comitats in the Old Hungarian age; also, she pays attention to conclusions arising from the general history of the phonetics and vocabulary of the Old Hungarian age. Anita Rácz describes all the major changes in the history of sounds of the Old Hungarian age with the help of settlement names as linguistic data (e.g., labialisation, lowering, two open syllables trend, vowel intrusion, adaptation by front/back vowels in a word, changes in diphthongs; elimination of consonants, shift of the place of sound formation, depalatalisation, affrication, consonant loss, consonant intrusion, changes in consonant relationships, sporadic vowel changes; haplology, contracting) and she highlights features characteristic of the Eastern dialect in settlement names, although she finds it difficult to judge the relationship between transcribed forms and oral sounds due to the deficiencies of the original written records. During her examinations into the history of sounds, the author first examines changes in the history of sounds in the Old Hungarian age as regards vowels and then consonants and, finally, syllables. Her method is the following: following the naming and definition of the change in the history of sounds, she deducts the original form of the settlement names based on the etymology of common words being the basis of settlement names within this phenomenon, and then she states and characterises the change according to available

recorded toponym data. Where possible, the author tries to provide us with chronological and local features of the phenomenon in the history of sounds according to the data and to specify our knowledge in the field. The material collected mainly from charters is suitable for this: according to actual or deducible dating of the many charters remained from the Old Hungarian age, the beginnings and ends of periods when changes in the history of sounds occurred can be determined more accurately and form variants characterising the period of the change may be traced better in charters. As to conclusions in the field of historical dialectology, the author states that features characteristic of Eastern dialects are well reflected in the early toponyms of Bihar comitat; see, for example, the preference for upper and illabial vowels, and forms with *l* in closed syllables as well as the more frequent usage of forms with hiatus.

The fourth and longest chapter of the volume (*Bihar megye településneveinek leíró elemzése* [The descriptive analysis of the settlement names of Bihar comitat], pp. 66–171) examines the names of the period between the occupation of Hungary (896) and the end of the 16th century, that is, the whole Old Hungarian age and the very first decades of the Middle Hungarian age. Anita Rácz discusses the two poles of the descriptive and structural analysis of settlement names, i.e. the functional-semantic analysis identifying, name parts and their roles in name formation and the lexical-morphological analysis presenting linguistic forms as used in settlement names together, stressing the links between the two levels of analysis. By way of supplementing, where data allow it, she refers to processes of the history of formation and changes participating in the creation and modification of names, too. The analysis is supplemented by the presentation of related parts of the rich material in the literature on settlement names and the contrast of often contradictory research opinions. The examination of toponyms is based on name part functions and is conducted along semantically determined name types. The author discusses settlement names relating to tribes, peoples, occupations (in this context, also to positions and services), persons, patrocines, buildings, markets, the flora and fauna, local relationships and features in a separate chapter and she presents name parts denoting the type of the place, those with a naming and with a differentiating function and the group of names which cannot be analysed. The structure of sub-chapters presenting each name type is uniform and logic: the author presents first the definition of the name type and then summarises conclusions of the literature as regards the type. With reference to all name types, she touches on the origins of names, possible motivation of name-giving, the situation of name creation, the internal semantic division of names belonging to a given type, the origins, and meaning of appellatives and proper names from which names originate as well as the chronological and language geographical features of

the name type. Specific problems of each name type are discussed, too, e.g., the occupations of the residents of Hungarian settlements with tribal names, or the issue whether the fashion in Hungary of giving settlement names originating from patrocines is the result of an external influence from Western Europe or is an internal development in Hungary. Then the structure of settlement names in the old Bihar comitat belonging to the name type is analysed: first basic forms of a single part and, within this, those without formants and those with suffixes functioning in name formation are presented; then two-part names follow which present the name type as a basic part and those which present it as a supplementing part with a basic part being a geographical common word or a settlement name with detailed statistics and rich data. Name parts providing a related location name occurring mostly as distinctive elements of names of two parts and those referring to features have to be discussed in a special way: here the existence or lack of a name form containing an antonym pair or another contradicting attribute and the existence or lack of contemporary form variants supplementing the name forms concerned shall affect the actual analysis. As regards name forms with a function referring to the type of the place, the author examines settlement names containing a geographical common name referring to the character of the settlement and discusses the frequency, chronological features, possible changes and possible semantic and lexical categories of prefixes related to appellative second parts in Bihar comitat. The chapter concludes with presenting the settlement names of the comitat following a name differentiation, paying special attention to the presentation of second parts being settlement names with a naming function as the basic part of individualised names and also to that of attributive first parts with various meanings being complement parts.

Chapter 5 (Bihar megye településneveinek keletkezéstörténeti elemzése [The analysis of the history of the creation of the settlement names of Bihar comitat], 172–222) presents us with possible methods of the creation of settlement names of the former Bihar comitat. As Anita Rácz herself mentions, the history of the creation of settlement names can be ascertained only when settlement names occur frequently in historical records. Despite the available wider or narrower range of data, the author is able to describe the name-forming habits prevailing in Bihar comitat in the age. Names given by the Hungarians are created most frequently by semantic name-creation and, within this, by metonymic name-giving in the comitat. As regards other types of semantic name-creation being possible in theory, name moving contributed, too, although only to the creation of a single settlement name. As to morphematic construction as a possible way of name-giving, we are informed about which formants participated in name-creating processes in what proportion and subject to which lexical constraints. The author pays

special attention to those elements from which it is evident that the given suffix was used as a toponym formant by the one-time name-giving community and she studies the time limits of the productivity in Bihar county of each toponym formant and also the chronology of the birth of name-forms without or with formants referring to one and the same settlement. Settlement names created with syntagmatic construction are described as frequent name forms, although being homogeneous for the history of creation by Anita Rácz. The author finds examples in Bihar comitat for every type of structural change, including reduction and expansion of name elements and ellipses and supplementation of name parts. Settlement names which gained new meanings due to folk etymology, or those being uncategorisable as regards their formation are only a small part of the whole name collection concerned. In this chapter, the changes occurred in the studied period and eventual lexical constraints of change types are also presented apart from the possible cases of the creation of toponyms in Bihar comitat. At the end of the book, we find a bibliography.

The two books which study the settlement names of the old Bihar comitat convince us that the analysis of the oldest Hungarian toponyms in charters from the Old Hungarian age, being early remnants of the Hungarian language, contributes considerably to historical onomastics, and the possible conclusions are equally relevant for the history of language and of dialects.

Ferenc Biró (Eger, Hungary)

Névtörténet — magyarságtörténet

[History of names — history of the Hungarians] In: Nyelvi identitás és a nyelv dimenziói. Eds. István Hoffmann–Dezső Juhász. Debrecen–Budapest, 2007. pp. 9–216.

At the 6th International Congress of Hungarian Studies held on 22–26th August 2006, the representatives of Hungarian Studies presented the results of their most recent research, raised scientific problems and discussed them within the profession. The organisers of the congress applied a symposium system as the consultation mode. The individual presentations at the symposia were more or less closely connected to the main theme of the congress and analysed connections within certain sub-areas of the topic in order to shed light on recent scientific results.

The volume contains the presentations given at the symposia as well as studies written on the basis of the presentations. Eighteen of the “Névtörténet — magyarságtörténet” symposium presentations and twelve of the “Regional and social name changes in the light of historicity” were included in the volume.

The written versions of onomastic presentations are published in the first structural unit of the volume, as a collection of articles investigating the relationship between the Hungarians and personal name history. Within this unit, presentations follow each other as they did in the program of the congress, and the review is also structured to present the articles according to a more or less closer connection between the topics.

The first section of the onomastic articles deals with issues related to historical Hungarian toponyms (pp. 11–112) and the second section deals with personal names (pp. 113–216).

The title of the volume, “Névtörténet — magyarságtörténet”, refers to the editors’ view of the intertwined history of our nation and our language (and within them our personal names) which is significant for researchers in both fields. Justification for this view can be found in the given articles.

ISTVÁN HOFFMANN (Language reconstruction – ethnic reconstruction, pp. 11–20) approaches the issue from a theoretical perspective. He gives a general review of the theoretical and research-methodological questions of contemporary scientific use of early old Hungarian toponyms as an important source for identifying and investigating the history of the ethnic character of the people in the Carpathian basin in the early period (primarily 10–15th century). He attempts to shed light on the ways of discovering new reliable scientific information on the basis of linguistic sources, using linguistic tools and relying on previous research results on the people living in Árpád dynasty Hungary. He lists the research responsibilities and requirements in the field of toponym-reconstruction which the studies focusing on given periods should abide by. He gives an outline of aspects needed for a more complete cognition of historical linguistic changes: the importance of toponym-etymology, newer criteria for toponomastics, denotative meaning and onomato-systematic embeddedness. Analysing the earliest period of the life of Hungarians in the Carpathian basin, he formulates the most current task of the historical toponomastics for the near future: the monographic processing of settlement names of tribal or ethnic origin, names referring to professions, personal name toponyms and certain derived toponyms types; a general overview of alternation processes of toponyms and the language-sociological situation of old settlement names.

The author of the second article, RITA PÓCZOS (Borrowed names and loanwords, pp. 21–8) attempts to give additional information to a more complete presentation of linguistic-ethnic relations of the same period, with a similar aim and standpoint and using a similar general theoretical and methodological approach. She chooses from the aspects listed in the previous article, and aims at finding support for one of the partial issues of toponym-etymology: in order to determine the ethnic group naming the settlement, she seeks to distinguish a toponym type that is difficult to classify. She attempts to distinguish settlement names formed from loanwords which were borrowed as common names and foreign origin names borrowed as personal names (occasionally the latter have the same form). Her final conclusion is that this type, in itself, without further sources, offers little help in unequivocally determining the name-giving community.

The following eight articles on history of toponyms are similar in that they all reach back to the beginning of age of the Árpád dynasty; what is more, the first four have in common the fact that they each analysed a certain toponym type.

ERZSÉBET GYÖRFFY (Studies of our hydronyms, pp. 29–36) gives an overview of one of her research programs: she wishes to discover hydronyms and hydronym systems of certain regions in the Carpathian basin, from the Hungarian Conquest till the 20th century, aiming at formulating generalisations valid for the whole Hungarian language territory. The author considers it necessary to apply a multitude of aspects (synchronic and diachronic) in order to acquire deeper knowledge of this type of toponym. She follows through her complex research to get a more reliable picture of the etymology of hydronyms, of the mode of their genesis, of the unique motivation for name giving, of the linguistic tools used and of the temporal and spatial change of certain names and their name systems; of the characteristics of hydronyms which differ from those of toponyms; of the historical name giving relation between hydronyms and other toponyms; of the place of hydronyms in the Hungarian toponym system, and their connection to other sub-systems, etc. And through all these, she aims at drawing a more reliable picture of the history of the name-giving and name using community.

KATALIN RESZEGI (The relationship between mountain names and other toponym types, pp. 37–43) sheds light on the different types of early old Hungarian toponyms. She focuses on relief names and shows that they have an especially close connection with settlement names. Both sub-groups of toponyms were productive in creating other toponym types.

An equally controversial issue in history and linguistics is the identification of Kabar tribes (and other fragmented tribes) who joined the Hungarian tribes taking part in the Hungarian Conquest. The assumption that we have

toponyms originating from tribal names and ethnic names, as well as behaving like them, has inspired ANITA RÁCZ (About settlement names with a pseudo-tribal origin, pp. 45–55) to deal with this type of toponym. In her study, she includes settlement names hiding hypothetical names of their tribes (*Bercel, Berencs, Berény, Böszörmény, Kalán, Káliz, Ladány, Oszlár ~ Eszlár, Örs, Ság, Székely, Tárkány, Varsány*). She used linguistic means. On the one hand, she compared the typological characteristics of settlement names considered to belong to this name group with those that undoubtedly belong to it, and she also compared them to the typical features of settlements of ethnonym origin; and on the other hand, she gives an overview of the relations between the above and personal names. The author conducts her comparative analysis on the basis of toponyms found in FNESz. Using its data, she concludes that certain members of the pseudo-tribal names are typologically closer to ethnonyms and other members to tribal names. The author, however, implies that reaching a more diversified answer to the question, i.e. drawing a more probable picture of ethnic relations in the past requires a multi-aspectual analysis of a more complete inventory of this group, in other words, basically an analysis of name data individually.

VALÉRIA TÓTH also deals with Hungarian settlement names (About the change sensitivity of settlement names, pp. 57–65). The author surveys how prone this name type is to alternation, re-evaluating the earlier opinion expressed in professional circles that this toponym type is relatively stable. On the one hand, by comparing settlement names from two regions, she concludes that names with a transparent lexical-morphological structure have more probably gone through a morphological change than names without a transparent lexical structure. On the other hand, among partial changes of settlement names, she distinguishes between those structural alternations that are due to and originate from the toponym system and those that regard vocabulary on the whole. She discusses the former in more detail, even providing its chronology. In her opinion, “the majority of linguistic changes happened up to the 16th century, after that, changes mainly refer to adding distinctive attributes” (p. 63).

ÁGNES BÉNYEI (The role of the derivational suffix *-j* in toponyms, pp. 67–77) discusses a toponymic derivational suffix *-j ~ -aj/-ej* which was productive till the end of early old Hungarian period. She reviews opinions from major professional studies and complements them with her own observations and conclusions. Its behaviour and its temporal productivity makes the toponymic suffix *-j*, considered independently by the author, different from other early old Hungarian derivational suffixes, especially from *-i*, but primarily calls attention to the necessity of more detailed analysis of the toponymic suffix *-j* in order to gain more insight into the early old Hungarian

name forming; and it should be done by taking into consideration morphemes of similar function and the multiple aspects together, as is done in the article.

ILONA FÁBIÁN KRISTÓNÉ also examines toponyms of the early old Hungarian period. She justifies a phonological phenomenon, the appearance of *ü* and *ö* in toponyms, their early form and their temporal and spatial spread on the basis of data from an early linguistic record, *Váradi Regestrum* (Short labial palatals in a few toponyms of the *Váradi Regestrum*, pp. 79–87). Her partial analysis does not contradict the earlier history of phonological findings but rather confirms them.

RÓBERT KENYHERCZ discusses toponyms of foreign origin from the last two or three decades of the early old Hungarian period in order to diversify the knowledge of the reasons, starting point and processes of a Hungarian phonological (phonotactic) constraint, the word-initial consonant cluster (The reflection of ethnic relations in the alternations around word-initial consonant cluster, pp. 89–96). He concludes that linguistic changes, and therefore phonotactic processes, in toponymic data from charters originating from a mixed, bilingual community require an approach more complex than the one applied so far.

BÉLA KOCÁN aims at contributing to a more precise reconstruction of the ethnic composition of a comitat from the age of the Árpád dynasty by using linguistic analysis and etymological systematisation of the given region's known toponymic fragments (The linguistic levels of toponyms in Ugocsa comitat from the age of the Árpád dynasty, pp. 97–112). The toponyms' spatial and temporal distribution refers to a weaker Slavic (until 11th century) and a stronger Hungarian presence (after 11th century), primarily in the river valleys of plains. Names of German and Rumanian origin are not present in the name stock of the region.

The following four studies dealing with personal names are connected to the research of Hungarian family names which has boomed in the recent past.

JÁNOS N. FODOR (Lexical-morphological analysis of natural family names, pp. 113–129), among several analysis possibilities, chooses the word class category and the morphological structure of name antecedents and functional name components which serve as a basis for natural family name giving and which carry the motivation for name giving. His research is based on the 14–17th century family name stock from the Miklós Kázmér's "A régi magyar családnevek szótára" [Early Hungarian family name dictionary]. He presents types, sub-types and proportions of the components' morphological structure, components of personal, place, common name and adjectival origin. In the early Hungarian family name inventory, though not in

large proportion, but there is distinct separation of complex, two-componential names of mixed origin: the *Kis/somos*, *Nagy/pósa*; the *Balázs/deák*, *György/bíró*; the *Alsó/nagy*, *Vég/kós* type.

ISTVÁN KOZMA deals with another large group of family names, artificial family names, or to be more precise, family name changes from a socio-historical and socio-psychological perspective (The social functions and personal motivations of family name changes in the 19–20th century). Although the title of the article does not imply it, the study offers a concise history of scientific evaluation of family name changes in Hungary, and it refers to further complex (socio-historical, onomastic, socio-psychological, historical psychological and mentality historical) tasks and research possibilities in the topic, as well as giving information about getting access to sources.

Closely connected to the last topic is TAMÁS FARKAS's article, which is basically a cultural historic, lexico-semantic case study (*Kárpáti*, *Kárpáthy* and *Kárpáti*'s, pp. 147–164). Through a multi-aspectual approach to the *Kárpáti* family name and its type, missing from the historical Hungarian family name stock for history of name and typological reasons, the author sheds light on the wide-ranging connections of the Hungarian family name changes, on their relation to other scientific fields, on the validity of a joint survey with the help of most diverse sources and on the possible methodological variety of this analysis. TAMÁS FARKAS's study is an analytic model and example of a history of name and its type, born in the middle of 19th century at the time of the first wave of family name changes, and in the 150 years which have passed since then became an organic part of the Hungarian family name corpus due to literary influences and romanticism in general, as well as mentality historical and linguistic factors.

DEZSŐ JUHÁSZ (In addition to the morphology and semantic connotation of Magyarised family names, pp. 165–173), among the possible motivations for new family name choices in the family name change process, attributes a linguistically distinctive role to the morphological division and semantic connotation of word-building elements. In his case-study serving as a model for further research he also used the name hungarisation data from 19th century (influenced by national romanticism as an important ideological-cultural factor). The author sees the reasons of frequent choice, popularity and spreading of a single morphological tool, *-ányi*, *-ényi* derivational suffix in a multitude of factors. Among these factors, he reviews and justifies the joint impact of grammatical analogies and semantic connotations.

The last four articles of the volume deal with different approaches to personal names.

First, FERENC ÖRDÖG (Settlement, worship-historical and sociological motivations of first name fashion in the 17–18th century, pp. 175–183) follows through the fashion of first names in the west Hungarian region in the period after Turkish reign and after different mixtures of Hungarian peoples, i.e. at the end of 17th and at the beginning of 18th century. From the point of view of motivation for first name choices the final conclusion of the analysis is that there is not much difference regarding fashionable names in certain settlements, not even regarding those with medial frequency, the so-called characteristic names. Names frequent already in the Middle Ages (*János, István, Ferenc, Mihály, György, András, József, Márton, Pál, Péter; Erzsébet, Judit, Anna, Mária, Katalin, Éva, Ilona, Zsuzsanna, Julianna, Rozália*) have ruled the name fashion in the selected period, irrespective of ethnicity, social situation, profession and denomination.

FERENC VÖRÖS (Name translation and name alternation in a bilingual context, pp. 185–199) reports about the consequences of the tragic events in the 20th century, the changes in name giving and name use due to arbitrary, political alternation of state boundaries which made Hungarians citizens of foreign states and the impact of state language. He bases his report on research in Slovakia (Upper Hungary). Among contact impacts concerning first name choice, first name use of Hungarians in a minority context after 1920, he chooses slovakianisation of Hungarian first names by translation and other means. He justifies the continuous strengthening of the (Czecho-) Slovakian state and state language impact, the formation of practice of Hungarian and Slovakian name change for pragmatic and other reasons, the withdrawal of Hungarian first name use, and the further spread of Slovakian first names primarily in formal and official language use contexts and discourse situations and later in informal situations.

JUDIT TAKÁCS details her views on the change of meaning of first name, i.e. their commonisation (Fashionable names and frequent names in the light of meaning change, pp. 201–208). She lists all the factors whose joint alternation causes linguistic changes like this, and which lead to a development of common name meaning, its stabilisation, lexicalisation.

JUDIT KECSKÉS chose a topic in connection to one of the important periods in Hungarian name history and history of Hungarian people, reformation (“National names” and the names of national self-consciousness, pp. 209–216). At the beginning of 19th century, as a consequence of national self-consciousness, national revival and language reform, certain first names (*Árpád, Csaba, Géza, Gyula, Béla, Kálmán, Zoltán, Aranka, Etelka, Piroška, Rózsa, Enikő*, etc.) revived and spread, became frequent. The author concludes, on the basis of her data, that these names spread independently of denomination, and independently of belonging to an ethnic group; to a ma-

majority of them a national reference or national feature was attributed later, as secondary information.

Among the proper name studies found in the “Névtörténet — magyarságtörténet” part of the volume there is an equal proportion of articles dealing with place names and personal names. The topics of the former group are related to the same period (early old Hungarian) and the conclusions aim at contributing as much knowledge as possible to the history of the Hungarians, going beyond the narrow scope of the history of toponyms. The articles concerning personal names are more heterogeneous, both with respect to time and personal name types they deal with, and as a consequence, they are more diverse, but also in connection to other, primarily historical and sociological fields of science. To summarise, the 18 studies present a reliable picture of the diversified nature of modern Hungarian proper name research, and gives an idea of the main topics with which contemporary historical linguists are dealing.

Attila Hegedűs (*Piliscsaba, Hungary*)

Helynévtörténeti tanulmányok 1–2.

[*Toponomastic studies*] Eds. István Hoffmann–Valéria Tóth. University of Debrecen, Department of Hungarian Linguistics. *A Magyar Névarchívum Kiadványai* [Publications of the Hungarian Names Archives] 8. Debrecen, 2004. 207 pages. *A Magyar Névarchívum Kiadványai* 11. Debrecen, 2006. 224 pages.

With “A Magyar Névarchívum Kiadványai”, the Department of Hungarian Linguistics of the University of Debrecen intends to launch a new series. This is the Department which has rightfully become the major centre of Hungarian onomastics under the planning, governing and organising hand of István Hoffmann. The onomastic subprogramme of the University’s post-graduate program keeps publishing high quality doctoral theses year by year. These theses, together with other publications of the University—especially publications of sources—are a clear proof of a blooming workshop and team work. The product of this joint workshop work is the first volume with its eight articles.

Interdisciplinarity, applied cultural history, onomastics as an auxiliary science of historical geography and history of language, the self principality of onomastics—these key words come to the reviewer’s mind after reading the

first volume. The articles of the first volume are therefore not homogenous; they do not resemble each other: István Hoffmann pays attention not to weigh heavily on his students becoming his later colleagues. His impact, however, is indisputable and is detectible in two phenomena: the onomastic framework developed in 1993 and successfully applied by many people is an organisational force in two articles of this volume; furthermore, an overwhelming majority of the studies presented here uses the historical geography of Árpád-age Hungary written by György Györffy as their source material and their topic is the onomastic use of this material.

The first and, at the same time, the longest article (pp. 9–61) in the volume was written by ISTVÁN HOFFMANN about the linguistic background of toponymic remnants of documents. The article is complex both in its line of thought (what is more, even stylistically!), refers to Loránd Benkő and looks for an answer to two questions. Firstly, why Hungarian toponyms, anthroponyms, appellatives and structures occur in foreign language texts. This question primarily researches the reason for inclusion. The second question, i.e. what kind of linguistic use do they represent, whose linguistic use do they reflect, is more a question of objective: does conscientious language use and the effort to develop an individual (written) norm influence a more frequent use of certain words and structures?

Hoffmann's answer to the first question is that the presence of Hungarian remnants in Latin texts is not due to the inability of scribes to translate them. He puts down the presence of Hungarian words to the joint impact of several factors. Among these, by no means the most important is the role of legal security. However, among the possible explanations we can also mention the European document issuance practice which included occasional vulgar words and structures embedded in the Latin text. Besides all this, we can not exclude a certain arbitrary character, even some linguistic insecurity. To the other question, that is, whose language use do these remnants reflect, the literature has given two answers up to now: they may reflect the dialect of the scribe-draftsman but also the dialect of the region. There are arguments for both approaches. Earlier, the view that the remnants, especially because of their legal security role, are the most faithful forms of a given region's dialect was an almost exclusive explanation. At the same time, it was not simple to decide how to judge the appearance of changes of forms which occurred in the above texts already: are they orthographic variations or impressions of pronunciation reflecting phonetic differences? The author tries to resolve this dilemma through the analysis of the occurrence type of toponymic remnants. Through the examination of the Latinised forms of hydronyms in documents he finds that the notaries found Latinised forms close to the Hungarian ones, and in this way, creatively changed the linguistic facts.

The same thing is present in the characteristic types of settlement names: in names of nationwide significance, in settlement names of church origin, in names complemented by an attribute or in names containing a geographical name. According to Hoffmann, the extent of the consistence in these cases is such that “we can see a manifestation of a certain norm which has developed during derivation” (p. 37). Through a further analysis of other toponyms the author proves that the frequent joining of Latin geographical names to Hungarian toponyms served better understanding; in other words, the scribes changed the data to a certain extent in these cases as well. There are also two other geographical names, *bérc* and *patak*, which occur in document remnants with particular frequency as common words. Since other geographical names belonging to this category are present in the document remnants only sporadically, we can conclude that the two words (beyond their general meaning) reflect the unificatory norm, the effort of the document issuing practice of that period.

The next article is ANITA RÁCZ’s and its title is: “History of population and toponymic research” (pp. 63–89). In her study, the author describes the relations in the old Bihar county with the help of toponyms. From a linguistic point of view, settlement names with ethnonyms and borrowed settlements can be covered by the analysis. It is an important methodological principle that toponyms of anthroponymic origin containing a personal name of foreign origin, if they stand on their own, without any derivative affixes, can only be products of Hungarian name giving. Since, however, the testimony of toponyms on their own is occasional, it is necessary to take into account the results of archaeology and history when we draw conclusions about settlements from settlement names.

Anita Rácz conducts her research taking all this into account. She established that after the Hungarian Conquest the Magyars primarily settled in the region between Berettyó and Sebes-Körös, in the Middle Ages arrived to the south, to the headwaters of Sebes-Körös, in the Fekete-Körös valley to Belényes and in the Fehér-Körös valleys to Józás-patak (Józás stream). The Székelys temporarily resided on the territory of Bihar; their centre could have been Telegd—as implied by toponyms which were moved to Transylvania (e.g. *Küsmöd* stream name). In the beginning, Hungarian met Slavic people in the north, later, possibly as a result of an organised domiciliation, the Slavic people spread. This is shown in the settlement names having *Tót* ‘Slovakian’, *Orosz* ‘Russian’ and *Cseh* ‘Czech’ words. Besides Slavic people, names testify the presence of Pecheneg, Wallon and German people in smaller numbers. Romanian population settled in the region of Belenyés no sooner than the 13th century. In the Middle Ages strong Romanisation took place, as proven by first appearances of toponyms of Romanian origin.

The questions of ÁGNES BÉNYEI's study (Topoformants and their variants in the early old Hungary age, pp. 91–104) are variants and synonyms, i.e. whether we can talk about topoformants as a separate category of derivatives since they are toponymic derivatives only secondarily and have developed from a common name function. When discussing the first question, we have to keep in mind to always formulate our standpoint regarding the issue of variant versus two different derivatives in the given synchronicity. When comparing the two possibilities, the important factors are origin of the derivative, its functional identity and morphological behaviour. Derivatives problematic from an alternational point of view are: a *-d/-t*, *-d/-gy*, *st/-sd*, *-i/-j*. According to the author, the proof that they belong together is in the triaspectual analysis shown above. The members of the derivative pair, however, cannot be considered alternates, since there are strong functional differences between them, although their origin is common.

RITA PÓCZOS presents linguistic layers of the hydronym system of Garam and Ipoly (pp. 105–127). She based her research on Lajos Kiss's study on "Upper Hungarian hydronyms". The author is able to separate three layers in the given territory: layers of Hungarian, Slavic and old European (more commonly referred to as Indo-European) origin. These layers can be separated semantically and morphologically. It is most likely that Indo-European origin can only be detected in *Garam* and *Ipoly*. The difference between Hungarian and Slavic names is that the latter usually form by adding a for-
mant to the base, whereas the former are usually formed from bases without derivatives. There are differences between the two areas, though: the Hungarians borrowed the Slavic names from the Garam region unchanged, in the area of Ipoly, however, these often became two-componential names.

ERZSÉBET GYÖRFFY analysed almost 1000 data of 300 water features (The characteristics of the lexical structure of hydronyms from the Árpád age in the area of Sajó watershed, pp. 129–144). She used István Hoffmann's toponym analysis typology. She differentiates between monocomponential and bicomponential names, whose proportion is 42 : 58 in the examined area, which is almost the same as the 49 : 51 proportion valid for the whole of the country. The group worth noting is the group of names showing a shift from one-componential to two-componential ones (*Holboka* [monocomponential hydronym] > *Holboka pataka*): in these instances the one-componential one is earlier than (or at least contemporary with) the two-componential one. According to the author, the appearance of possessive suffixes in structures is probably due to "the demand to conform to the name type with the majority".

KATALIN RESZEGI's study (*Bérc*, *hegy* and *halom* in the old Hungarian toponyms, pp. 145–165) may be important for the further studies of the au-

thor herself, but it has very little scientific value. Based in the material published by Györffy, the author compiled the data store of the three above mentioned geographical names, examines the question of their origin, their medieval distribution and their name creating relations with a praiseworthy amount of background information.

GYÖRGYI DUDÁS (Labialisation starting from the end of the word in the early old Hungary, pp. 167–182) utilizes the medieval toponyms in their auxiliary role. Her question is rather exciting: do the early old Hungarian toponyms support the canonical statement of earlier literature (especially Bárczi textbook summary, 1967) according to which the $i > ü$ change preceded the $ě > ö$ change (Bárczi 1967, pp. 155–157, 179). In Bárczi (p. 179) only the 13th century fits: in the case of $i > ü$ this is the finishing point, whereas in the case of $ě > ö$, the starting point. As suggested by the author's data compilations, the two processes are temporally closer to each other in the case of toponyms. The merit of this study therefore is not that it proves the earlier starting point of the $i > ü$, but that it shows (maybe even independently of its initial intention) the joint force of the two changes (namely, I would not dare assign the beginning and the end of the 13th century to two separate synchronies). However, since the issue is probably more complex than the one outlined here, I would like to draw the author's attention to a few new studies in the topic (Hegedűs Attila, *Helynevek a helyesírás-történet és a nyelvjárástörténet szolgálatában* [Toponyms and the history of orthography at the service of history of dialects]. In: *Névtudomány és művelődéstörténet*. Eds. Lajos Balogh és Ferenc Ördög. Zalaegerszeg, 1989. pp. 96–99; István Kenesei, *Történeti nyelvtan: elmélet és gyakorlat* [Historical grammar: theory and practice]. Magyar Nyelv 91 [1995], pp. 281–291; Mária Gósy, *Hangtörténeti változások feltételezett okairól* [About the assumed reasons of historical linguistic changes]. Magyar Nyelv 94 [1998], pp. 276–283; Attila Hegedűs, *Zur Wandlung des Systems der kurzer Vokale des Ungarischen in der urungarischen und der altungarischen Zeit*. In: *Acta Linguistica Hungarica*, Vol. 49 [2002], pp. 85–94).

The final study in the volume is VALÉRIA TÓTH's (Archaisms and neologisms in Hungarian toponyms, pp. 183–207). Changes in a given synchronicity show either a cause-effect relation or can be traced back to the same antecedent. Archaism and neologism are therefore correlative notions: in a given synchronicity either lexeme can be both, depending on what it is contrasted with. This author showed the presence of this issue by examining the name entries of FNEsz.

Her study extends to toponyms as base word and toponyms as derived words. The following variations are characteristic of the base word: besides the standard one, the toponym preserves an archaic and a neologue variation

(*Monyorókerék ~ Mogyoród ~ Pusztamagyaród*), besides the standard one, the toponyms preserves an archaic form (*Diód ~ Algyógy*), and besides the standard one, the toponym preserves a neologue variation (*Besenyő ~ Besnyő*). In derived words, the original form may appear in toponyms as a preserved archaism (*lapu > Lapuhas* [the name of the mountain slope which preserves the *h* in the original Slavic word]), or the derived word may show a particular neologue characteristic (*kapu > Kapos* [instead of *kapus*]). The conclusion of the study: toponyms do preserve a lot of archaisms, but at the same time a lot of archaic phenomena are actually neologisms rooted in the unique characteristic of the toponym. The process of losing the appellative feature favours the processes which affect the part of the word which became a name and is not regulated by the system. This experience chooses the toponymic system as the primary ground for the analysis of toponyms.

The second volume of the “Helynévtörténeti tanulmányok” are articles presented at the onomastic seminar which took place in May 2006 in the Sík-főkút research house of the University of Debrecen. The Department of Hungarian Linguistics, University of Debrecen, admittedly wants to set up a tradition with this seminar, which puts forward professional consultation: let discussion replace presentations read aloud; let ideas, even those which may not have received scientific acceptance gain ground, let the representatives of young blood have their say. Thanks to this organisational work the words of the preface (“In the next volume we are expecting articles from all researchers in the field”) inspired more people, so the second volume brought studies by thirteen authors.

The first article in the volume is ANITA RÁCZ’s article on linguistic issues concerning toponyms of tribe name origin (pp. 9–29). The author searches for the answer to “how did tribe names classify into the Hungarian toponymic and personal name system” and what kind of linguistic characteristics they show during the process. These names, together with the names of nations, people and professions, belong to the group of social group names. Their joint analysis (whether they can become personal names and how) is the focus point of Anita Rác’s study. Her findings are the following: from tribe names toponyms can, but personal names rarely develop, however, personal names often develop from ethnonyms. Toponyms may have developed directly from profession names but also with personal name mediation and the same can also be said for ethnonyms. The next question: does an element of a social group name become a toponym on its own or through a morphological stage? Anita Rác found that derivational morphemes are not characteristic of tribe names transforming into toponyms (only 4% is like this), however, 40% of toponyms derived from ethnonyms and profession

names were formed by a derivational morpheme. The author experienced similar proportions when she analysed the case of geographical name addition. Her final conclusion: toponyms of tribe name origin—similarly to borrowed names—form a closed group, they do not have linguistic variants. The former were, probably for historical reasons, fossilized at an early stage (the token of the tribe as an entity ceased to exist, the toponym that derived from it functions only as a label).

The starting thesis of VALÉRIA TÓTH's study (About the change of toponyms formed from a church name, pp. 31–46) is the following: “the patrocinium name types have not developed on the bases on name models, but rather from the above, with the support of the church, as a kind of cultural name type” (p. 32). This fact could have influenced this name type's inclination to change. The author examines the linguistic appearance of this inclination to change from the point of view of semantics, morphological change (syntactic and morphological change) and complex change process (name disappearance, name differentiation, name integration). Valéria Tóth believes the reason for rooting of this name group is exactly its movement: language users adapted the ready name forms to the most different name and change models, consequently, this new name type could integrate into the Hungarian settlement name system exactly due to its changes. However, although the reviewer does not argue with the statements concerning the process, he would place the focal points somewhere else. Namely, while Benkő (MNy. 103 [2007], p. 411) mentions western cultural impact and the “cooperation of the Roman Church”, the author changes the formulations to “church support” (p. 32) and “church initiative” (p. 44). Through these statements she can cast doubt on the “spontaneous linguistic act of the language community” (quotation from Benkő, p. 408) and on the national characteristic of name giving. In my opinion, Benkő's nuanced approach is closer to the reality: the role of the church was not that of the initiator but of the acceptor. It is worthwhile reading Sándor Mikešy's writing on this topic (Névtudományi vizsgálatok, 1960, p. 172): the fact that Christian names were more common in the 13th century and that by the end of the 14th century they almost completely replaced secular names, is a sign of a European development tendency. Namely, the medieval church did not care about names: as an example Mikešy mentions the Landberg monastery where all the 21 nuns in 1195 had German names. The cult of holy names is a cultural trend of the 13–14th century, when people tended to name an illness, grass, ship, village, day after saints. Mikešy emphasises: it is the seculars who had this urge, not the clergy (but the clergy was of course not against it). The church ordered the avoidance of pagan names only in the second half of the 16th century, after the Council of Trent.

ANDREA BÖLCSKEI's presents us the historical relevance of her doctoral thesis in her article. The diachronic analysis of the settlement name correlations which developed spontaneously. In Hungarian administration, unanimous toponym identification became necessary in the 18–19th century. Correlative differentiation of toponyms had existed before this date, too, in cases when name identity became a disturbing localisational factor (this was primarily present within a county but occasionally also across county borders). The author examines the spontaneous differentiations on the basis of three synchronic segments (13–14th century, 15–16th century, and the turn of 18th and 19th century) and 14 counties. She finds that the majority of correlations change though time and only a minority stay unchanged. In any case, this spontaneous practice served as a sample for the functioning of one settlement—one name principle at the end of 19th century, when the official settlement name organisation started.

ISTVÁN HOFFMANN analyses the Deed of Foundation of Tihany Abbey (*Huluoodi, Turku, Ursa*) (pp. 67–82). Through listing and criticising the solutions known so far he presents his theory to the reader: in *Huluoodi* it is not the *hull* infinitive but the orthographically erroneous *holló* (I am reminded of Benkő's warning: supposing orthographically erroneous words leads to mistaken conclusions and should be accepted only as a last resort!). The author reads *turku* as [*türkü*] and identifies it as the Töreki (puszta) near Siófok. Although the Deed of Foundations talks about *ad lacum Turku*, according to Hoffmann, this denomination could have referred to the settlement's lake. The names final etymon is the *türk/török* ethnonym which became a toponym through a personal name mediator. In the analysis of *Ursa* he rejects the possibility of palatal *Örs* reading of the word because of the word-final *-a*. He prefers the **urosa* personal name explanation, whose common word basis is *úr* or *orr*.

ERZSÉBET ZELLIEGER (The *u[gr]in baluuana* data from the Deed of Foundation of the Tihany Abbey, pp. 83–86) explains that the digital photo in the newest edition verifies György Györffy's reading: in the problematic part of the Deed it is not „*ad [uiam] baluuana*” (as assumed before), nor is near the problematic part a 1409: *possessio Vgron*. The quoted idol could have been the stone column of this.

Numerous interesting issues are dealt with in RITA PÓCZOS's study “The linguistic-ethnic composition of the population of Árpád age Borsod county” (pp. 87–105): the relation between name giver and name user, the integration steps of borrowings, the issue of names which can be etymologically analysed in several ways, the connections between microtoponyms and the ethnic affiliation. All these should be taken into account if we want to characterise a given region's ethnic composition at a given period of time with

the help of toponyms. Rita Póczos based her analysis on the first occurrence of toponyms, and grouped them according to periods, areas and name types. The northern and southern part of the comitat was separated by an unpopulated area, and the analysis of the names shows an almost exclusive chronological dominance of Hungarian names, while the northern part had a significant Slavic population somewhere in the past, but in the examined period it could be neither proven nor denied.

BÉLA KOCÁN edited the toponyms of Slavic origin of the Ugocsa comitat from the early old Hungarian age (pp. 107–127). The entries contain localisation, the precise source of the name format and its etymology.

GÁBOR KISS and BALÁZS ZÁGORHIDI CZIGÁNY's cooperation is a good example that history and onomastics can cooperate and utilise each other's results. Their study is entitled "The historical toponymic data of a microregion" (pp. 129–157). The authors, besides medieval documents, analyse handwritten maps from the 18–19th century, toponymic material of our time, and compare all this to archaeological site observation. This is how they attempted to describe the historical geography of Sár-víz basin on Vasvár's eastern border. They establish of the present day field name that it contains the names of former property owners and that we can find a direct connection between the 13th century names and the names from today. The comparison of historical data helps in the interpretation of names whose etymology became vague or which got a new meaning through ethnic etymology (e.g. *Szarakad* ~ *Szarka-lap*). The integral part of their study is the data store which contains all the historical names of the microregion together with the ownership history explanations. At the end of the article there are maps (Gábor Kiss' drawings) reflecting the relations in Árpád age Hungary.

KATALIN RESZEGI's compares toponyms of two mountain ranges, the Északi-középhegység as the southern and the Selmeci-hegység, Jávoros and the Szlovák-érchegység as the northern mountain range in her study called "The comparison of toponym inventories of two mountain ranged in Árpád age Hungary" (pp. 159–80). Her basic questions are the following: what kind of characteristics do the toponyms of the two mountain ranges have which would refer to the name giving population (Slovakians in the north and Hungarians in the south), are there differences in Slovakian and Hungarian name giving, what kind of language formulation is more characteristic of the south and which of the north? The study, based on the analysis of name components, states that Slavic name giving prefers one-componential names and that Hungarian names giving prefers two-componential ones. What is more, Slavic names show morphological and Hungarian names show syntactic editing. Certain type of mutual influence can be observed as well: the

southern part's Slavic names conform to the Hungarian pattern (they become two-componential in a greater proportion).

FERENC BÍRÓ examined the 157 toponyms of the preserved 65 documents from the Árpád age Heves county (pp. 181–193). The data contain 33 hydronyms, the majority of which are two-componential. The area around waters is represented by 9 names, relief by 13 names and they are all also two-componential. (Among the edifice names there is *molendinum sancti Barnabe* [St. Barnaby mill] from 1275 which confirms what we have stated above regarding patrociniun names: saint names were trendy then.) However, the majority of the settlement names (59 out of 75) is one-componential. The majority of the latter was created via metonymical name forming. A unique group of toponyms are the Episcopal settlement names, but this is the consequence of the material's characteristic: the analysed documents all came from the church archives.

The phonotactics of the Ancient Hungarian and early old Hungarian age does not allow word-initial consonant clusters. However, foreign (especially Slavic) linguistic effect coming through borrowed appellatives and names causes exactly these. To embed these into the structure, the Hungarian language applies the following methods: epenthesis before the cluster (*iskola*), epenthesis within the cluster (*barát*), deletion of the first or second consonant (*csuka*, *szabad*), vocalisation (*unoka*) and the acceptance of consonant cluster (*friss*). RÓBERT KENYHERCZ in his study entitled “The word-initial consonant clusters beginning with *s* and *sz* in the old toponyms” (pp. 195–206) examines the adaptation of borrowings on the basis of early old Hungarian age: how do the early Slavic toponyms show the embedding of words and through this the acceptance of Hungarian language. One third of the almost two hundred examples shown in the study are evidence that Hungarian applied epenthesis at the beginning or in the middle of a cluster within a short period of time. The author found 31 names which preserved the original consonant cluster structure and then gave in to epenthesis. 75 names show the cluster which, according to the author, is the sign of the epenthesis rule losing its exclusivity within a short period of time. The author sees phonotactic/phonological reasons in the solution/preservation dilemma. However, RÓBERT KENYHERCZ does not order his data chronologically (he collects data until 1350), but considers all of them as belonging to one synchronicity (he justifies his method by claiming that the data form the beginning of the 12th century and those from the middle of 14th century are not different, p. 199). This method, however, is not complete according to the reviewer, the same way as the sole example of consonant deletion is not an adequate example for this embedding strategy (what is more, it could be that

this example is due to erroneous spelling, p. 203) (cf. FNEŠz. *Csikvánd* and *Csorba-tó* name entries: former Slavic *scs*; *Szenyér* name entry, former Slavic *szv* ceases to exist through deletion).

With the breakthrough of information technology, the opportunities are almost unforeseeable: appropriately recorded data stores and good programs the linguist gets help which could not have even be dreamt of only a few years before—JÁNOS M. BÁRTH informs the reader. “The linguistic analysis of toponyms from Háromszék with the help of information technology methods” is the title of his study (pp. 207–217). The digital linguistic geographical data inventory, which for the time being handles only Attila T. Szabó’s Transylvanian toponymic material offers an opportunity to search for personal names and their elements, their grouping, ordering in time and space, creation of maps. Through the printed pages of the program the study presents and discusses the steps of linguistic search and processing done with the program. The limit is the relatively small amount of data in the inventory but its expansion is merely a matter of time (and money).

In the final study of the volume GÁBOR MIKESY presents the more than two-decade long name comparison work of the Institute of Geodesy, Cartography and Remote Sensing in his work called “Geographical name inventory” (pp. 219–244). The aim of this work is to revise map name writing, in order to avoid errors: a local one-time committee is involved, the linguist-cartographer revises the traditional name inventory, determines the valid one from the variants and ensures it by line localisation in the map. In the meantime, numerous problems have to be solved from the ad hoc nature of localisation (certain areas may converge) to dialectal and orthographic issues. So far almost half of the country’s territory (1550 settlements) has been processed, due to which the name material at the disposal of the Institute of Geodesy, Cartography and Remote Sensing increased to 700 000 (approved use and localisation).

The first two volumes of the “Helynévtörténeti tanulmányok” present a steady quality. I would advise the editors not to let the high standards evidenced in the first two volumes drop.

Erzsébet Győrffy (Debrecen, Hungary)

Várnai Judit Szilvia: *Bárhogy nevezzük...*

A tulajdonnév a nyelvben és a nyelvészetben

[No matter what we call it... Proper Names in Language and in Linguistics]
Tinta Könyvkiadó, Budapest, 2005. 98 pages.

1. On the basis of the subtitle (Proper Names in Language and in Linguistics), Judit Szilvia Várnai's book belongs to those discussing the linguistic aspects of proper names. However, already in the second paragraph of the "Introduction", the author dispels our illusion of getting a clear-cut answer to the question "What is a proper name?", so her study is more a situation report on what is currently going on in linguistics, described by the notion of proper name research.

She justifies the impossibility of answering the question by traditional linguistics using a Kuhnian line of thought, in Hungary hallmarked by VERA BÉKÉS and KLÁRA SÁNDOR: "the study of linguistics as a whole has been in crisis for the last hundred years" (p. 11). Besides the lack of paradigm shift, the author talks about the lack of dialogue and reflexion between linguistic approaches and about the growing self-serving purpose of linguistics research topics.

In the author's opinion, traditional linguistic analyses are essentially incapable of grasping the essence of language. First of all, because "language is not a system that can be fragmented, so that choosing certain aspects of language and founding special disciplines on these aspects leads to missing the point about language itself" (p. 11, the author's parentheses omitted by E. Gy.). Secondly, traditional linguistic analyses are inappropriate because in linguistics, "the discussion of the phenomena transforms into an earlier discussion of the phenomena at a metatheoretical level [...], and, on the other hand, due to lack of empirical material it may be based on hypotheses" (p. 12). As an alternative path, instead of a formal logic approach to linguistics, Judit Szilvia Várnai proposes LÁSZLÓ MÉRŐ's translogic line of thought, which applies viewpoints from arts and metaphysics.

The introduction of this work (pp. 9–13) looks at linguistics from a standpoint wider than the issue of proper names. However, this short detour is entirely justified in a theoretical study of this kind, since it supplies a valid framework to the explicitly critical approach of the study.

2. The first chapter of the book (What is a proper name?, pp. 14–37) is interested in why the class of proper names developed at all, in the first place.

After presenting and evaluating the different viewpoints, we can say that Judit Szilvia Várnai accepts that the proper name is a linguistic phenomenon and a language universal. However, as she claims, “their existence is not absolutely necessary since every proper name can be paraphrased by an appellative” (p. 14, author’s highlight omitted by E. Gy.). She justifies their existence with pragmatic reasons: “they are needed to realise economical, effective communication and to permit society to function” (p. 16). Various disciplines (for example, logic, philosophy, linguistics) do not accept an empirically sufficient definition but try to grasp the category of proper names within their own conceptual frames.

First, Judit Szilvia Várnai presents how some exceedingly important philosophers (GOTTLOB FREGE, BERTRAND RUSSELL, LUDWIG WITTGENSTEIN, SAUL A. KRIPKE) perceive formal logic and the history of philosophy—but she merely draws an outline and, contrary to the original aim of her study, she refrains from criticism, since, “not being competent in the areas of formal logic and philosophy, it would be a rather dangerous experiment” (p. 17).

In contrast, the review of Hungarian onomastics studies begins with new critical observations again. While, however, the introduction raised objections concerning linguistics, onomastics is criticised in this part.

Onomastics, which has with increasing frequency referred to itself as an autonomous discipline is basically undefined: the topic of its research is not precisely determined. Besides this, it cannot even be called a unified paradigm: “it is problematic to refer to it as a linguistic approach (an outsider would probably consider it an auxiliary discipline of history or sociology, or statistics) and it is even more problematic to refer to it as a paradigm—especially because of its auxiliary discipline features” (p. 23). The author does not consider self-serving name collecting and ordering (as she defines onomastics) linguistic work, rather, she sees it as a manifestation of the instinctive human interest in proper names.

After these critical remarks, the study surveys 20th century papers in theoretical onomastics in chronological order, highlighting inconsistencies, obscure points and accentuating the pressure to categorise according to traditional grammar systems.

3. The chapter titled “Grammatical approaches to proper names” (pp. 38–63) is the longest part of the study. In the first subchapter, the author assesses the approaches which discuss the issue of distinguishing between appellatives and proper names, since “the border between these two categories is completely blurred, and instead of logic, a different line of thought guides us to decide what each element of the language is considered to be” (p. 38). In

other contexts, Judit Szilvia Várnai refers to cultural-psychological conventions. Relating to other cases, she emphasises the emotional side of name giving, which already leads the reader towards translogic.

In what follows, the author attempts to present works dealing with morphological and grammatical features of names (derivational affixes forming proper names, agreement and the use of articles). As a side thread and in an independent subchapter, the author also discusses the formal extent of proper names. After this, orthographic problems regarding proper names are analysed—although orthography is not a part of language system. Judit Szilvia Várnai, however, considers this partial issue important to discuss, since orthography reflects at least the codifier's (if nobody else's) judgement in grammatical issues.

Following the review of the literature, we experience great insecurity and contradiction in the mentioned areas, so the four approaches of linguistics do not provide an answer to the final question concerning proper names (What is a proper name?).

4. In Judit Szilvia Várnai's work, in the chapter "Proper names and the issue of formal systematisation" (pp. 64–75) we get acquainted with the problems of classifying linguistic elements into word classes, since proper names are also considered elements of language.

After surveying word class systematisation, the author concludes that word class division faces basic problems and contradictions: "besides the stability of certain basic categories, a more detailed classification is not clear-cut at all, something always stands out, and this does not apply to proper names only. However, since it is a human science, firstly, there is no pressure in linguistics as there is in natural sciences to free itself from contradictions and secondly, the power of tradition is stronger, consequently, the basic aspects of word class classification have been peacefully coexisting with the contradictions for a rather long time" (pp. 64–65).

Judit Szilvia Várnai tends to accept that proper names do not necessarily need to be classified in the hierarchical word class system. As linguistic elements, they may be categorised as nouns, but as proper names they are not part of the linguistic system. Certain linguists admit that the proper name is not a linguistic category; consequently, proper names are differentiated according to some extralinguistic aspect. They can be classified formally, but from a syntagmatic and etymological aspect (the most common aspects of name analysis), proper names behave as any other common linguistic element.

The author refers to the model effect more or less present in the systematisation of proper names. On the basis of the literature, she interprets the lack of

a formal model in name giving as a specific, so-called metamodel, and this phenomenon already takes the reader closer to the analysis of proper names as non-formal systems.

5. As an experienced translator, Judit Szilvia Várnai faces the issue of the translatability of proper names on a daily basis. In the fourth chapter of her study (*Proper names as a non-formal system*, pp. 76–91), she discusses names primarily in their relationship between cultures and languages, from the viewpoint of translation.

First of all, the practice of proper name translation strengthens our belief that proper names are language universals, although the judgement of “proper namedness” may be language-specific. Secondly, the instability of translation suggests that “a certain type of intuition, supported by a common cultural knowledge” helps us when we need to decide if translation is necessary (p. 79). Thirdly, “it justifies the standpoint that one need not search for a clear border between appellatives and proper names, and especially not on the basis of linguistic criteria” (p. 84).

In the author’s opinion, we need a notion of the system which can be adapted to the systematicity, change and variety of language. This can manifest itself in translogic (occasionally called intuitive, mythological, mystic, transcendent, etc.) way of thinking, which has distanced itself from the conscious line of thought “in the entire so-called Western culture which bases cognition on an analytic approach, and is becoming less organic” (p. 85).

Judit Szilvia Várnai applies a translogic way of thinking in the chapter least elaborate even in her own opinion, discussing proper names through presenting the phenomena of child language, name magic, name enchantment, totemism, taboo and folk tales. This approach is not alien to linguists, either, since—as she writes—“Among Hungarian linguists, there were a few who used to write about these kinds of things [i.e. name magic and other related topics] as early as in the first half of the century, and this fact may lead us to conclude that this is a kind of latent paradigm” (p. 88).

Unfortunately, the author merely flashes the translogic approach at the end of the study, and intends it only as an inspiration, since one of her aims as set out in the introduction is to suggest that “proper names should be considered a separate category only if language itself is interpreted as a non-formal system” (p. 13).

6. Judit Szilvia Várnai’s work offers both more and less than what the title of the work suggests. It is more because the author discusses different linguistic notions, phenomena (for example, wordiness, word class, slang, the issue of translation), scientific methods, and linguistics itself. At the same time, it may also seem less, because we do not get an answer to the essential

question of onomastics (What is a proper name?), and of course, after reading the introduction we do not even count on it. However, it does not elaborate the alternative approach, although the author admits that it is closest to her own standpoint.

To summarise, Judit Szilvia Várnai's book is a well-written, carefully edited work, with a one-page long English abstract. More than 200 pieces of reference lead us to believe the author is an expert in the topic. We hope to see answers to the questions and critical observations raised by her study.

Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages

Obi-Ugor Languages: Khanty and Mansi*

Compiled by Tatyana Dmitrieva (Yekaterinburg, Russia)

Bibliography

- GORIAČEVA, T. *Onomastic Bibliography 1977–1978. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 25 (1981), p. 346–347.
- GORIAČEVA, T. *Onomastic Bibliography 1975–1976. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 23 (1979), p. 733.
- NÄRHI, EEVA MARIA—KORHONEN, RITVA *Onomastic Bibliography 1982–1984. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 28 (1985–1986), p. 398–399.
- NÄRHI, EEVA MARIA—KORHONEN, RITVA—GORIAČEVA, T. *Onomastic Bibliography 1990–1991. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 31 (1992–1993), p. 340.
- *Onomastic Bibliography 1988–1989. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 30 (1990–1991), p. 371–372.
- *Onomastic Bibliography 1985–1987. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 29 (1987–1989), p. 436.
- NORVIK, MADIS—PALL, VALDEK *Onomastic Bibliography 1972–1973. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 19 (1975), p. 341–342.
- *Onomastic Bibliography 1971. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 18 (1974), p. 270–271.
- *Onomastic Bibliography 1969–1970. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 16 (1971), p. 796–798.
- ÖRDÖG, FERENC *Onomastic Bibliography 1974. Ob-Ugrian*. In: *Onoma* 20 (1976), p. 561.
- SCHLACHTER, WOLFGANG—GANSCHOW, GERHARD *Bibliographie der uralischen Sprachwissenschaft 1830–1970*. 1–3. Wilhelm Fink Verlag, München 1974–1986. 2: p. 1121–1124.

* In Volumes 1a and 1b of *Onomastica Uralica*, we published a selected bibliography of Uralian languages (Debrecen–Helsinki, 2001) containing the literature on this subject until 1999. In Volume 5 of OU we published the bibliography of works between 2000 and 2005 in a form similar to that bibliography. However, the parts of Obi-Ugor languages were not included in these volumes for we were not able to find an expert to undertake the task. In this volume we are making up the lack. (For the list of abbreviations, see OU Vol. 1a: pp. 11–22, and Vol. 5: pp. 171–172.)

Place Names

AFANASYEV, A. P. • Афанасьев, А. П. *Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник*. Сыктывкарское книжное издательство, Сыктывкар 1996. 208 p.

— *Роль терминов jуган, еган и ја в образовании некоторых формантов речных названий европейского Севера*. In: *Топонимика* 1 (1967), p. 28–29.

— *Общая основа гидронимов на -ju, -ug, -eg, -juga, -uga, -ega, -jуган, -еган, -ја*. In: *СФУ* 2 (1966), p. 303–307.

ALISHINA, KH. SN. • Алишина, Х. Ч. *Угро-самодийские топоформанты в структуре гидронимов юга Тюменской области*. In: *Культурно-генетические процессы в Западной Сибири*. Томск 1993, p. 131–133.

ANUFRIEVA, Z. P. • Ануфриева, З. П. *Субстратная топонимия угорского происхождения в бассейне Печоры*. In: *CIFU-6/2* (1990), p. 11–13.

— *Топонимы угорского происхождения в бассейне Печоры*. In: *Серия препринтов «Научные доклады»* 139. Сыктывкар 1985. 10 p.

ARSLANOV, L. SH.—KAZAKOV, Y. P.—KOREPANOV K. I. • Арсланов, Л. Ш.—Казаков, Е. П.—Корепанов, К. И. *Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э.—XIV в. н.э.)*. Елабуга 1993. 140 p. Введение. — Археологические памятники III–XIV вв. Восточного Закамья. — Этнокультурная стратиграфия археологических памятников. — Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья: Актанышский район. Муслюмовский район. Мензелинский район. Тукаевский район. Нижнекамский район. Сармановский район. Заинский район. Лениногорский район. Азнакаевский район. Бавлинский район. — Проблемы изучения этнокультурной истории финно-угров и самодийцев Восточного Закамья. — Заключение. — Условные сокращения языков и диалектов. Список топонимов и гидронимов Восточного Закамья финно-угро-самодийского происхождения. Указатели к рисункам.

ATAMANOV, M. G. • Атаманов, М. Г. *Об угорских названиях в удмуртской топонимии*. In: *Проблемы изучения древней истории Удмуртии*. Устинов 1987, p. 28–30.

BATALOVA, S. • Баталова, С. *О хантыйских топонимических легендах*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 8–9.

CHAYKO, T. N. • Чайко, Т. Н. *Детерминативы в русской топонимии хантыйского происхождения на территории нижнего Прииртышья*. In: *Вопросы ономастики* 12. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1977, p. 124–130.

— *Из наблюдений над топонимией Нижнего Прииртышья*. In: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. Материалы Всесоюзной конфе-

- ренции (3–5 июня 1976 г.). Томский государственный педагогический институт, Томск 1976, р. 140–143.
- CHICHIMOVA, L. • Чичимова, Л. *К проблеме русской адаптации мансийских по происхождению топонимов Кондинского района Тюменской области*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, р. 45–46.
- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Орнитотопонимы бассейна реки Казым и религиозно-мифологические представления ханты* In: *Ономастика в кругу гуманитарных наук*. Материалы международной научной конференции (20–23 сентября 2005 г.). Уральский государственный университет, Екатеринбург 2005, р. 231–233.
- *Отражение традиционных промысловых занятий ханты в топонимии бассейна реки Казым (рыболовство)*. In: *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий*. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции к 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Издательство Томского государственного университета, Томск 2005, р. 246–249.
- ***Топонимия бассейна реки Казым*. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2005. 580 р.**
 Предисловие. – Введение: Физико-географическая характеристика бассейна реки Казым. Краткий очерк истории Казымского края. Этническая ситуация в регионе. История изучения бассейна реки Казым и источники сведений о топонимии региона. Краткий обзор литературы по топонимии ханты и ненцев. Транскрипция и транслитерация хантыйских топонимов. Особенности казымского диалекта и его говоров, представленные в топонимии. – Структура хантыйских топонимов: Компонентный состав хантыйских топонимов Казыма. Структурные типы и модели. Эллиптированные топонимы. Комплексы топонимов. Части речи в составе хантыйских топонимов. – Детерминанты сложных топонимов: семантика и функционирование. Термины, обозначающие природные объекты. Термины, обозначающие культурные объекты. – Атрибутивная часть топонимов: природа и человек в зеркале хантыйской топонимии Казыма: Физико-географическая и экологическая характеристика местности. Сведения о прородных объектах (Ландшафт. Характеристика относительного местоположения объектов). Сведения о свойствах и качествах природных объектов (Свойства и качества самих объектов. Флора региона. Фауна региона). – Человек и его деятельность: Наименования жителей (Апеллятивы. Антропонимы). Традиционная культура ханты: Традиционные формы хозяйства и природопользования. Материальная культура (Рыболовство. Охота. Оленеводство. Домашние животные. Пути и средства передвижения. Постройки, сооружения. Быт (лексика, связанная с бытом и домашним хозяйством). Типы поселений). Духовная культура. Религиозно-мифологические представления ханты: К типологии священных мест. Компоненты топонимов, указы-

вающие на сакральность или примечательность называемого объекта (Апеллятивы. Имена духов-охранителей и других сверхъестественных существ. Названия изображений духов). Священные деревья. Роль мифологии и фольклора в формировании топонимической системы бассейна реки Казым. – Лингвоэтнические контакты на Казыме и их отражение в топонимии: Казымские ханты и другие народы (Северные ханты. Ненцы. Коми. Манси. Татары. Русские). Топонимы с неясной этимологией. – Заключение. – Приложения: Священные и примечательные места казымских ханты (карта и ее описание). Список источников и использованной литературы. Список информантов. Указатель сокращений.

Review: GOLOMIDOVA, M. V., Известия Уральского государственного университета 41/11, серия 2 (2006), p. 274–278; SZÉKELY GÁBOR, FUD 13 (2006), p. 242–245; MULLONEN I. I., Вопросы ономастики 4. Екатеринбург 2007, p. 134–137; СЕКЕЙ, ГАБОР Б., Onomastica Uralica 5 (2007), p. 114–118.

- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Топонимия бассейна реки Казым как источник сведений о традиционных промыслах ханты (охотничий промысел)*. In: *Известия Уральского государственного университета* 39/10 (2005), p. 152–162.
- *Хантыйско-ненецкие контакты на территории бассейна реки Казым по данным топонимии*. In: *CIFU-10/2* (2005), p. 49–50.
- *Запретная река Сорум*. In: *Ономастика и диалектная лексика* 5. Сборник научных трудов. Edited by Рут, М. Э.—ФЕОКТИСТОВА, Л. А. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2004, p. 38–43.
- *Части речи в составе хантыйских топонимов (существительные и прилагательные в топонимии бассейна реки Казым)*. In: *Языки и культура народов ханты и манси*. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию НИИ ОУН (Ханты-Мансийск, 27–30 ноября 2001 г.). Издательство Томского государственного университета, Томск 2004/2, p. 17–34.
- *Географический термин raw в хантыйской топонимии Казыма*. In: *Ономастика и диалектная лексика* 4. Сборник научных трудов. Edited by Рут, М. Э. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2003, p. 28–33.
- *Топонимы неясного происхождения на территории бассейна реки Казым*. In: *Этимологические исследования* 8. Сборник научных трудов. Edited by БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2003, p. 94–110.
- *Глагольные формы в составе хантыйских топонимов бассейна реки Казым*. In: *XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур*. Преподование иностранных и национальных языков. Материалы международной конференции (25–27 июня 2002 г.). Томский педагогический университет, Томск 2002/2, p. 118–125.
- *Карта 3. Священные места хантов (XVII–XX вв.)*. In: БАЛАЛАЕВА, О. Э.—ВИГЕТ, Э.—ГЛАВАЦКАЯ, Е. М.—ДМИТРИЕВА, Т. Н.—КАРАЧАРОВ, К.

- Г.—ЧЕМЯКИН, Ю. П. *Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Тезис, Екатеринбург 2002, р. 85–86.
- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *К этимологии топонимов бассейна реки Казым (история гидронима Выргим)*. In: *Русская диалектная этимология*. Материалы IV Международной конференции (22–24 октября 2002 г.). Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2002, р. 59–63.
- *Путевые описания Г. Ф. Миллера как историко-топонимический источник (на материале топонимии бассейна реки Казым)*. In: *Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.)*. Тезисы докладов. Екатеринбург–Ханты-Мансийск 2002, р. 315–316.
- *Топонимическая картина территории проживания ханты (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов)*. In: БАЛАЛАЕВА, О. Э.—ВИГЕТ, Э.—ГЛАВАЦКАЯ, Е. М.—ДМИТРИЕВА, Т. Н.—КАРАЧАРОВ, К. Г.—ЧЕМЯКИН, Ю. П. *Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Тезис, Екатеринбург 2002, р. 125–148.
- *Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии бассейна реки Казым*. In: *Финно-угорское наследие в русском языке*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Издательство Уральского университета, Екатеринбург 2002, р. 122–144.
- *Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты*. In: *Этимологические исследования 7*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2001, р. 147–153.
- *О современном русско-хантыйском взаимодействии в топонимии бассейна реки Казым*. In: *Лингвокультурологические проблемы толерантности*. Тезисы докладов Международной конференции (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.). Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2001, р. 345–347.
- *Хантыйские топонимы с неясными компонентами на территории бассейна реки Казым*. In: *Известия Уральского государственного университета* 20/4 (2001), р. 72–77.
- *К истории названий реки и села Казым*. In: *Финно-угорское наследие в русском языке 1*. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Екатеринбург 2000, р. 79–87.
- *Коми-хантыйское взаимодействие на Казыме по данным топонимии и географической терминологии*. In: *Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы*. Материалы Международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар 2000, р. 454–457.
- *Язык земли окрестностей Хуллора*. In: *Очерки истории Югры*. Edited by РЕДИН, Д. А.—ПАТРИКЕЕВ, Н. Б. Волот, Екатеринбург 2000, р. 79–87.

- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Казым и манси*. In: *Ономастика и диалектная лексика 3*. Сборник научных трудов. Edited by Рут, М. Э. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 1999, p. 53–66.
- *Карта 3. Священные места хантов (XVII–XX вв.)*. In: БАЛАЛАЕВА, О. Э. — ВИГЕТ, Э. — ГЛАВАЦКАЯ, Е. М. — ДМИТРИЕВА, Т. Н. — КАРАЧАРОВ, К. Г. — ЧЕМЯКИН, Ю. П. *Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)*. Тезис, Екатеринбург 1999, p. 77–78.
- *К истории названий села Полноват*. In: *Русская диалектная этимология* Третье научное совещание (21–23 октября 1999 г.). Тезисы докладов и сообщений. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1999, p. 19–22.
- *Об особенностях отношения к собаке у хантов (по данным топонимии реки Казым)*. In: *III Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: обские угры»* (13–15 декабря 1999 г.). Тезисы докладов и сообщений. Тобольский государственный историко-культурный музей-заповедник, Тобольск 1999, p. 177–180.
- *Топонимическая картина территории проживания ханты (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов)*. In: БАЛАЛАЕВА, О. Э. — ВИГЕТ, Э. — ГЛАВАЦКАЯ, Е. М. — ДМИТРИЕВА, Т. Н. — КАРАЧАРОВ, К. Г. — ЧЕМЯКИН, Ю. П. *Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)*. Тезис, Екатеринбург 1999, p. 113–138.
- *Медведь в лексике и топонимии казымских хантов*. In: *Ономастика и диалектная лексика 2*. Сборник научных трудов. Edited by Рут, М. Э. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 1998, p. 33–39.
- *«Медвежий язык» в топонимии казымских хантов*. In: *Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории*. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Сыктывкар 1998, p. 30–31.
- *Образность в топонимии казымских хантов*. In: *Культура народов Сибири*. Материалы Третьих Сибирских чтений. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург 1997, p. 271–279.
- *Топонимические легенды казымских хантов*. In: *Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения*. Международный симпозиум. Тезисы докладов. Петрозаводск 1997, p. 76–78.
- *Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты*. In: *Ономастика и диалектная лексика*. Сборник научных трудов. Edited by Рут, М. Э. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1996, p. 36–44.
- *Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты*. In: *Уральские лингвистические чтения – 96*. Материалы ежегодной региональной конференции. Актуальные проблемы лингвистики 91. Уральский

- государственный педагогический университет, Екатеринбург 1996, р. 18–19.
- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым*. In: *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры*. Сборник статей. В 2 т. Edited by САВЕЛЬЕВА, Э. А. & al. Сыктывкар 1996/2, р. 64–77.
- *Современные тенденции в хантыйской топонимии Казыма*. In: *CIFU-8/5* (1996), р. 224–226.
- *Географический термин вош («городок») в хантыйской топонимии Казыма*. In: *Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири*. Тезисы докладов X Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова. Томский государственный университет, Томск 1995, р. 62–64.
- *Moderne Tendenzen der ostjakischen Toponymie von Kazym*. In: *CIFU-8/2* (1995), р. 27–28.
- *Хантыйские антропотопонимы Казыма*. In: *Узловые проблемы современного финно-угроведения*. Материалы 1 Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола 1995, р. 307–309.
- *Тайны водяного мамонта*. In: *Уральский следопыт* 3 (1994), р. 76–77.
- *«Вес» в топонимии и фольклоре казымских ханты*. In: *Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала*. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. Уральский государственный университет. Екатеринбург 1993, р. 49–50.
- *Природопользование и хозяйственная деятельность казымских хантов по данным топонимии*. In: *Касум-Ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории*. Edited by ГОЛОВНЕВ, А. В. Исеть, Шадринск 1993, р. 53–63.
- *Хантыйская топонимия Казыма*. In: *CIFU-7/1B* (1990), р. 160–165.
- *Ostjakische Toponymie von Kazym*. In: *CIFU-7/2A* (1990), р. 41.
- *Nanti Toponymy on the lower reaches of the Irtysh*. In: *CIFU-6/2*. Тезисы докладов. Сыктывкар 1985, р. 154.
- DMITRIEVA, T. N.—KONTAR', A. Y. • Дмитриева, Т. Н.—Контарь, А. Е. *Топонимия казымских ханты*. In: *Вопросы финно-угорской ономастики*. Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии Наук СССР. Ижевск 1989, р. 142–154.
- *Особенности передачи хантыйских топонимов в русском языке*. In: *Координационное совещание кафедр русского языка вузов Урала, Сибири и Дальнего Востока по проблемам изучения сибирских говоров*. Тезисы докладов. Красноярск 1988, р. 138–140.
- DMITRIEVA, T. N.—PANCHENKO, S. V. • Дмитриева, Т. Н.—Панченко, С. В. *Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии Казыма*. In: *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Тезисы докладов Международной научной конференции. Новосибирск 1995/1, р. 235–237.

- DMITRIEVA, T. N.—PANCHENKO, S. V. • Дмитриева, Т. Н.—Панченко, С. В. *Этнические контакты на Казыме по языковым данным*. In: *Сургут, Сибирь, Россия*. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута (Сургут, март 1994 г.). Тезисы докладов. Екатеринбург 1994, p. 64–67.
- *Ситуативные названия в топонимии казымских ханты*. In: *Язык и прошлое народа*. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1993, p. 168–177.
- DUEZON, A. P. • Дульзон, А. П. *Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока*. In: *Языки и топонимия Сибири 2*. Edited by Дульзон, А. П. Издательство Томского государственного университета, Томск 1970, p. 86–97, + карты.
- *Происхождение субстратных гидронимов на -ым в Приуралье*. In: *IV Республіканська ономастична конференція*. Тези. Київ 1969, p. 97–99.
- *Дорусское население Западной Сибири*. In: *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Наука, Новосибирск 1961, p. 361–372.
- FROLOV, N. K. • Фролов, Н. К. *Избранные работы по языкознанию. В 2-х т. Т. 2. Топонимика и этнонимика*. Издательство Тюменского государственного университета. Тюмень 2005, p. 4–173, 223–234, 334–345, 395–424, 457–470.
- Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья. – Субстратные топонимические финалы как показатель древних лингвоэтнических контактов. – Русские топонимы в угросамодийской языковой среде. – Эндемические географические апеллятивы в языках народов Тюменского Севера. – Семантические модели русских и угорских гидронимов Нижней Оби. – Русские звуковые модификации при адаптации хантыйских топонимов. – Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимии. – Угорский субстрат в системе русской топонимии Нижней Конды. – К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья. – О словообразовательных модификациях в нерусской по происхождению топонимии Тюменской области.
- *Угорская субстратная топонимия как показатель местожительства манси и ханты в XVI–XX веках*. In: *Русистика: Функциональный и семантический аспекты*. Сборник статей. Edited by ФРОЛОВ, Н. К. & al. Издательство Тюменского государственного университета, Тюмень 2001, p. 50–56.
- *Казым*. In: *Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа*. В 3 т. Ханты-Мансийск 2000/2, p. 9.
- *Угорская субстратная топонимия как показатель местожительства манси и ханты в XVI–XX веках*. In: *Ханты-Мансийский автономный округ: историко-культурная и социально-экономическая характеристика в аспекте создания региональной энциклопедии*. Материалы научно-практической конференции (16–17 декабря 1997 г.). Томск 1997, p. 92–98.

- FROLOV, N. K. • Фролов, Н. К. *Казым*. In: *Русская ономастика и ономастика России*. Словарь. Edited by ТРУБАЧЕВ, О. Н. Школа-Пресс, Москва 1994, p. 99–100.
- **Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков**. Издательство Новосибирского государственного университета. Новосибирск 1991. 96 p.
- *Угорские заимствования в русской топонимии Нижней Конды*. In: *CIFU-7/3C* (1990), p. 291–295.
- *Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимии*. In: *CIFU-6/2* (1990), p. 208–210.
- *Субстратная обь-угорская топонимия как показатель местожительства манси и ханты в XVI–XX вв.* In: *Языки народностей Севера: лексика, топонимия*. Якутск 1988, p. 63–68.
- *Пути фонетической адаптации хантыйских по происхождению топонимов в системе русской региональной топонимии*. In: *Проблемы филологии Западной Сибири и Урала*. Тезисы докладов областной конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени (2–4 октября 1986 г.). Тюменский государственный университет, Тюмень 1986, p. 39–41.
- **Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья**. Издательство Красноярского государственного университета, Красноярск 1986. 176 p.
- Предисловие. – Введение. – Принципы исследования заимствованной топонимической лексики. Способы описания топонимических заимствований. – Синхронический аспект транскрипции региональных заимствованных названий. Диахронический аспект фонетико-морфологической адаптации топонимического субстрата. Морфологическая адаптация. Семантическая адаптация. – Финальные рифмующиеся сегменты. Структурно-семантические классы продуктивных детерминативов. Типовые инициальные основы. – Заключение. – Приложения.
- *К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья*. In: *Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР*. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1985, p. 129–138.
- **Структура топонимии Тюменского Зауралья. Учебное пособие**. Тюменский государственный университет, Тюмень 1984. 60 p.
- *Субстратные топонимические финалы как показатель древних лингвоэтнических контактов*. In: *Методы топонимических исследований* (Вопросы ономастики 16). Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 23–28.
- *Русские топонимы в угро-самодийской языковой среде*. In: *Перспективы развития славянской ономастики*. Наука, Москва 1980, p. 345–350.

- FROLOV, N. K. • Фролов, Н. К. *Семантические модели русских и угорских гидронимов Нижней Оби*. In: *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронежский государственный университет, Воронеж 1980, p. 99–109.
- *Русско-угорские гидронимы бассейна Нижней Оби*. In: *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронежский государственный университет, Воронеж 1978, p. 122–127.
- GALKIN, I. S. • Галкин, И. С. *Об угорских элементах в топонимике Республики Марий Эл*. In: *ОнПов*. 8. Волгоград 1998, p. 48–49.
- *Об угорских элементах в топонимии Республики Марий Эл*. In: *Финно-угроведение* 4. Йошкар-Ола 1997, p. 94–95.
- GLINSKIKH, G. V. • Глинских, Г. В. *Отражение диалектных особенностей мансийского языка в субстратной топонимии бассейна реки Тавды*. In: *Этимологические исследования* 5. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1991, p. 36–40.
- *Zur Widerspiegelung mundartlicher Züge der Quellensprache in der russischen Toponymie wogulischer Herkunft am Fluss Tavda*. In: *CIFU-6/2* (1985), p. 156.
- *Заметки по этимологии мансийских топонимов*. In: *СФУ* 2 (1983), p. 126–134.
- *О принципах и методах исследования субстратной топонимии*. In: *Методы топонимических исследований (Вопросы ономастики 16)*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 3–22.
- *Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде*. In: *Этимологические исследования 1. Этимология русских диалектных слов*. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1978, p. 109–179.
- *Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды*. In: *Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой (Вопросы ономастики 11)*. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1976, p. 5–32.
- *Детерминативы в русской топонимике мансийского происхождения в бассейне реки Тавды*. In: *Вопросы ономастики* 8–9. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1974, p. 39–46.
- *К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории*. In: *Вопросы топонимистики* 6. Сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1972, p. 75–84.
- *Народная этимология в русской топонимике мансийского происхождения*. In: *Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов*. Саранск 1972, p. 10–12.

- GLINSKIĖH, G. V. • Глинских, Г. В. *Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелымья*. In: *Вопросы топонимастики* 5. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Ученые записки Уральского государственного университета 114/18, Свердловск 1971, p. 35–57.
- *Мансийские географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении (на материале среднего и нижнего Припелымья)*. In: *Вопросы топонимастики* 4. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Ученые записки Уральского государственного университета 90/13. Свердловск 1970, p. 93–96.
- *Основные типы мансийской топонимики Среднего и Нижнего Припелымья*. In: *Всесоюзная конференция по финно-угроведению*. Тезисы докладов и сообщений (май–июнь 1969 г.). Йошкар-Ола 1969, p. 14–17.
- GLINSKIĖH, G. V.—МАТВЕЕВ, А. К. • Глинских, Г. В.—Матвеев, А. К. *О некоторых фонетических и лексических особенностях мансийской топонимии Северного Урала*. In: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. Материалы Всесоюзной конференции (3–5 июня 1976 г.). Томский государственный педагогический институт, Томск 1976, p. 136–140.
- *Материалы по мансийской топонимике*. I. In: *Вопросы ономастики* 10. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1975, p. 5–67.
- GORDEEV, F. I. • Гордеев, Ф. И. *Об угорском наследии в топонимии Среднего Поволжья*. In: *Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия — памятники культуры»* 1. Москва 1991.
- IGNATYEV, D • Игнатъев, Д. *Названія водъ, урочищъ и проч., как памятники Югровъ въ Уфимской губерніи*. Записки Оренбургского отдела имп. Русского географического общества, выпуск IV. Оренбург 1881.
- IVANOVA, Y. E. • Иванова, Е. Э. *Историко-этимологические наблюдения над топонимией реки Чусовой*. In: *Этимологические исследования* 7. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2001, p. 141–147.
- KALININA, L. I. • Калинина, Л. И. *Гидронимия как источник изучения древних передвижений угров*. In: *Пытання гидронимикы*. Київ 1971, p. 152–155.
- *Русская адаптация хантыйских топонимов*. In: *Топонимика Востока*. Наука, Москва 1969, p. 175–182.
- *О географическом термине тор и его вариантах*. In: *Вопросы финно-угорского языкознания* 4 (1967), p. 109–113.
- *Приемы адаптации русским языком хантыйских топонимов*. In: *Всесоюзная конференция по топонимике СССР*. Тезисы докладов и сообщений. Ленинград 1965, p. 210–212.
- *Хантыйские топонимы Васюгана*. In: *Ученые записки Томского государственного университета* 20 (1962), p. 127–143.

- KALININA, L. I. • Калинина, Л. И. *Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири*. In: *Ученые записки Томского государственного университета* 19 (1961), p. 211–215.
- *Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана* In: *Ученые записки Томского государственного университета* 19 (1961), p. 190–210.
- *О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби*. In: *Ученые записки Томского государственного университета* 18 (1959), p. 112–124.
- KANNISTO, A. *Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung*. In: *FUF* 18 (1927), p. 57–89.
- *Zur Frage nach den älteren Wohnsitzen der ob-ugrischen Völker*. In: *FUF* 18 (1927), p. 56–87.
- KARELIN, V. G. • Карелин, В. Г. *Александр фон Гумбольдт и гора Конжаковский камень*. In: *Александр Гумбольдт и исследования Урала*. Тезисы докладов Российско-Германской конференции (Екатеринбург, 20–21 июня 2002 г.). Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2002, p. 208–211.
- *Географические открытия венгра А. Регули на Урале*. In: *Известия РАН, серия географическая* 1996/5, p. 146–151.
- *Географические открытия венгра на Урале*. In: *Уральское краеведение. Уральский областник*. Екатеринбург 1996, p. 52–56.
- *Современное значение материалов по языку манси, собранных А. Регули в середине XIX в.* In: *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Тезисы докладов Международной научной конференции. Новосибирск 1995/1, p. 136–139.
- *Hegyevek Reguly Antal Északi-Urál térképén. A XIX sz. közepe*. In: *Földrajzi Közlemények* 39/115 (1991), p. 37–47.
- KATZ, HARTMUT *Zur obugrischen Benennung des Ob*. In: *FUM* 6, p. 173–174.
- KHISAMITDINOVA, F. G. • Хисамитдинова, Ф. Г. *Субстратная топонимия бассейна реки Агидель и проблема угро-тюркских этнолингвистических контактов*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1993, p. 92–100.
- *Угорская субстратная топонимия на -š/-s в Башкирии*. In: *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Уфа 1989, p. 102–111.
- KHROMOVA, N. V. • Хромова, Н. В. *Обско-угорские элементы в топонимии бассейна реки Вагай*. In: *Региональные особенности структуры и семантики языковых единиц*. Сборник статей. Тюменский государственный университет, Тюмень 1989, p. 96–106.
- *Обско-угорские элементы в топонимии бассейна реки Вагай*. In: *Проблемы филологии Западной Сибири и Урала*. Тезисы докладов областной конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени (2–4 октября 1986 г.). Тюменский государственный университет, Тюмень 1986, p. 41–42.

- KIREEV, V. V. • Киреев, В. В. *О некоторых географических названиях иноязычного происхождения на территории Горнозаводского района Пермской области*. In: *Вопросы топонимстики* 4. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Ученые записки Уральского государственного университета 90/13. Свердловск 1987, p. 97–98.
- KONTAR', A. Y. • Контарь, А. Е. *Структурные типы ойконимов северной части Тюменской области*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1993, p. 170–189.
- *К проблеме передачи мансийских ойконимов в русских документах XVII–начала XX в.* In: *XVII Всесоюзная финно-угорская конференция*. Тезисы докладов. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, Удмуртский государственный университет, Устинов 1987/1, p. 121–122.
- *Морфологическая адаптация мансийских ойконимов в русском языке*. In: *Формирование и развитие топонимии (Вопросы ономастики 18)*. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1987, p. 131–135.
- *Орографическая терминология в топонимии Уральского Севера*. In: *Топонимия и диалектная лексика*. Тезисы докладов научной студенческой конференции (27–29 марта 1985 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1985, p. 21–22.
- *К взаимодействию языков в гидронимии бассейна реки Ляпин (Приполярный Урал)*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 21–22.
- KOVNER, A. L. • Ковнер, А. Л. *Из наблюдений над мансийской орографической терминологией и ее употреблением в оронимике*. In: *Вопросы ономастики* 7 (1974), p. 91–92.
- *Оронимические термины в мансийских географических названиях Северного Урала*. In: *Всесоюзная конференция по финно-угроведению* (май–июнь 1969 г.). Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола 1969, p. 37–39.
- KRASNOPEEVA, N. Y. • Краснопеева Н. Е. *Отражение народных знаний хантов в гидронимах Березовского района*. In: *Языки и культура народов ханты и манси*. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Научно-исследовательского института обско-угорских народов (Ханты-Мансийск, 27–30 ноября 2001 г.). Часть II. Филология. Издательство Томского государственного университета, Томск 2004, p. 39–42.
- *Народная гидронимия хантов Березовского района*. In: *Материалы III Югорских чтений* (Ханты-Мансийск, 26–27 апреля 2000 г.). Издательство Томского государственного университета, Томск 2001, p. 146–148.

- KUKLIN, A. N. • Куклин, А. Н. *Угорские элементы в топонимии Марийской АССР*. In: *CIFU-7/3C* (1990), p. 118–123.
- *Die igrischen Elemente in den Ortsnamen der Marischen Republik*. In: *CIFU-7/2A* (1990), p. 125.
- KUZAKOVA, Y. A. • Кузакова, Е. А. *О мансийских топонимах на верхней Конде*. In: *СФУ 23* (1987), p. 117–119.
- *Топонимия восточных манси*. In: *СФУ 2* (1979), p. 84–88.
- *Из наблюдений над мансийской орографической терминологией и ее употреблении в оронимике*. In: *Вопросы ономастики 7*. Сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1974, p. 91–92.
- LABUNETS, N. V. • Лабунец, Н. В. *Заимствования в географической лексике и топонимии юга Тюменской области*. In: *Русская диалектная этимология*. Материалы IV Международной научной конференции (Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г.). Издательство Уральского государственного университета. Екатеринбург 2002, p. 68–70.
- *Обско-угорские заимствования в географической терминологии русских старожилов юга Тюменской области*. In: *Космос Севера 3*. Сборник статей. Edited by ЛАГУНОВА, О. К. Средне-Уральское книжное издательство, Екатеринбург 2002, p. 158–169.
- *Гидрографические термины как свидетельство миграции древних угров*. In: *Космос Севера 2*. Сборник статей. Edited by ЛАГУНОВА, О. К. Средне-Уральское книжное издательство, Екатеринбург 2000, p. 158–169.
- *О былом расселении южных угров по данным гидронимии*. In: *Ежегодник областного краеведческого музея 1995*. Издательство Тюменского государственного университета. Тюмень 1998, p. 84–89.
- *Топонимические данные и былое расселение южных угров*. In: *Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения — 95»*. Тюменский государственный университет. Тюмень 1996, p. 112–113.
- *Отражение древних тюрко-угорских контактов в топонимии юга Тюменской области*. In: *Роль русского культурного пространства в становлении Российской государственности в Сибири*. Тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции. Тюменский государственный университет. Тюмень 1994, p. 99–103.
- LEONOVA, T. N. • Леонова, Т. Н. *Топонимическая карта Тюменской области*. In: *Этнография имен*. Москва 1971, p. 148–153.
- MALOLETKO, A. M. • Малолетко, А. М. *Древнейшие элементы в языке и топонимии уральцев*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1993, p. 79–91.
- *Палеотопонимика*. Издательство Томского государственного университета, Томск 1992. 264 p.

МАТВЕЕВ, А. К. • Матвеев, А. К. Географические названия Тюменского Севера. Издательство Уральского университета, Екатеринбург 1997. 191 р.

От автора. – Краткий очерк топонимии Тюменского Севера. – Словарь. – Литература. – Лингвистические термины. – Сокращения. – Как собирать географические названия. – Как составлять словарь географических названий.

- *Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов* In: ВЯ 2 (1995), р. 29–42.
- *К проблеме древних миграций уральских народов*. In: *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Тезисы докладов Международной научной конференции. Новосибирск 1995/1, р. 14–17.
- *Гидронимический ареал на -им, -ым на правобережье Оби и некоторые вопросы древней истории народов Западной Сибири*. In: *Сургут, Сибирь, Россия*. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута (Сургут, 22–25 марта 1994 г.). Тезисы докладов. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1994, р. 104–106.
- *Следы былых контактов с ненцами в мансийской топонимии*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1993, р. 27–36.
- ***Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Второе издание, переработанное и дополненное. Южно-Уральское книжное издательство, Челябинск 1990. 288 р.***

От автора. – Урал. Пай-Хой. Полярный Урал. Приполярный Урал. Северный Урал. Средний Урал. Южный Урал. Мугоджары. – Справочный отдел.
- *Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования*. In: *Вопросы финно-угорской ономастики*. Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии Наук СССР, Ижевск 1989, р. 5–18.
- *Географические названия Тюменского севера (к составлению топонимического словаря)*. In: *Восьмые Бирюковские чтения*. Тезисы докладов. Челябинск 1988, р. 342–343.
- ***Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск 1980. 318 р. Издание второе, переработанное и дополненное. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск 1987. 208 р.***
- *Топонимические древности. 1. Топонимия и освоение окружающего мира*. In: *Формирование и развитие топонимии (Вопросы ономастики 18)*. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1987, р. 4–14.
- *Актуальные вопросы сбора и изучения топонимии народов Тюменского Севера*. In: *XVII Всесоюзная финно-угорская конференция*. Тезисы докладов. 1. Языкознание. Научно-исследовательский институт при Совете

- Министров Удмуртской АССР, Удмуртский государственный университет, Устинов 1987, р. 149–150.
- МАТВЕЕВ, А. К. • Матвеев, А. К. *К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала*. In: *Севернорусские говоры в иноязычном окружении*. Межвузовский сборник научных трудов. Edited by КОЛЕСОВ, В. В. & al. Сыктывкарский государственный университет, Пермский государственный университет, Сыктывкар 1986, р. 58–63.
- **Методы топонимических исследований. Учебное пособие. Уральский государственный университет, Свердловск 1986, р. 43–56, 75–100.**
- *Следы древних контактов с ненцами в топонимии обских угров*. In: *Проблемы филологии Западной Сибири и Урала*. Тезисы докладов областной конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени (2–4 октября 1986 г.). Тюменский государственный университет, Тюмень 1986, р. 1.
- **Топонимия Урала. Учебное пособие. Уральский государственный университет, Свердловск 1985. 76 р.**
Введение: Предварительные замечания. История изучения топонимии Урала. Источники изучения уральской топонимии. О происхождении слова *Урал*. — Основные пласты уральской топонимии: Общие сведения о языках и топонимии коренного населения Урала. Ненецкая топонимия. Хантыйская топонимия. Мансийская топонимия. Коми топонимия. Тюркская топонимия. Русская топонимия. — Топонимия Урала как источник изучения древних языков и народов: взаимодействие и формирование субстратной топонимии на Урале. Палеоуральская гипотеза. Древняя финно-угорская топонимия на Среднем и Южном Урале и проблема “Великой Венгрии”. Иранская гипотеза. — Заключение.
- **От Пай-Хоя до Мугоджар. Названия уральских хребтов и гор. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск 1984. 272 р.**
От автора. — Урал. Пай-Хой. Полярный Урал. Приполярный Урал. Северный Урал. Средний Урал. Южный Урал. Мугоджары. — Приложения: Алфавитный указатель оронимов. Лингвистические термины. Литература.
- *К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии*. In: *Ономастика Европейского Севера СССР*. АН СССР, Институт языка, литературы и истории Карельского филиала, Географическое общество СССР, Северный филиал. Мурманское книжное издательство, Мурманск 1982, р. 49–58.
- *Изучение географических названий Урала*. In: *Пятые уральские Бирюковские чтения*. Краткие тезисы докладов и сообщений. Челябинск 1980, р. 72–74.
- *The mythological and historical components of Mansi toponymy*. In: *CIFU-5/2* (1980), р. 148.
- *Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов*. In: *Вопросы ономастики 12. Русская топонимия и географическая терминология*. Edited by МАТВЕЕВ, А.

- K. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1977, p. 5–20.
- МАТВЕЕВ, А. К. • Матвеев, А. К. *Нёройки караулят Урал. Путешествие в топонимию*. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск 1976. 216 p.**
- *К проблеме домансийского субстрата в гидронимии*. In: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. Материалы Всесоюзной конференции (3–5 июня 1976 г.). Томский государственный педагогический институт, Томск 1976, p. 118–121.
 - *Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики русского Севера*. In: *Вопросы финно-угроведения* 5. Йошкар-Ола 1970, p. 116–124.
 - *Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики русского Севера*. In: *Всесоюзная конференция по финно-угроведению*. Тезисы докладов и сообщений (май–июнь 1969 г.). Йошкар-Ола 1969, p. 191–197.
 - *О древнейших местах расселения угорских народов* In: *Труды Камской археологической экспедиции*. Ученые записки Пермского государственного университета 1968/191, p. 136–146.
 - *Основные задачи изучения уральской топонимики*. In: *Вопросы топонимастики* 3. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. Ученые записки Уральского государственного университета 49/3. Свердловск 1967, p. 3–12.
 - *Az ugor népek ősi letelepülési helyei (nyelvi adatok alapján)*. In: *NyK* 64 (1962), p. 289–297.
 - *Древнеуральская топонимика и ее происхождение*. In: *Вопросы археологии Урала* 1. Свердловск 1961, p. 133–141.
 - ***Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала*. In: *Ученые записки Уральского государственного университета* 1959/32, Свердловск, 124 p.**
- МАТВЕЕВ, А. К.—SHALAMOVA, G. Y. • Матвеев, А. К.—Шаламова, Г. Я.** *Топонимические исследования на Урале*. In: *Материалы научной филологической конференции вузов Уральского зоны*. Edited by ВОВЧОК, П. А. Свердловск 1969, p. 51–59.
- MUMINOV, M. T. • Муминов, М. Т.** *Некоторые вопросы изучения финно-угорской субстратной топонимики Зауралья*. In: *Всесоюзная конференция по финно-угроведению* (май–июнь 1969 г.). Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола 1969, p. 54–57.
- MUNKÁCSI, BERNÁT** *A vogul nép ősi hitvilága*. In: *NyK* 29 (1899) I, p. 129–163; II, p. 249–297; III, p. 361–396; 30 (1900) IV, p. 1–36; V, p. 129–171, VI, p. 241–269; VII, p. 353–406; 31 (1901) VIII, p. 1–54; 32 (1902) IX, p. 1–38; X, p. 129–160.
- *Vogul Népköltési Gyűjtemény IV. A vogul föld helynevei*. Budapest 1896, p. 429–440.
- MUNKÁCSI, BERNÁT—KÁLMÁN, BÉLA** *Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény IV*. Budapest 1963, p. 56–69, 257–258.

- OLESOVA, G. I. • Олесова, Г. И. *Мансийские оронимы Северного Урала*. In: *Вопросы топонимастики* 1. Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания. Уральский государственный университет. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. Свердловск 1962, p. 33–37.
- PAKLINA, Y. E. • Паклина, Е. Э. *К изучению субстратной гидронимии бассейна реки Чусовой*. In: *Топонимия Урала и Севера европейской части СССР (Вопросы ономастики 17)*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1985, p. 81–83.
- *Субстратная гидронимия реки Чусовой*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой межвузовской конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 34–35.
- RÁPAY JÓZSEF *Reguly Antal urali térképe*. In: *Földrajzi Közlemények* 34 (1906), p. 349–370.
- PATKANOV, S. K. • Патканов, С. К. *О происхождении слова «Сибирь»*. In: *Сибирский сборник: Приложение к газете «Восточное обозрение», 1891/2*. Переиздание: ПАТКАНОВ, С. К. *Сочинения, в 2 т.* Edited by ПАХИМОВИЧ, С. Г. Издательство Ю. Мандрики, Тюмень 1999/2, p. 8–19.
- RETROVYKH, F. I. • Петровых, Ф. И. *Угорская топонимика Среднего Прикамья*. In: *Труды Камской археологической экспедиции* 3. Ученые записки Пермского государственного университета 12/1 (1960), p. 275 – 277.
- POLYAKOVA, Y. N. • Полякова, Е. Н. *Об отражении в пермской топонимии результатов взаимодействия разных языков*. In: *Межкультурная коммуникация*. Межвузовский сборник научных трудов. Пермский государственный университет, Пермь 2004, p. 3–8.
- *Ойконимия Пермской области в историческом аспекте*. In: *Словесность и современность*. Материалы научной конференции. Пермь 2000/2, p. 91–98.
- POPOVA, L. • Попова, Л. *О стратиграфии топонимии бассейна Нижней Оби*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, p. 35–37.
- RADOMSKI, ROSEMARIE *Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes*. *Ars Ob-Ugrica* 11. *Congregatio Ob-Ugrica, München* 1994. 483 p.
- *Kirchdörfer in der ostjakischen geographischen Nomenklatur*. In: *UAJb*. Neue Folge 9 (1990), p. 64–74.
- *Spuren ostjakischer Ortsnamen im Westsibirischen Industriegebiet*. In: *FUM* 12–13 (1988–1989), p. 163–168.
- *Geographisch-topographische Angaben in ostjakischen Heldenliedern*. In: *UAJb*. Neue Folge. Wiesbaden 1985/5, p. 1–29.

- RADOMSKI, ROSEMARIE *Dialektvarianten in ostjakischen Ortsnamen*. In: *PI-COS* 13. Krakow 1978, p. 275–278.
- RADOMSKI-BRACHWITZ, ROSEMARIE *Die Struktur ostjakischer Toponyme*. In: *CIFU-3/1* (1975), p. 666–669.
- ***Ostjakische Ortsnamen. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts Universität zu Kiel. Kiel 1969, pp. VII + 240 + 3 (Übersichtskarte).***
 Einleitung: Gegenstand der Untersuchung. Allgemeine Angaben über die Ostjaken. – Die Ortsnamen: Bisherige wissenschaftliche Behandlung. Namenmaterial (Quellen. Schreib- und Zitierweise). – Struktur der Namen: Grundwörter (Allgemeines. Flüsse, Bäche. Seen, Tümpel. Siedlungen. Sonstige Ortsbezeichnungen. Scheinbare Divergenz von Grundwort und Objekt. Das Appellativum als Namen). Bestimmungswörter (Allgemeines. Tiere. Pflanzen. Geophysische Gegebenheiten. Lage. Wirtschaft, Verkehr. Ansiedlungen. Bewohner. Religion. Verschiedenes). Vermutlich ostjakische Wörter. – Morphologische Typen: Allgemeines. Suffixloses attributives Nomen als Bestimmungswort. – Russische Adaptation: Allgemeines. Lautliche Adaptation. Morphologischen Adaptation. Alte ostjakische Lautformen in russischen Namen. – Die Toponymik des heutigen ostjakischen Wohngebietes: Ostjakische Namen. Nichtostjakische Namen (Allgemeines. Russisch. Syrjänisch. Wogulisch. Jurakisch. Selkupisch. Ketisch). Name unbekannten Ursprungs (Mikrohydronymik. Makrohydronymik. Problematik des Substrates). – Ortsnamenforschung und Siedlungsgeschichte. – Zusammenfassende Bemerkungen. – Abkürzungsverzeichnisse. Literaturverzeichnis. Register der Grundwörter. Register der Bestimmungswörter. Karten.
Review: KÁLMÁN, BÉLA *NyK.* 73 (1971), p. 262–263; SCHULZE, BRIGITTE *CФУ* 1 (1973), p. 74–77; VÉRTES, EDIT *ALH* 23 (1973), p. 414–417.
- ROMBANDEEVA, Y. I. • Ромбандеева, Е. И. *Ойконимы на территории расселения северных манси*. In: *Материалы IV Югорских чтений* (7 февраля 2001 г.). Сборник научных статей. Edited by РОМБАНДЕЕВА, Y. I. Научно-исследовательский институт обско-угорских народов, Ханты-Мансийск 2001, p. 44–52.
- *История народа манси (вогулов) и его духовная культура*. Северный Дом, Сургут 1993, p. 53–54.
- *Néhány vogul helynév etimológiája*. In: *MNyj.* 13 (1967), p. 85–90.
- *Некоторые этимологии мансийских топонимов*. In: *Вопросы финно-угорского языкознания* 3. Ужгород 1965 (1966), p. 45–52.
- *Основные типы мансийских географических названий*. In: *Всесоюзная конференция по топонимике СССР*. Ленинград 1965, p. 205–208.
- ROMBANDEEVA, Y. I.—KARELIN, V. G. • Ромбандеева, Е. И.—Карелин, В. Г. *Мансийские оронимы на вставке к карте Северного Урала А. Регули (середина XIX в.)*. In: *CФУ* 25 (1989), p. 256–261.
- ROZEN, M. F.—MALOLETKO, A. M. • Розен, М. Ф.—Малолетко, А. М. *Географические термины Западной Сибири*. Томск 1986. 205 p.
- SCHIEFER, ERHARD F. *Beitrag zu den Familiennamen bei den Ostjaken (Chanten)*. In: *CФУ* 20 (1984), p. 115–117.

- SCHMIDT, ÉVA *Éneknyelvi településnevek az Ob mentén*. In: *Urálisztikai tanulmányok* (Hajdú Péter 60 születésnapja tiszteletére). Edited by BERECSKI, GÁBOR—DOMOKOS, PÉTER. Budapest 1983, p. 351–362.
- SEREBRENNIKOV, B. A. *Die ugroiden Völker als alte Besiedler des russischen Nordens*. In: *UAJb*. 41 (1969), p. 282–285.
- SEREBRENNIKOV, B. A. • Серебренников, Б. А. *К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на -im (-im)*. In: *Нук* 70 (1968), p. 127–138.
- SHASHKOV, A. T. • Шашков, А. Т. *От княжества к ясачной волости*. In: БАРАНОВ, Н. Н.—БЕЛОБОРОДОВ, В. К. & al. *Очерки истории Югры*. Edited by РЕДИН, Д. А.—ПАТРИКЕЕВ, Н. Б. Волот, Екатеринбург 2000, p. 135–140.
- SMIRNOV, O. V. • Смирнов, О. В. *Мансийская топонимия реки Чусовой в записях Г. Ф. Миллера*. In: *Этимологические исследования 7*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2001, p. 121–141.
- *О названии озера Таватуй на Среднем Урале*. In: *Известия Уральского государственного университета* 20/4 (2001), p. 129–134.
- *От русской кальки к мансийскому этимону*. In: *Русская диалектная этимология*. Тезисы докладов Второго научного совещания (17–19 апреля 1996 г.). Уральский государственный университет, Екатеринбург 1996, p. 44–45.
- *Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала*. In: *Ономастика и диалектная лексика*. Сборник научных трудов. Edited by РУТ, М. Э. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1996, p. 51–74.
- *Субстратная мансийская топонимия верхнего течения Южной Сосвы*. In: *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Тезисы международной научной конференции. Новосибирск 1995/1, p. 145–147.
- STEINITZ, WOLFGANG *Zu vorrussischen Namen und ihre Aufnahme und Wiedergabe im Russischen*. In: STEINITZ, WOLFGANG *Ostjakologische Arbeiten IV*. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Für die Herausgabe wissenschaftlich bearbeitet von EWALD LANG, GERT SAUER und RENATE STEINITZ. Berlin 1980, p. 284–291.
- *Zu vorrussischen Namen und ihre Aufnahme und Wiedergabe im Russischen*. In: *Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik* 29 (1963), p. 7–14.
- *Zur Toponymik des nördlichen Obgebietes*. In: *CIFU-1* (1960), p. 197–199.
- STEINITZ, WOLFGANG • Штейниц, Вольфганг *Из топонимии Северного Пооя*. In: *Географические названия. Вопросы географии* 58. Географиз, Москва 1962, p. 109–111.
- ТЫЛИКОВ, Р. И. • Тыликов, П. И. *Топонимия населенных пунктов по р. Сыня Шурьешкарского района*. In: *Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность*. Материалы Всероссийской

- научно-практической конференции (март 1995 г.). Тобольск 1995, р. 97–99.
- TERPLYASHINA, T. I. • Тепляшина, Т. И. *Еще раз о топоформанте -ым (-им)*. In: *Ономастика*. Наука, Москва 1969, р. 216–220.
- TERLOUKHOV, A. F. • Теплоухов, А. Ф. *О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце*. In: *Труды Камской археологической экспедиции* 3. Ученые записки Пермского государственного университета 12/1 (1960), р. 270–274.
- *Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами*. In: *Записки Уральского общества любителей естествознания* 39 (1924), р. 81–112.
- TSAGARELI, Y. • Цагарели, Я. *К изучению гидронимии бассейна реки Хулга*. In: *Ономастика и диалектная лексика (топонимия и географическая терминология)*. Тезисы докладов научной студенческой межвузовской конференции (29–31 марта 1983 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1983, р. 44–45.
- TURKIN, A. I. • Туркин, А. И. *Коми местные географические термины ненецкого и обско-угорского происхождения*. In: *Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР (Вопросы ономастики 17)*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1985, р. 122–125.
- *Обско-угорская топонимия в бассейне Вычегды*. In: *НУК* 75 (1973), р. 359–364.
- *Угорская топонимика в бассейне Вычегды*. In: *Материалы третьей Коми республиканской молодежной научной конференции*. Сыктывкар 1969, р. 46–47.
- ТУАВОТОВ, М. А. • Тяботов, М. А. *К вопросу о доугорском населении Западной Сибири*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1993, р. 58–78.
- *Индикаторы коми языка в топонимии Приобья*. In: *Этимологические исследования* 5. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1991, р. 12–30.
- *Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений ханты*. In: *Номинация в ономастике (Вопросы ономастики 19)*. Сборник научных трудов. Уральский государственный университет, Екатеринбург 1991, р. 111–125.
- Угорские княжества в составе Русского государства на рубеже XVI–XVII вв.* In: БАРАНОВ, Н. Н.—ГОРШКОВ, С. В.—ЗЫКОВ, А. П. & al. *История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней*. Учебник для старших классов. Edited by РЕДИН, Д. А. Волот, Екатеринбург 1999, р. 142–152.

- VISHNEVSKIY, B. N. • Вишневский, Б. Н. *Следы угров на Западном Урале*. In: *Труды Камской Археологической Экспедиции* 3. Ученые записки Пермского государственного университета 12/1 (1960), Пермь, р. 255.
- VITUSHKINA, L. A. • Витушкина, Л. А. *Глагольные конструкции в мансийской топонимике*. In: *Вопросы топонимастики* 5. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Ученые записки Уральского государственного университета 114/18 (1971), Свердловск, р. 58–61.
- *Глагольные конструкции в мансийской топонимике*. In: *Всесоюзная конференция по финно-угроведению* (май–июнь 1969 г.). Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола 1969, р. 12–14.
- VLASOVA, D. D. • Власова, Д. Д. *Мансийские географические термины в русском употреблении на территории Кондинского района Тюменской области*. In: *Вопросы ономастики* 12. Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1977, р. 124–137.
- *Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси*. In: *Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка* (Вопросы ономастики 14). Межвузовский сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1980, р. 57–63.
- VOSTRIKOV, O. V. • Востриков, О. В. *Об одной фонетической особенности субстратной топонимии Среднего Предуралья*. In: *Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР* (Вопросы ономастики 17). Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1985, р. 75–80.
- VUONO, G. P. • Вуоно, Г. П. *Адаптация мансийских топонимов русским языком*. In: *Ономастика Поволжья*. Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск 1969, р. 185–188.
- *Особенности мансийской топонимии Припелымья*. In: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. Материалы межвузовской конференции (Томский государственный педагогический институт, 11–13 мая 1969 г.). Издательство Томского государственного университета, Томск 1969, р. 102–104.
- *Мансийская топонимия Привишерья*. In: *Географические названия Прикамья*. Edited by ТАНАЕВСКИЙ, В. А. & al. Пермский государственный университет, Пермский отдел географического общества Союза ССР, Ученые записки 177 (1968), р. 104–114.
- *О некоторых звуковых вариантах мансийских топонимов*. In: *Ученые записки Томского государственного педагогического института* 22 (1965), р. 154–160.
- *Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении*. In: *Топонимика Востока*. Новые исследования. Edited by БОНДАРУК, Г. П. Москва 1964, р. 115–125.

- VUONO, G. P. • Вуоно, Г. П. *Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения*. In: *Ученые записки Томского государственного педагогического института* 211 (1964), p. 103–113.
- YUNAKOVSKAYA, A. A. • Юнаковская, А. А. *Отражение межъязыкового взаимодействия в границах Среднего Прииртышья*. In: *VII Житниковские чтения: диалог языков и культур в гуманистической парадигме*. Материалы научной конференции (5–6 октября 2004 г.). Edited by НИКОЛАЕВА, Н. А. Челябинский государственный университет, Челябинск 2004, p. 104–105.
- ZAEV, A. N. • Заев, А. Н. *Топонимический словарь Югры*. In: *Югра*. Историко-культурный журнал. Ханты-Мансийск 1992/12, p. 56; 1993/1, p. 55; 1993/2, p. 57; 1993/3, p. 58; 1993/4, p. 54; 1993/5, p. 57; 1993/6, p. 59; 1993/7, p. 53.

Personal Names

- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Топонимия бассейна реки Казым*. Издательство Уральского университета, Екатеринбург 2005, p. 274–287.
- HAUEL, PETRA *Die ostjakischen Personennamen unter besonderer Berücksichtigung der Personennamen des 17. Jahrhunderts. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 38. Harrasowitz, Wiesbaden 1994. 153 p.*
 Einleitung. – Forschungsstand. – Namengebund. – Die historische Entwicklung der ostjakischen Anthroponymie: Gesellschaftliche Aspekte. Das ostjakische anthroponymische System unter den gentilgesellschaftlichen Verhältnissen der vorrussischen Periode. Die ostjakische Anthroponymie in der russischen Periode (16./17. Jahrhundert, 18. Jahrhundert, 19./20. Jahrhundert). Die ostjakische Anthroponymie in der sowjetischen Periode / Gegenwart. Zusammenfassung. – Untersuchung der Steuerliste des Kreises Berëzovo aus dem Jahre 1639: Charakteristik des Materials. Lexikalisch-semantische Beschreibung (Rekonstruktion. Namenvarianz. Erklärung der Personennamen. Namenverzeichnis). Lexikalisch-semantische Gruppierung (Physische Merkmale. Verhaltensweisen. Tierwelt. Gegenstände des täglichen Lebens. Werkzeuge. Waffen. Kleidung. Pflanzenwelt. Verwandtschaftsbezeichnungen. Tätigkeiten, die den Menschen charakterisieren. Soziale Stellung. Zahlennamen. Herkunfts- und Wohnstättennamen. Sonstige Namen). Fremdnamen (Personennamen russischer, wogulischer, syryjanischer, nenzischer, tatarischer Herkunft). Sprachliche Zusammensetzung der Gesamtnamen. Strukturell-grammatische Beschreibung (Struktur der Gesamtnamen: Zweinamigkeit. Dreinamigkeit. Einnamigkeit. Sonderformen). Namenbildung im Ostjakischen. – Zusammenfassung. – Anmerkungen. – Quellenverzeichnis. – Literaturverzeichnis. – Anhang. Abschrift der Steuerliste des Kreises Berëzovo aus den Jahre 1639. Tabelle I: Namengebung bei den Ostjaken. Tabelle II: Historische Entwicklung der ostjakischen Anthroponymie. Karte der ostjakischen und wogulischen Siedlungen im 16./17. Jahrhundert. Kartenskizze der ostjakischen und wogulischen Amtsbezirke des Gouvernements Tobolsk zu Ende des 18. Jahrhunderts. Karte des Autonomen Kreises der Chanten und Mansen.

- Review:** SCHULZE BRIGITTE *Wie bekamen sie ihre Namen?* In: *FUF* 53 (1996), p. 223–226.
- HAUEL, PETRA *Zu ostjakischen Personennamen*. In: *CIFU-7/3C* (1990), p. 332–337.
- *Einige Charakteristika ostjakischer Personennamen der Gegenwart*. In: *Berliner Beiträge zur Hungarologie* 3. Edited by KÁRPÁTI, PAUL—TARNÓI, LÁSZLÓ. Berlin–Budapest 1988, p. 193–198.
- *Ostjakischer Personennamen einer Steuerliste aus dem Jahre 1639*. In: *NyK* 88 (1987), p. 249–257.
- *Ostjakische Personennamen einer Steuerliste aus dem Jahre 1639*. In: *CIFU-6/2* (1990), p. 269–271.
- KIS TAMÁS *Újabb szempontok az osztják személynévkutatásokhoz*. In: *FUD* 1 (1989), p. 39–44.
- SZ. KISPÁL MAGDOLNA *Vizsgálódás a vogul személynevek egy ősi rétegében*. In: *NytudÉrt.* 70 (1970), p. 239–244.
- KOVÁCS, MAGDOLNA *Vogul személynevek vizsgálata*. In: *NyK.* 86 (1984), p. 160–166.
- KUANYSHEV, B. M. • Куанышев, Б. М. *Тюркские элементы в обско-угорской антропонимии*. In: *Язык и прошлое народа*. Сборник научных трудов. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1993, p. 101–106.
- *О русских диалектных словах тюркского происхождения в фамилиях обских угров*. In: *Русская диалектная этимология*. Тезисы докладов межвузовской научной конференции (10–12 октября 1991 г.). Уральский государственный университет, Свердловск 1991, p. 20.
- ROMBANDEEVA, Y. I. • Ромбандеева, Е. И. *История народа манси (вогулов) и его духовная культура*. Северный Дом. Сургут 1993, p. 45–50.
- *Мансийские личные имена и фамилии*. In: *Языки народов Севера Сибири*. Академия наук СССР, Сибирское отделение, Новосибирск 1986, p. 20–25.
- SCHIEFER, ERHARD F. *Beitrag zu den Familiennamen bei den Ostjaken (Chanten)*. In: *CФУ* 20 (1984), p. 115–117.
- SKORIK, P. J. • Скорик, П. Й. *Антропонимические процессы у малых народностей Севера*. In: *Антропонимика* 1970, p. 39–52.
- SOKOLOVA, Z. P. • Соколова, З. П. *Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории*. In: *Этническая ономастика*. Наука, Москва 1984, p. 78–81.
- *Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.* Проблемы фратрии и рода. Наука, Москва 1983, p. 123–125.
- *Имя и прозвище у обских угров*. In: *Народы и языки Сибири*. Наука, Сибирское отделение, Новосибирск 1980, p. 266–270.
- *О происхождении обско-угорских имен и фамилий*. In: *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*. Наука, Москва 1970, p. 268–278.

- STEINITZ, WOLFGANG *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. In 15 Lfg. (1966–1993). Edited by GERT, SAUER. Akademie–Verlag GmbH, Berlin 1991/14, p. 1693–1740.
- SZ. KISPÁL MAGDOLNA see KISPÁL MAGDOLNA
- VÉRTES EDIT *Karjalajnen déli osztják szövegeinek személynevei*. In: *NytudÉrt*. 70 (1970), p. 249–253.
- *Beiträge zur Methodik der ostjakischen Personennamenforschung*. In: *Studia Onomastica Monacensia*. München 1961, p. 762–768.
- *Adalékok az osztják személynévkutatóhoz*. In: *NévtVizsg.* (1960), p. 150–156.

Other Names

- DMITRIEVA, T. N. • Дмитриева, Т. Н. *Топонимия бассейна реки Казым*. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург 2005, p. 366–409.
- *Взаимодействие христианских и традиционных религиозных представлений у казымских хантов*. In: *Узловые проблемы современного финно-угроведения*. Материалы 1 Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола 1995, p. 121–123.
- KOCHNEV, V. V. • Кочнев, В. В. *О кличках собак в мансийском языке*. In: *Вопросы ономастики 7*. Сборник. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. & al. Уральский государственный университет, Свердловск 1974, p. 98–100.
- MAYDANOVA, L. M. • Майданова, Л. М. *Ареалы финно-угорской этнонимии Урала*. In: *Вопросы топонимистики 1*. Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания. Уральский государственный университет. Edited by МАТВЕЕВ, А. К. Свердловск 1962, p. 22–32.
- MARTYNOVA, Y. P. • Мартынова, Е. П. *Боги обских угров*. In: БАРАНОВ, Н. Н.—БУГРОВ, Д. В. & al. *Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья*. Волот, Екатеринбург 1995, p. 77–85.
- MOLDANOV, TIMOFEY—MOLDANOVA, TATYANA • Молданов, Тимофей—Молданова, Татьяна. *Боги земли Казымской*. Edited by ЛУКИНА, Н. В. Издательство Томского государственного университета, Томск 2000. 114 p.
- RADOMSKI, ROSEMARIE *Merkmale ostjakischer Geisternamen*. In: *Wűša wűša — Sei begrüßt!* Beiträge zur Finnougristik zu Ehren von Gert Sauer dargebracht zu seinem siebzigsten Geburtstag. Edited by EUGEN HELIMSKI—ANNA WIDMER. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 57. Wiesbaden 2002, p. 251–270.
- ROMBANDEEVA, Y. I. • Ромбандеева, Е. И. *История народа манси (вогулов) и его духовная культура*. Северный Дом. Сургут 1993, p. 50–80.

Applied Onomastics

МАТВЕЕВ, А. К. • Матвеев, А. К. *Географические названия Тюменского Севера*. Издательство Уральского университета, Екатеринбург 1997. р. 182–186.

ROZOVA, L. I. • Розова, Л. И. *Инструкция по передаче на картах мансийских географических названий*. Edited by РОЗОВА, Л. И. Москва 1962. 20 p.

— *Инструкция по передаче на картах хантыйских географических названий*. Edited by РОЗОВА, Л. И. Москва 1962. 31 p.

ROZOVA, L. I.—ДОМОЗНІРОВ, L. A. • Розова, Л. И.—Доможиров, Л. А. *Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах*. Москва 1973. 106 p.

Into each volume of the series, anybody may send a study in addition to the authors invited if the study fits the syllabus. Studies have to be written in Hungarian, Russian and English. We regret to say that we are not able to pay author's fees. Their work is going to be recompensed by 5-5 copies of the given volume of the series. We kindly request the authors to send their manuscripts (in word format, too, if possible) to the editors to the following addresses.

Debreceni Egyetem
Magyar Nyelvtudományi Intézete

4010 Debrecen, Pf. 54.	Nyirkos István	inyirkos@tigris.unideb.hu
Tel.: +36-(52)512-900/22522	Hoffmann István	hoffmann@fox.unideb.hu
Fax: +36-(52)512-900/22193	Maticsák Sándor	maticsak@tigris.unideb.hu

Kotimaisten kielten tutkimuskeskus
Sörnäisten rantatie 25 Ritva Liisa Pitkänen pitkanen@domlang.fi
FIN-00500 Helsinki
Tel.: +358-(0)9-7315234
Fax: +358-(0)9-7315355

Volumes might be ordered by copies at a price of 10 euro (+ postal expenses).

Sziget Könyvesbolt
4010 Debrecen, Egyetem tér 1.
Pf. 76.

Volumes of Onomastica Uralica

0. *Plan of Series – Sorozatterv – Sarjan suunnitelma – Väljaande projekt – План серии*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–SÁNDOR MATICSÁK–ISTVÁN NYÍRKOS–RITVA LIISA PITKÄNEN. Debrecen–Helsinki, 2000. 88 p.
- 1a–b. *Selected Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN. Debrecen–Helsinki, 2001. 469 p. 2500 Ft
- 1c. *Hungarian Onomastics in Onoma*. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–ISTVÁN NYÍRKOS–FERENC ÖRDÖG. Debrecen, 2002. 289 p.
2. *History of the Study of Toponyms in the Uralian Languages*. Edited by ISTVÁN NYÍRKOS. Debrecen–Helsinki, 2002. 275 p. 2500 Ft
3. *Settlement Names in the Uralian Languages*. Edited by SÁNDOR MATICSÁK. Debrecen–Helsinki, 2005. 182 p. 2500 Ft
4. *Borrowing of Place Names in the Uralian Languages*. Edited by RITVA LIISA PITKÄNEN–JANNE SAARIKIVI. Debrecen–Helsinki, 2007. 223 p. 2500 Ft
5. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–VALÉRIA TÓTH. Debrecen–Helsinki, 2007. 172 p. 2500 Ft
6. To be published.
7. Edited by ISTVÁN HOFFMANN–VALÉRIA TÓTH. Debrecen–Helsinki, 2008. 168 p. 2500 Ft